

Епископ Григорий (Граббе).

Русская Церковь перед лицом господствующего зла

РЕВОЛЮЦИЯ

Государственный переворот в феврале-марте 1917 года осуществился для большинства русских людей совершенно неожиданно. Он всех застал врасплох, в том числе, конечно, Святейший Правительствующий Синод. Большинство членов его, к тому же было в отсутствии, уехав из Петрограда в свои епархии с наступлением Великого поста.

Общее положение Русской Церкви в то время могло казаться благополучным. Конечно, временами возникали проблемы. Как всегда, состав Синода, включая обер-прокурора, не всех мог удовлетворить; в частности, большой критике подвергался Петроградский митрополит Питирим, но в этом не виделось ничего катастрофического. Церковь к этому времени, вместе со всей империей, преодолела искушения революции 1905-1906 года. Тогда революция врвалась в ее внутреннюю жизнь главным образом в виде беспорядков в некоторых духовных Академиях и семинариях, но все это преодолели, и, казалось, наступило нормальное течение жизни под покровительством благочестивого царя.

Напряжение чувствовалось только в связи с тем, что шла напряженная война. Были все основания надеяться, что конец ее близится, и что она завершится победой, которая укрепила бы государственный строй и открыла бы возможность приступить к важнейшим реформам. К их числу многие надеялись присоединить восстановление патриаршества после созыва Всероссийского собора.

По грехам нашим Бог судил иначе. Тщательно подготовленный тайный заговор неожиданно поставил государя в такое положение, что он, не чувствуя ни в ком твердой опоры, вместо того видел кругом себя только измену, трусость и обман. Государь счел себя вынужденным подписать отречение от престола. Это сразу же вызвало быстрый развал всей государственной и общественной жизни, очень скоро отразившейся и на положении Церкви.

Все происходило невероятно быстро. Синод смог собраться только тогда, когда все уже было кончено, и почти сразу был изменен и его состав. а обер-прокурором назначен В. Н. Львов, не вполне нормальный фантазер. Мало кто в тот момент понял все значение происшедшего. События оценивались в обществе только с политической точки зрения и исходили из осуждения всего старого. Религиозно-нравственная сторона происшедшего не могла быть представлена ни в одном орган печати. Неограниченная свобода была предоставлена только для критики и осуждения всего, связанного с Церковью. Мало кто понял в тот момент, что приняв этот переворот, русский народ совершил грех клятвопреступления, отверг царя — Помазанника Божия и пошел по пути блудного сына евангельской притчи, подвергая себя таким же пагубным последствиям, какие испытал он, покинув отца.

Февральская революция 1917 года, а затем захват власти в России коммунистической партией повлекли за собой такие испытания для Церкви, каких никогда и нигде не было в истории человечества. Если гонения на веру возникали во многих странах с разной силой с первых лет существования Христианства, то никогда преследование его не достигало такого размаха и такого утонченного коварства, как в России при советской власти.

К мероприятиям, имевшим целью физическое истребление христиан, прибавилось возникновение расколов, пользовавшихся поддержкой коммунистической власти. Невозможно понять канонического положения Церкви в России без того, чтобы знать историю разных попыток советской власти внести в Церковь дезорганизацию и расколы с тем, чтобы подчинить ее врагам и разрушить ее изнутри. Для этого прежде всего были использованы лица, которые выросли в Православной Церкви и иногда даже были ее священнослужителями, но на самом деле, по разным мотивам, стремились к внесению в нее реформации протестантского характера. Эти лица создали обновленческое движение, которое появилось сразу же после государственного переворота.

Если были среди новых деятелей некоторые идеалисты, то они скоро потонули в море оппортунистов, стремившихся отнять власть из рук иерархии, или лиц, своекорыстно ставших на службу новой власти в ее усилиях для уничтожения веры в русском народе.

Обновленцы вышли из кругов русской интеллигенции, проявлявших интерес к религиозным вопросам. Эти лица приближались к Церкви, но не входили по настоящему в ее жизнь и не воспринимали ее учения полностью. В Петербурге и Москве, а частью и в других городах, они встречались в разных кружках, где, впрочем, наравне с ними выступали и лица с православными убеждениями, в том числе профессора Духовных Академий. Довольно долго в Петербурге, председателем на заседаниях Религиозно-философского общества был епископ Ямбургский Сергей (Страгородский), впоследствии Патриарх. Видным участником общества был и будущий вождь обновленцев епископ Антонин (Грановский). Из будущих заграничных деятелей назову Бердяева, Булгакова, Карташева, Мережковского, Франка. Кроме религиозно-философских обществ в Петербурге и Москве был ряд разных кружков, члены которых, если и интересовались религиозно-философскими вопросами, то с предубеждением относились ко всему ортодоксальному, как к чему-то скучному и устарелому. В некоторых случаях кружки эти так далеко уходили от Церкви, что приближались к

некоторым формам сатанизма. О московском религиозно-философском Обществе памяти Владимира Соловьева бывавший на его собраниях проф. Н. С. Арсеньев вспоминает: "Это была религиозность, но в значительной степени (хотя и не исключительно) вне-церковная, или, вернее, не-церковная, рядом с церковной, а главное, вливалась сюда порой и прямая струя "символического" оргиазма, буйно оргианистического, чувственно возбужденного (иногда даже сексуально-языческого) подхода к религии и религиозному опыту" [1].

Из участников таких кружков и нецерковно верующих "прогрессивного" направления вышли идейные основатели обновленческого движения. Гораздо больше было среди них "пресвитериан", то есть представителей белого духовенства, стремившихся к власти и питавших зависть и неприязнь к черному духовенству и епископам. Проф. Б. В. Титлинов, один из основателей и главных деятелей обновленческого движения, признает, что "в области внутренних церковных задач Живая Церковь поставила своей целью, прежде всего, освобождение церковной жизни из-под влияния монашеского епископата и передачу руководства церковными делами в руки белого духовенства" [2].

Среди них было много авантюристов и своекорыстных предателей Церкви. Тот же Титлинов признает, что значительная часть обновленческих деятелей идейные задачи ставила на второй план. По его словам для этого течения, если можно назвать его этим именем, "задачи идейного характера заслонялись задачей использования сегодняшней победы над старым церковным режимом и даже иногда жаждой отмщения за понесенные прежде обиды и несправедливости [3]. Проф. Титлинов был одним из главных организаторов и деятелей обновленчества и поэтому нельзя не поверить такому его свидетельству.

История показывает, что вообще люди такого типа обычно примыкают к революционным движениям. Еще в 1905 году группа будущего обновленческого духовенства присоединилась к революции. Из нее в Петербурге образовался левый кружок, известный под названием "тридцати двух священников". Не входя формально в число членов этого кружка, к нему примыкали и другие. Евгений Белков в 1906 году даже начал издавать журнал "Красный звонарь". Он был ярко революционного характера и скоро был закрыт властями. Попытки продолжать это издание под другим названием не имели успеха [4].

В первые же дни революции 1917 года, по выражению Введенского "еще под грохот уличной стрельбы", в Петроград, эта группа, по инициативе протоиерея Егорова, собралась на квартире протоиерея Михаила Попова. Там было решено организовать все "прогрессивное" церковное общество во "Всероссийский Союз демократического духовенства и мирян". На первом месте у этого общества стояли цели революции и установление республиканского образа правления, а на третьем - реформа в Церкви. Председателем избрали священника Дмитрия Попова, а секретарем протоиерея Александра Введенского, будущего возглавителя обновленческого движения.

"Союз Демократического Духовенства" снесся с единомышленниками в Москве и просил прислать им оттуда представителя. Поехал Введенский. Он выступил с лекцией, но не имел успеха. Москва еще отставала от Петрограда в отношении революционного духа, и в союз записался только один священник. Гораздо лучше пошло дело Союза в Петрограде. Там к нему примкнул уже упомянутый нами проф. Титлинов. С его помощью при Синоде был основан новый официальный орган "Церковно-общественный вестник", который Союзу легко удалось взять в свои руки. Через него он и повел всемерно пропаганду своих идей [5].

Работа эта облегчалась для церковных революционеров смутным положением в самом Святейшем Правительствующем Синоде. Проф. прот. Феодор Титов пишет о первенствующем члене Синода в то время, митрополит Киевском Владимире: "Ему, убежденному стороннику строгой законности и непреклонному хранителю церковных канонов и традиций, суждено было встретиться лицом к лицу с непреодолимым стремлением ввести революционные начала в сферу церковных отношений. К тому же, место представителя революционной власти в Св. Синоде после переворота занимал человек, совершенно не подготовленный к принятому на себя положению и, как потом оказалось, больной. Вскоре обострившиеся отношения между Синодом и обер-прокурором закончились грубым актом со стороны последнего, вошедшим в историю под именем разгона Синода" [6].

Из Синода были исключены все члены, включая трех митрополитов, из которых два были лишены и своих кафедр. В новый состав Синода не вошел ни один из бывших в нем до революции архиереев, кроме архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Вместо того, членами Синода были назначены четыре священника. Послание о созыве Всероссийского собора подписано пятью епископами, одним протопресвитером и тремя протоиереями — соотношение необычное.

Для того, чтобы было понятно, насколько это мероприятие было актом революционного насилия, надо сказать несколько слов вообще о составе

Синода. По штату, утвержденному 9 июля 1819 года, личный состав Синода состоял из семи лиц, из которых один назывался первенствующим, а остальные членами и присутствующими. Члены Синода назначались пожизненно, а присутствующие вызывались для временного участия в его заседаниях. Пресвитеры, обычно,

назначались не членами, а только присутствующими. Членами бывали старейшие архиереи. Проф. Суворов отмечает, что в царствование императора Александра III-го никто из пресвитеров не назначался членом, а до того это случалось редко. Таким образом, увольнение пожизненных членов Синода было поступком незаконным и революционным.

Разгону Синода предшествовало не только упомянутое выше увольнение с кафедр двух митрополитов. Кроме них уволили с кафедр еще 10 архиереев.

Архиепископ Никон в книге "Жизнеописание Митрополита Антония" приводит их имена [7].

Введенский не без некоторого бахвальства пишет о том, как составлялся новый Синод. По его словам это "развернулись свободные творческие силы... пришли те, кто давно радел о свободе церковной и политической... Инициативная группа петроградского духовенства, в числе которых были члены государственной группы, прот. А. Я. Смирнов, прот. Д. Филоненко, проф. прот. А. Рождественский и автор этих строк (то есть Введенский) организуют новый состав Синода". Из священников вошли эти же лица, кроме Введенского и, как он пишет, "ряд либеральных епископов". Новый Синод "признает факт революции и ее необходимость. Новый Синод опирается на сочувствующий ему немногочисленный слой либерального духовенства, которое сорганизовалось во "Всероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян" [8].

Проф. Титлинов с особенным удовлетворением пишет о том, как эти перемены обнадеживали обновленческие круги: "С помощью обер-прокуратуры, церковно-общественному мнению удалось, наконец, в середине апреля добиться роспуска старого Синода. Не малую роль сыграл при этом Совет по Делах Православной Церкви, образовавшийся из думского духовенства, некоторых членов Думы, мирян и прогрессивных церковных деятелей. На собраниях Совета неоднократно и настойчиво указывалось на необходимость новой власти в Церкви, и соответствующее представление было сделано правительству. Новый Синод был составлен из лиц, более или менее уже соответствующих потребностям момента". Сетую на то, что все-таки в новом Синоде недоставало "активных обновленческих работников", Титлинов радовался уже тому, что "новый Синод во всяком случае перестал быть тормозом церковно-преобразовательного движения... Лишь с этой переменой церковной власти сделалась возможной реальная церковно-обновительная работа" [9].

Титлинов далее пишет, что деятели, "взявшие в свои руки руководство церковной политикой", ставили своей задачей "подготовить Церковь к соборной жизни, то есть организовать церковную общественность, раскрепостить связанные прежде рамками действительного порядка церковные силы, изъять власть из рук реакционеров и выполнить всю подготовительную работу для собора. С созывом собора, последнему передавалась дальнейшая судьба церковного реформаторства" [10].

Но еще до созыва собора "обновленный" Синод уже начал вводить реформы в церковное управление. Им были изданы временные положения о приходе и епархиальном управлении, построенные на выборном начале [11]. Титлинов сетует, однако, на то, что новый Синод действовал недостаточно решительно. Если Синод стеснялся увольнять больше епископов, чтобы не слишком поощрять анархические элементы в Церкви, то обновленческое сознание Титлинова с этим не мирилось. Он считал, что "агенты старого строя, хотя бы за ними и не было определенных вин, все равно не будут искренне работать для церковного обновления, основным условием которого ставилось умаление епископских прерогатив" [12].

29 апреля 1917 года Синод в новом составе объявил о созыве Всероссийского собора. Во главе подготовительной работы становится архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Образовывается Предсоборный совет. "25-го мая за №32800 Синод созывает в этот совет ряд либеральных профессоров в качестве спецов" [13]. Кроме них, в составе совета, был, конечно, и ряд духовных лиц по должности. Обновленцы уже перед тем начали развивать большую деятельность. Введенский писал о положении, которое он нашел в Петрограде по возвращении из Москвы: "Там работа идет. Союз приобрел крупную литературно-богословскую величину в лице профессора Титлинова. С его помощью официальный орган при реорганизованном Синоде, "Церковно-общественный вестник", удалось взять в свои руки. В этом "Вестнике" мы повели всемерно пропаганду наших идей... Внимание народа и сочувствие нашему делу обновления Церкви, несомненно, были огромные" [14].

Этот Всероссийский "Церковно-общественный вестник" отражал взгляды Временного правительства на церковные вопросы. Там велась ожесточенная и грубая пропаганда против восстановления Патриаршества, хотя вопрос этот никем еще формально не возбуждался.

Напротив, противодействие этой акции обновленцев со стороны церковно-мыслящих людей если и стало проявляться, то в очень стесненных условиях и без поддержки органов печати. Однако, православное сознание не могло не противиться восприятию новых идей. Так что даже созданный в Москве будущими обновленцами Всероссийский съезд духовенства и мирян в июне 1917 года не совсем оправдал их надежд. На этом съезде, как и на разных других собраниях, раздавалось много речей, направленных против иерархического строя, но вместе с тем, проявлялось и противодействие некоторым проектам реформ, особенно отделению Церкви от государства.

Вопросы, внесенные Синодом на рассмотрение Всероссийского собора, охватывают все стороны жизни. Для нашей работы представляет интерес пункт 2-й положения "О высшем церковном управлении". Проект этот был одним из наиболее разработанных и с сильной демократической тенденцией. Возможность восстановления патриаршества там не принималась во внимание. Вопрос этот по-настоящему возник только на самом соборе: "Законопроект, выработанный во 2-м отделе предсоборного совета, заключает в себе общие положения о высшем церковном управлении, проектируемом из Поместного собора периодически собираемого, и постоянных органов — Священного Синода и Высшего Церковного совета, имеющих особые предметы собственного ведения и совместные общие собрания для разрешения определенного круга дел".

Титлинов признает, что с точки зрения целей группы обновленцев, которая сосредоточилась при Синоде, созыв собора оказался ошибкой. Он пишет: "вообще здесь была допущена ошибка, за которую, может быть, надо винить не столько Синод революционного созыва, сколько самую руководящую церковную общественность. Последняя, видимо, не совсем верно оценивала положение и не была достаточно осведомлена в настроении провинциальной церковной среды. В руководящих церковных кругах преждевременно полагали, что Церковь готова для собора и что надо поскорее созвать собор, чтобы передать ему церковное строительство. Состоявшийся в начале июня в Москве Всероссийский съезд православного духовенства и мирян был как бы преддверием собора. На съезде в десять дней были выработаны и обсуждены основные проекты церковных преобразований и все главные вопросы церковного момента. С этой стороны съезда оказался вполне удачным. Определенно прогрессивная линия поведения большинства съезда в вопросах церковного устройства давала повод рассчитывать, что и будущий собор займет такую же позицию и сделается фактором коренного обновления Церкви. Отчасти под впечатлением съезда, работы по созыву собора были ускорены" [15].

Впрочем, Титлинов признает, что уже в самом предсоборном совете можно было заметить, что дело не так просто, как оно могло казаться на первый взгляд. В частности, это проявилось при обсуждении вопроса о решающем или совещательном праве голоса клириков и мирян на соборе. "Консервативное течение в совете взяло под свою защиту прерогативы епископата и успело провести, в порядке особого наказа, ограничительное для церковного общества постановление о разделении собора на две курии: епископскую и духовно-мирскую, с правом епископской курии налагать veto на любое соборное решение. Резкое столкновение, происшедшее по этому поводу в совете между левым его крылом и большинством, показало, что идеалы церковного освобождения опять становятся достоянием только церковной оппозиции. Весь же тон, принятый в совете церковным центром и церковной правой его частью, давал понять близость новой борьбы церковной реакции с церковным освободительством. Подобная борьба не могла еще разыгаться в предсоборном совете во всю ширь, потому что совет был созван либеральными инициаторами и действовал в рамках либеральных же заданий" [16].

На Синод неизменно оказывалось давление в смысле введения разнообразных демократических реформ. Однако, имея в виду уже принятое решение о созыве собора с участием представителей клира и мирян, Синод чувствовал себя недостаточно авторитетным, чтобы отменить все прежние правила. Определением от 4-5-го мая 1917 года за №268 он, тем не мене, внес ряд реформ демократического характера, с оговоркой, что это делается не в отмену прежних правил, а временно, до выработки новых правил управления на Всероссийском соборе. Определение начинается со ссылки на новое положение в государстве: "Новый государственный строй, открывая возможность более деятельного участия народа в управлении, видит пути к тому в применении выборного начала при замещении должностей, а с другой — в объединении отдельных классов общества на почве защиты личных или профессиональных интересов" [17].

Определение вводило выборное начало при назначении настоятелей приходов, вводило устройство благочиннических, уездных и епархиальных собраний и съездов, предоставляло местным епархиальным советам, где таковые имеются, участие в лице трех членов, в заседаниях духовных консисторий с совещательным голосом, утверждало выборные благочиннические и епархиальные собрания и советы. Постановления всех таких собраний могли входить в силу только по утверждению их епархиальным архиереем. Деятельность всех таких учреждений должна была руководствоваться временными правилами, вырабатываемыми Святейшим Синодом.

Все эти мероприятия можно было критиковать, как введенные не столько по церковным принципам, сколько следуя примеру светских учреждений того времени, то есть по принципам революции. С другой стороны, возможность ссылаться на "голос народа" в условиях революции могла быть иногда полезной в борьбе за защиту церковных интересов. Вопреки планам ввести в управление Церкви светский элемент, эти реформы разбудили православную общественность, что вскоре сказалось при выборах членов Всероссийского собора. Работа Синода, несмотря на поспешные реформы, стала несколько легче после замены В. Н. Львова в должности обер-прокурора проф. А. В. Карташевым.

Нельзя не признать, что возможность созыва Всероссийского собора была проявлением милости Божьей.

Если бы его созыв состоялся хотя бы на два месяца позднее, он едва ли мог бы решить вопрос о восстановлении Патриаршества, а приход к власти коммунистов уже успел бы внести такой хаос, что мог быть поставлен и самый вопрос о возможности организации, размещения и содержания членов собора в Москве.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОБОР И ИЗБРАНИЕ ПАТРИАРХА

Устранение царской власти сразу ввергло Россию в тяжелую для населения смуту, что отразилось, конечно, и на жизни Церкви. В течение двух-трех дней не оказалось полиции. Совет Солдатских и Рабочих Депутатов приказом №1 внес разложение и в армию. Во имя революции стало оправдываться всякое беззаконие.

Самочиние во имя революции распространялось все шире и шире. В книге Левитина и Шаврова "Очерки истории русской церковной смуты", приводится интересный пример, как уже в июне 1917 года Главное Командование армии обратилось к Церкви за помощью, чтобы бороться со стихийным ростом дезертирства. Обер-прокурор Синода В. Н. Львов срочно посылает в армию трех красноречивых революционных священников.

Они прибывают к начальнику штаба главнокомандующего генералу Алексееву и он сразу же знакомит их со своим бессилием.

"Вводят нас в кабинет начальника штаба генерала Алексеева, — рассказывал Введенский... — Поднимается нам навстречу пожилой осанистый генерал, знакомый по тысячам портретов. Говорит легко и свободно, со сдержанным волнением: "Вам придется ехать на фронт, на самые опасные участки. Имейте в виду, что армия разложена полностью, армии больше нет. Одна из наших надежд — это вы, духовенство. Поезжайте: может быть, вы сумеете что-то сделать". Генерал предупредил священников, что не может гарантировать им безопасность" [18].

Красноречивые демагоги, будущие основатели обновленчества, имели некоторый успех. Однако, как часто бывает с демагогами, это было делом момента. Разложения армии уже никто не мог остановить. Особенно в этом упражнялись матросы.

Однако, надежда левых кругов на то, что общее революционное настроение в стране обеспечить для них возможность прочно захватить в свои руки управление Церковью, не оправдалось.

Торопясь созывать собор, обновленцы слишком твердо рассчитывали на общее революционное настроение в России, отвергавшее всякие авторитеты и иерархичность, а также и на ту пропаганду, которую вел в церковных кругах всероссийский "Церковно-общественный вестник". По мнению Титлинова, идея Патриаршества "с момента революции, казалось, потеряла всякий кредит... Как лозунг правого консервативного течения, она неизбежно ступешалась в волне церковного освободительства, поднятого революцией и даже сами архиереи замолчали о патриарших упованиях. На Всероссийском съезде духовенства и мирян мысль о Патриаршестве была решительно отвергнута. Столь же решительно отверг ее и предсоборный совет, где о патриаршестве заговорили столь немногие голоса, что предложение это отпало само собой" [19].

Но не одни обновленцы ошибались в оценке настроений и прогнозах. То же можно сказать и о православно мыслящих членах Церкви.

Проф. С. Н. Булгаков начал свой доклад собору "Смысл Патриаршества в России" словами: "Когда члены Всероссийского собора съезжались в Москву, то лишь у немногих было определенное мнение по вопросу о Патриаршестве, а иные и сами не ожидали, что они станут вскоре горячими поборниками его восстановления" [20].

Подтверждением правильности этого заявления служит для меня рассказ члена собора от Московской епархии гр. П. Н. Апраксина. Он говорил мне, что прибыл на собор в некотором смятении. Встретив моего отца гр. П. М. Граббе, избранного от Владикавказской епархии, он воскликнул: "Что же мы с тобой здесь будем делать?" Мой отец не задумываясь ответил: "Восстанавливать Патриаршество!"

Они тогда еще не знали настроения в других епархиях. Между тем, делегат Петроградской епархии протоиерей П. Лахостский сказал на заседании 28-го октября: "Не забудьте и о том, что никто не представил с места наказа, который говорил бы против Патриаршества. Наоборот, многие делегаты были уполномочены говорить в защиту Патриаршества. И я, как делегат Петроградской епархии, должен сказать, что нам наказывали: "возвратиться с Патриархом", говорили, что жизнь повелительно требует этого" [21].

На трапезе после интронизации Патриарха Тихона, Митрополит Антоний следующими словами обрисовал тяжелое чувство, охватившее церковно-мыслящих людей перед собором: "Будем ли скрывать, что со смутным чувством и даже с некоторым подавлением настроения духа, съезжались в августе на церковный собор церковные люди, духовные и миряне? Ведь тогда, то есть прошлую календарною весной и летом около самых верхов и около сердцевины церковной жизни, в церковной общероссийской газете, не говоря о прочей печати и

разных съездах, раздавались и даже преобладали голоса, чуждые церковного духа и нередко враждебные ему: советовали духовенству снять с себя духовную одежду и остричь волосы, внешнее подобие Христово, а внутреннее настроение этих течений печати и собраний было исполнено духом дерзостным, горделивым и раздраженным" [22].

Обманули надежды обновленцев прежде всего результаты выборов из епархий. На епархиальных собраниях преобладало консервативное настроение. Так, например, отец пишущего эти строки был избран на собор от Владикавказской епархии, в которой перед тем жил очень недолго, именно вследствие того, что на благочинническом и епархиальном собраниях ярко выступал в защиту иерархического строя. Члены собора были избраны из всех сословий без предубеждения в ту или иную сторону. Введенский отмечает, что общее настроение членов собора было правым и с большим неудовольствием упоминает, что в числе их было девять титулованных. Борцы против Патриаршества и сторонники реформации попали на собор только по назначению, как члены предсоборного совета.

Для таких людей, как Титлинов, появление на соборе по избранию такого большого числа членов, оказавшихся сторонниками Патриаршества, было полной неожиданностью. Даже в Петрограде, где был центр их деятельности, они потерпели полное поражение на епархиальном собрании. Предварительная широкая пропаганда реформации не встретила сочувственного отклика и не принесла ожидавшегося ими плода. Введенский с грустью отмечает, что выборы не дали возможности его сторонникам послать на собор своих лучших представителей... "Ни один из ответственных работников демократического духовенства на собор не попал" [23].

Особенно сильным ударом по планам обновленцев было появление на Всероссийском соборе Архиепископа Антония (Храповицкого). Они могли надеяться, что увольнение его на покой после революции устранил его и от участия в работе собора, ибо Положение о соборе предусматривало присутствие там только епархиальных преосвященных. Однако, то же Положение предвидело участие на соборе представителей ученого монашества, которое на своем съезде и избрало представителем Архиепископа Антония. Немного позднее он был возвращен в Харьков по единодушному требованию паствы и далее участвовал в соборе уже как епархиальный архиерей.

Торжественное открытие собора имело место в Успенском соборе в Москве, на следующий день после празднования его престольного праздника. Молебен был отслужен всеми прибывшими епископами. После литургии из собора вышел грандиозный крестный ход. При колокольном звоне всех московских церквей, крестный ход членов собора прошел в Чудов монастырь, где все приложились к мощам св. Митрополита Алексия. Крестный ход затем вернулся в Успенский собор.

После торжественного открытия собора, на следующий день в храме Христа Спасителя состоялось открытие собора, а деловые заседания начались 4/17 августа 1917 года.

На соборе участвовали: 4 митрополита, 21 архиепископ и 43 епископа. Кроме них, членами собора было по пяти представителей от каждой епархии. Около 30-ти человек были представителями Духовных Академий, Академий Наук, 11-ти университетов, 10 по избранию от ученого монашества, столько же от единоверцев, представители от четырех Лавр, 15 представителей от Государственного Совета и Государственной Думы, настоятели монастырей: Саровского, Валаамского, Оптиной Пустыни и члены предсоборного совета. Всего членов собора, кроме епископов, было 375 человек.

Председателем собора был избран Московский Митрополит Тихон, а почетным председателем по его положению — Митрополит Киевский Владимир. Товарищами председателя были избраны Архиепископ Новгородский Арсений и Архиепископ Харьковский Антоний. Товарищами председателя от клира избрали протопресвитеров Любимова и Шавельского, а от мирян М. В. Родзянко и проф. кн. Трубецкого. По отъезде Родзянко, его заменил А. Д. Самарин. Секретарем собора был избран проф. В. П. Шеин, впоследствии архимандрит Сергей, ставший мучеником вместе с Митрополитом Вениамином.

По положению о соборе, выработанном Предсоборным Совещанием, все "основоположительные и правилодательные" определения собора входили в силу только после утверждения их епископским Совещанием.

Больше всего внимание сосредотачивалось на работе отдела о Высшем Церковном Управлении. Он был и самым многочисленным: больше двухсот членов.

Там и происходила, главным образом, борьба по вопросу о восстановлении Патриаршества. Если обновленцы не смогли привести на собор своих сторонников на выборах по епархиям, то все-таки там были их единомышленники из числа либеральных членов предсоборного совета. Было и некоторое количество выборных членов, которые по разным причинам противились течению большинства, возглавляемого Архиепископом Антонием.

В уже цитированной выше речи на трапезе, Архиепископ Антоши с полным основанием мог сказать: "С первых же заседаний нашего собора начал превозмогать дух веры, дух послушания законам св. Церкви, дух терпения и любви". И далее: "Тяжкие события нашей народной жизни, зловеще напоминающие о себе собору грохотом пушек и пулеметов около стен соборной палаты и св. храма, не только не могли ослабить строго церковного направления его речей и постановлений, но, напротив усугубили ревность всех его членов о наиболее прочном утверждении православных вселенских устоев жизни церковной, к числу коих относится завещанное Вселенскими соборами объединение всякой поместной Церкви под руководством одного пастыря-отца" [24].

Все-таки, оппозиция восстановлению Патриаршества и вообще противники иерархической власти оказывали сильное сопротивление. Дебаты бывали очень горячими. В одном случае проф. Титлинов даже угрожал Бич-Лубинскому рукоприкладством и заседание должно было быть прервано.

В самый разгар спора, когда произносились речи за и против Патриаршества, власть сначала в Петрограде, а затем и в Москве, была захвачена большевиками. Кремль, в котором засели остатки белых воинов, был осажден и обстреливался артиллерией. Проф. Спинка пишет, что это вызвало панику между членами собора, которые опасались, что если Кремль падет, то собор может быть разогнан до осуществления своих важнейших задач. "Эти события, — пишет он, — тоже укрепляли аргументы патриаршей партии, которая заявляла, что при смуте в стране во главе Церкви нужен сильный человек, чтобы возглавить Церковь и защищать ее интересы. Таким образом, хотя дебаты еще были далеко не окончены — надо было выслушать еще пятьдесят ораторов, — дискуссия была прервана. Это был Павел Граббе, который через пять дней после падения Временного правительства внес предложение восстановить Патриаршество" (см. Деян. собора).

Оппозиция не соглашалась на прекращение дискуссии и требовала отложить голосование ввиду того, что многие члены собора не могли приходить на заседания из-за стрельбы на улицах Москвы. Мой отец рассказывал, что он сам и некоторые архиереи приходили на заседания собора под свист пуль. О трудностях и опасности, с которыми был связан путь на собор для многих членов, красочно рассказывает в своих воспоминаниях и кн. Г.Н. Трубецкой.

Тем не менее, председательствовавший Митрополит Тихон установил, что кворум есть налицо. 30-го октября было постановлено восстановить Патриаршество и незамедлительно приступить к выборам. Выборы начались на следующий же день.

Перед выборами Патриарха, поданными записками были намечены кандидаты, из коих главными были Архиепископ Харьковский Антоний (101 голос), Архиепископ Тамбовский Кирилл (27 голосов) и Московский Митрополит Тихон (23 голоса). Если бы Архиепископ Антоний получил абсолютное большинство, он считался бы избранным, но поскольку для этого у него голосов было не достаточно, окончательное избрание было обусловлено жребием из трех кандидатов, получивших большинство голосов. Всего при первом голосовании было намечено 10 кандидатов.

5-го ноября в храме Христа Спасителя 90-летний старец Засимовской Пустыни Алексей после усердной молитвы вынул жребий с именем Митрополита Тихона, о чем ему немедленно было объявлено особым посольством во главе с Митрополитом Киевским Владимиром. Поспешил приветствовать его избрание и Архиепископ Харьковский Антоний. В день Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялась торжественная интронизация Патриарха Тихона в Успенском соборе.

Началась новая эра в жизни Русской Церкви. Перед наступлением жестокого гонения Русская Церковь уже не была обезглавленной.

Патриарх Тихон. Смерть митрополита Владимира. Избрание на его место митрополита Антония

В избрании Митрополита Тихона Патриархом, члены Всероссийского собора увидели осуществление воли Божией. Все три кандидата на эту должность были выдающимися личностями. Все они уже имели не малый жизненный и административный опыт и были единомышленниками в главных принципах церковного управления. Ни один из них не добивался избрания, и все сознавали, что патриаршее служение в существующих условиях сулит не столько почета и радости, сколько тягчайших испытаний.

Митрополиту Тихону было 52 года. Родом он был из г. Торопца Псковской губернии, где отец его был священником. С 1878 года по 1883 год он обучался в Псковской Духовной семинарии. По серьезности его характера товарищи там дали ему прозвище "архиерей". По окончании семинарии, Василий Беллавин поступил в Петербургскую Духовную Академию. Там, по той же причине, товарищи дали ему прозвище "патриарх". По окончании Академии, еще в светском звании, Василий Беллавин был назначен преподавателем Псковской Духовной семинарии. В 1891 году будучи 26 лет, он был пострижен в монашество с именем Тихона и назначен инспектором Холмской семинарии. Вскоре он был возведен в сан архимандрита и в 1898 году хиротонисан в сан епископа. Через год он был назначен на самостоятельную кафедру в Северную Америку, в которой прослужил 8 лет и оставил о себе благодарную память в пастве. В 1905 году он был возведен в сан архиепископа. В 1907 году Архиепископ Тихон был назначен на Ярославскую кафедру, где тоже приобрел

любовь паствы. Оттуда он был переведен в Вильно. В 1914 году наступила война с Германией и довольно скоро почти вся епархия была занята неприятельскими войсками. Архиепископ Тихон старался пребывать поближе к своей епархии, но много времени ему приходилось проводить в Петрограде, куда его вызывали для участия в заседаниях Синода. Он тоже был в числе епископов, удаленных из состава Синода Временным правительством.

Когда за увольнением Московского Митрополита Макария освободилась Московская кафедра, Архиепископ Тихон был избран на эту кафедру.

Со времени обучения в Петербургской Духовной Академии у Патриарха Тихона установились теплые отношения с Архиепископом Антонием Харьковским (Храповицким), тогдашним ректором этой Академии, к которому вообще были привязаны почти все его ученики, увлеченные его любовью к Церкви и людям.

Патриарх Тихон был чужд честолюбия. Поэтому, избрание его на Патриарший престол вызвало у него не радость, а предвидение скорбей, которых он не мог не ожидать в своем новом положении. Эти чувства он ярко высказал, отвечая Митрополиту Вениамину, возглавлявшему делегацию посланную от собора, для объявления ему о его избрании: "...Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: "Плач, стон и горе" и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2, 10; 3, 1). Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжкую годину..."

Так говорил и чувствовал Патриарх, когда кругом него чада Русской Церкви изъявляли свою радость. Эта радость, однако, омрачалась той братоубийственной борьбой, которая почти одновременно шла в осажденном юнкерами Кремле.

2-го ноября, когда исход сражения еще не был ясен, собор обратился с воззванием к сражающимся, пытаюсь склонить их к прекращению брани. Когда определилась победа большевиков, собор обратился с новым призывом не допускать расправы с побежденными: "Священный собор во всеуслышание заявляет: довольно братской крови, довольно злобы и мести... Победители, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы ни боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих".

Того же 2-го ноября 1917 года, потрясенный боевыми событиями в Кремле и приходом к власти коммунистов, собор, даже не дожидаясь интронизации только что избранного Патриарха, обратился с посланием к русскому народу, в котором яркими красками обрисовал последние события, связанные с переходом власти в руки жестоких людей, "лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междуусобия". "Давно уже, — писал собор, — в русскую душу проникают севы антихристовы и сердце народное отравлено учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле... Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение державы Российской. Еще недавно великая, могучая, славная, — она ныне распадается на части. Покинутая благодатью Божиею, она разлагается как тело, от которого отлетел дух..."

Послание горячо призывало русский народ к покаянию: "Покайтесь же и сотворите достойные плоды покаяния. Оставьте безумную нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществлять всемирное братство путем всемирного междуусобия. Вернитесь на путь Христов".

Председателем комиссии, которой было поручено составить чин интронизации и разработать детальный план этого торжества был Архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), как бывший многие годы московским викарием и поэтому, хорошо знавший Москву и ее порядки. Архиепископ Анастасий впоследствии был Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей.

Торжество интронизации Патриарха в Успенском соборе воодушевило всех его участников и внесло радость в сердца верующих. По милости Божией, захватчики власти над русским народом тогда и сами не смогли еще опомниться в радостях своей победы. Поэтому они не препятствовали торжеству верующих, а дипломатичность и осторожность Архиепископа Анастасия привели к тому, что ему даже удалось добиться у властей обещания поддерживать порядок во время торжеств. Однако, новопоставленный Патриарх и его сотрудники скоро оказались перед лицом растущей смуты и вражды безбожников к Церкви Христовой.

Всероссийский собор продолжал свои деяния, невзирая на поступающие во все большем числе сообщения о нападении безбожников на церкви и духовенство, насилия и убийства. Собор разработал Положение о Высшем Церковном Управлении, о правах и обязанностях Патриарха, Синода, Епархиального Управления и проч.

2-го декабря 1917 года собор вынес постановление о правовом положении Православной Российской Церкви, возглавленной Патриархом. Канонически это определение безупречно, но поражает тем, что как бы игнорирует

наступающее для нее положение гонимой, а не только независимой от государственной власти. По-видимому, в сознании членов собора не укладывалось понимание, что гражданская власть коммунистов твердо укрепилась, и что теперь Церковь имеет перед собою не просто отделенное от нее государство, а антихристову власть. Для этой власти вопрос заключался в том, как уничтожить Церковь и веру, а совсем не в том, как урегулировать отношения с ней.

Первоначально советская власть сообщила в газетах о подготовке декрета об отношении Церкви и государства. Затем вышел декрет, но в нем только объявлялся принцип, что Церковь лишалась прав собственности и вообще каких бы то ни было прав, но в каком порядке это должно было осуществляться, ничего сказано не было.

Только 24-го августа Народный Комиссариат Юстиции утвердил инструкцию о порядке проведения декрета в жизнь. 7-й отдел Наркомюста по проведению реформы назывался "ликвидационным". Это не удивительно: творцы новой власти знали принципы марксизма, но что такое вера и какова ее сила в народе, они не знали и знать не хотели. Поэтому, ликвидация веры им казалась гораздо более легкой, чем она была на самом деле. Они знали марксизм, но понятия не имели об истории. А пока, они объявили принцип, но проведение его в жизнь предоставлялось активистам на местах. Этим развязывались руки разбойничьим элементам [25].

Когда члены собора вернулись после рождественских каникул, собор уже стоял перед проблемой церковного бесправия и организованной акции уничтожения Церкви любыми средствами.

В собор посыпались вести о разных случаях разбойничьих нападений на епископов и священников. Начал составляться и быстро расти список новомучеников...

19-го января 1918 года, еще до того как вновь собрался собор, Патриарх Тихон обратился ко всей своей Церкви с кратким пламенным посланием. В нем он ярко обрисовывал то, что обуревало Церковь с приходом к власти большевиков: "Жесточайшее гонение воздвигнуто на святую Церковь Христову: благодатные Таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными. Святые храмы подвергаются разрушению или ограблению и кощунственному оскорблению, чтимые народом святыни захватываются безбожными властелинами тьмы века сего, школы, содержавшиеся на средства Православной Церкви и училища, подготовлявшие пастырей Церкви, признаются излишними, имущества монастырей и церквей православных отбираются"... "Все сие исполняет сердце наше глубокой болезнью и скорбью и побуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения по завету апостола: "согрешающих перед всеми обличай, да и прочие страх имут" (1 Тим. 5, 20). Тут Патриарх обращается и прямо к большевикам: "Опомнитесь, безумцы! Прекратите ваши кровавые расправы... Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы еще носите имена христианские, хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной". А верных чад Православной Церкви Патриарх призывал "не вступать с такими извергами рода человеческого в какое-либо общение". Верующих Патриарх призывал: "Противостаньте им силою веры вашей. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, на эти страдания вместе с собою".

Послание кончается призывом к архипастырям и пастырям: "Не медлите ни одного часа в вашем духовном делании, но с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту Церкви Православной, зовите их становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого исповедания".

Всероссийский собор всецело поддержал Патриарха. 28 января 1918 года он постановил: "Священный собор Всероссийской Православной Церкви приветствует послание св. Патриарха Тихона, карающего злодеев и обличающего врагов Церкви Христовой... Священный собор свидетельствует, что он пребывает в полном единении с отцом и молитвенником Церкви Русской, внемлет его призыву и готов жертвенно исповедывать веру Христову против ее хулителей. Священный собор призывает и всю Русскую Церковь во главе со всеми архипастырями и пастырями объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей".

Вскоре после издания этих актов, члены собора были потрясены вестью об убийстве Киевского Митрополита Владимира. Подробные сведения об этом преступлении содержатся в книге протопресвитера Михаила Польского "Новомученики Российские" и в 4-м томе книги архиепископа Никона "Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого".

Прибывший с собора в Киев Митрополит Владимир оказался в очень трудном положении вследствие разлагающей работы Украинской Церковной Рады, приступившей к устройству в сущности обновленческой церкви, возглавлявшейся, конечно самочинно, заштатным архиепископом Алексеем (Дороднициным). Комиссия этой Рады 9 декабря явилась к Митрополиту и потребовала от него передачи ей власти, удаления епископа Чигиринского Никодима и выезда из Киева самого Митрополита. Архиепископ Алексей тем временем поселился в Киево-Печерской Лавре и вел против Митрополита злостную агитацию в среде братии.

Поэтому, когда убийцы явились к Митрополиту 25 января 1918 года, он оказался в их руках совершенно одиноким. Ни один человек не встал на его защиту. Лишь его долгодетный келейник подошел под благословение своего Митрополита, когда его уводили на убиение из Лавры.

Митрополит успел только благословить его и сказать: "Прощай, Филипп". Как пишет о. Михаил Польский: "забытый и брошенный своей братией, окруженный палачами и убийцами, ни в чем не повинный, кроткий и смиренный старец Митрополит Владимир спокойно шел на казнь". Владыку привезли к месту расстрела в автомобиле. В ответ на его просьбу, убийцы позволили ему помолиться, сказав: "Только поскорее". Случайный очевидец рассказал, что, воздев руки к небу, владыка Владимир молился вслух: "Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром". Потом, благословив крестообразно обеими руками своих убийц, он сказал: "Господь вас да простит".

Тело мученика было обнаружено утром на другой день женщинами богомолками. На нем было много не только огнестрельных ран, но и штыковых.

Митрополит Владимир был первым после революции мучеником-архиереем. Само собой разумеется, что его мученическая кончина произвела сильное впечатление на верующих и, особенно, на членов Всероссийского собора.

Убийство Митрополита Владимира и смута междуусобной войны сделали вопрос о замене его, как главы автономной Киевской митрополии очень сложным и срочным. Киев незадолго до того был занят немцами, а гражданское управление перешло в руки гетмана Скоропадского, бывшего под наблюдением немецких военных властей.

Митрополит Антоний вернулся в Харьков к Лазаревой субботе, а вскоре после Пасхи он поехал в Киев на областной собор. Тогда же архиепископ Евлогий получил поручение от Патриарха провести выборы нового Киевского митрополита. Громадным большинством голосов митрополитом был избран архиепископ Антоний, и выборы эти были вскоре утверждены Патриархом Тихоном. Перед отъездом Митрополита Антония в Киев, от лица Харьковской епархии его просили указать кого он хотел бы видеть там своим преемником. Он указал на Архиепископа Анастасия, впоследствии заменившего его на посту главы Зарубежной Церкви.

Митрополит Антоний вскоре прибыл в Киев. Не без труда прошло его утверждение со стороны гетмана, вследствие интриг сепаратистов, которым в этом помогал министр исповеданий проф. В. В. Зеньковский. Однако, Митрополит Антоний мог управлять своей епархией только до декабря. В декабре 1918 года власть захватили петлюровцы. Митрополит Антоши и Архиепископ Евлогий были арестованы и заточены в униатском монастыре в Галиции. Этой ссылкой, вероятно, была сохранена жизнь Митрополита Антония в период наступившего буйного гонения на Церковь в России. Кто мог тогда догадаться, что таким испытанием Господь сохранял жизнь Митрополита Антония для совсем особого подвига за рубежом?

Рост гонения. Исповедничество. Заключение патриарха. Убийство митрополита Вениамина. Обновленчество
Январь 1918 года послужил началом ряда жестоких убийств представителей духовенства в таком же разбойничьем порядке, как и убийство Митрополита Владимира. 31-го марта Патриарх Тихон в сослужении четырех архиереев и многочисленного духовенства служил торжественную панихиду об упокоении "рабов Божиих за веру и Церковь Православную убиенных". Кроме Митрополита Владимира поминали 14 убитых священников "и многих священного, иноческого и мирского чина, их же имена Ты, Господи, веши". Как пишет отец Владимир Русак: "Лишь в 1923 году принять уголовный и уголовно-процессуальный кодекс"... "самосуд и гулял по советской России до середины 1919 года под штыком кого угодно". В 1919 году эти "самосуды" перешли в руки состоявших на месячном жаловании членов Чрезвычайных Комиссий (ЧКА, Чрезвычайка)" [26].

Введенский очень правильно определил сущность декрета о лишении Церкви всяких прав: "Декрет этот истекал из самых основных принципов Конституции Р.С.Ф.С.Р. Советское строительство полагается исключительно на свои человеческие силы: "добьемся мы освобождения своею собственной рукой". Это есть торжество гуманизма в точном смысле слова. Человеческое противопоставляется Божескому. Человек ниспровергает Бога".

Бесчинства против Церкви начались ранее издания декрета об религии. Члены собора, побывав в своих епархиях на святках, уже были свидетелями начала гонения. После послания Патриарха Тихона, на соборе было оглашено донесение настоятеля Александро-Невской Лавры епископа Прокопия о том, что им получено распоряжение Народных Комиссаров о реквизиции Лавры. Выслушивается также доклад о захвате синодальной типографии. Протоиерей П. Сербинов доложил об обысках у архиепископа Димитрия в Симферополе, об убийствах, об осквернении церкви в архиерейском доме. Священник Владимир Востоков по поводу разных подобных сообщений заметил: "В этом зале слишком много было сказано о переживаемых ужасах, и если все

их перечислить и описать, то можно было бы наполнить этот огромный зал книгами".

Отец Владимир Русак посвятил особую главу 1-го тома книги "Свидетельство обвинения" таким убийствам. Приведу оттуда некоторые примеры:

Уже в первые месяцы после революции в Царском Селе убит протоиерей Иоанн Кочуров.

В Александро-Невской Лавре 19-го января 1918 года красногвардейцами убит священник Петр Скипетров. Кончина о. Петра — это одно из начальных событий, происшедших в эти дни в столичной Лавре. На Смоленском кладбище лежат 40 священников, закопанных живьем...

В Елабуге, в квартиру протоиерея Павла Дернова ворвались ночью 15 красногвардейцев и увели трех его сыновей, а через несколько минут увели и отца. На рассвете стало известно, что юноши находятся под арестом в Исполнительном Комитете, а отца Павла не могли разыскать. Оказалось, что он был расстрелян на заре. Труп его хотели бросить в прорубь, но увидевшие это крестьяне не допустили этого. Родные поехали в революционный штаб хлопотать об освобождении юношей. Когда юноши узнали об убийстве отца, один из них не выдержал и назвал красногвардейцев душегубами. Этого было достаточно, чтобы всех троих вывели за город и расстреляли.

Следующая глава в I-м томе отца Владимира Русака называется "Аресты". Она повествует о бесчисленных нападениях на епископов и священников Русской Православной Церкви со стороны советской власти и мужестве, с которым отвечали им пастыри и паства. Шло время, а вместе с ним неудержимо росли списки жертв безбожников.

На Всероссийском соборе естественно начали беспокоиться о безопасности самого Патриарха. Вместе с тем возникал вопрос о тех последствиях, какие могли явиться для Церкви в случае его неожиданной кончины. Явилась мысль, что на этот случай надо иметь список иерархов, которые временно могли бы заменить главу Церкви, а для того, чтобы они не были устранены безбожниками заранее, пришли к заключению, что список этот должен быть тайным. 7 февр./25 янв. 1918 года в день убийства Митрополита Владимира собор постановил: "На случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей, предложить ему избрать нескольких блюстителей Патриаршего престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему". До наступления времени, когда надо было бы осуществлять это определение об избрании соответствующих лиц, Патриарх осведомлял только их самих, а собору докладывал, что данное ему поручение исполнено. Для многих, впоследствии удивительно было, что в числе своих преемников Патриарх указал будущего Митрополита Петра, который в момент избрания был только служащим Синода, не имея никакого священного сана. Но, как пишет Регельсон, "именно благодаря необычной своей судьбе, он оказался единственным избранныком Патриарха (фактически же избранныком собора по доверию к Патриарху), оставленным на свободе к моменту смерти Патриарха Тихона. Трудно даже предположить, как сложилась бы и без того трагическая судьба Русской Церкви, если бы не мудрый замысел собора и Патриарха не был осуществлен в жизни" [27].

Лев Регельсон, ссылаясь на Тобольские Епархиальные Ведомости подводит неполные итоги гонения на Церковь в течение последних восьми месяцев 1918 года: убито Митрополитов — 1 (Киевский Владимир), архиереев — 1, священников — 102, диаконов — 154, монахов и монахинь — 94. Закрыто 94 церкви и 26 монастырей. Осквернено 14 храмов и 9 часовень. Подвергнуты тюремному заключению за "контрреволюционность": 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов и 5 игуменов. Но это было только начало.

8/21 июля 1919 года Патриарх издал послание, призывая паству к терпению и отказу от каких-либо актов мести в отношении гонителей. Одно за другим следуют гонения, сыпятся стеснительные для Церкви постановления советской власти.

Между тем, уже после прихода коммунистов к власти, Всероссийский собор все-таки продолжал обсуждать вопрос об отношении Церкви к государству, приготавливая целый законопроект для Учредительного Собрания даже после его разгона. В заседании 13 ноября 1917 года было принято принципиальное постановление: "Принять положение, в силу которого Православная Церковь в России должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения" [28].

Доклады и речи на соборе часто содержали много исторических данных и ценных принципиальных суждений по вопросу об отношении Церкви и государства. На ряду суждений, свидетельствующих о том, что члены собора долго не могли освоиться с фактом, что к власти пришли заклятые враги всякой религии, раздавались и речи, предупреждавшие о грядущих испытаниях. 13 ноября 1917 года В. И. Зеленцов предупреждал, что "Государство будет жить и издавать законы, какие ему вздумается: ведь оно не захочет считаться с природой Церкви. Мы должны ожидать целого ряда законов, которые будут вредны для Церкви" [29].

И того же 13 ноября 1917 года докладчик проф. С. Н. Булгаков настойчиво защищал проект закона о Церкви и принимается статья 7: "Глава Русского государства, министры исповеданий и народного просвещения и товарищи их должны быть православными"[30].

Разгон Учредительного Собрания и декреты Совета Народных Комиссаров показали всю тщетность этой большой работы для того времени.

Однако, большая эрудиция и высказанные при этом глубокие суждения многих членов собора могут еще оказаться полезными в будущем, если бы в России произошел переворот и ее возглавил бы другая власть. Но, выработавшийся Всероссийским собором законопроект в 1917 году уже звучал утопией. А. А. Шишкин с полным основанием ставит вопрос: "Почему же соборное большинство, зная об атеистической природе новой власти, выразило свое пожелание о союзе Церкви с государством, при котором (союзе) государство материально поддерживает Церковь, дает ей свободу действий и свободно позволяет ей идейно и нравственно воспитывать людей в духе, противном устремлениям этом власти?" [31].

Шишкин правильно указывает в качестве одной из причин ожидание Учредительного собрания, а другой — надежду на то, что коммунисты не долго останутся у власти.

Во всяком случае, декрет об отделении Церкви от государства окончательно вывел наружу неизбежный конфликт. Ни собор, ни Патриарх не могли безмолвно принять полного бесправия Церкви. В ряде определений собор высказал эту точку зрения.

27-го января собор принимает воззвание к православному народу по поводу советских декретов. Это воззвание есть обличение врагов веры и призыв к защите святынь. "Эти святыни — ваше достояние, - писал собор. - Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божии и посвятили это имущество Богу.

Священнослужители при них только духовная стража, которым эти святыни вверены на хранение. Но пришло время, когда и вы, православные, должны обратиться в неусыпных сторожей и защитников, ибо правители народные хотят отнять у православного народа это Божие достояние, даже не спрашивая вас, как вы к этому относитесь. Оберегайте же и защищайте веками созданное лучшее украшение земли Русской — храмы Божии, не попустите перейти им в дерзкие и нечистые руки неверующих, не попустите совершиться этому страшному кощунству и святотатству". Собор понимал, что фактически это был призыв к мученичеству за веру. Он писал далее: "Мужайся же, Русь святая! Иди на свою Голгофу!"

15/28 февраля 1918 года за №65 было опубликовано постановление Патриарха и Священного Синода с указанием, как надо поступать пастырям и мирянам для защиты Церкви и ее учреждений. Даются там указания и относительно отлучения восстающих на св. Церковь и захватывающих церковное достояние. Не признавая юридической силы за декретами об отобрании церковного имущества, собор 20-го апреля принял положение "О православном приходе" (Приходской устав), которое, как бы игнорируя советские декреты, признает приход собственником и распорядителем приходского имущества.

За два дня до этого, собор издал определение с подробным указанием ряда мероприятий, вызываемых гонением на Православную Церковь. Это определение свидетельствует о том, что уже стали появляться слабые духом. Оно говорит о "некоторых епископах, клириках, монашествующих и мирянах, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекающих через то на Церковь, ее служителей, ее чад и достояние многообразные беды".

Столь смело выступая против врагов веры, собор, однако, пробовал и договориться с ними о некотором "модус вивенди".

15/28 марта Всероссийский собор выслушал доклад комиссии, которая была направлена к Ленину для переговоров с народными комиссарами. Ленина ей видеть не удалось. Приняли делегацию комиссар по страховому делу Елизаров, представитель комиссариата юстиции Гурский и управляющий делами народных комиссаров Бонч-Бруевич. Комиссию собора возглавлял А. Д. Самарин [32]. Кроме него в ней было еще 6 человек, в том числе присяжный Поверенный Н. Д. Кузнецов и два крестьянина: Иудин и Мальгин.

Самарин начал с заявления, что комиссия пришла, "чтобы от имени православного русского народа сказать комиссарам слово правды о их распоряжениях". Он закончил словами: "И если для вас безразлична судьба Православной Церкви, которая участвовала в самом строении государства и целые века составляла для него основу религиозной и нравственной жизни, то да будет ведомо вам, что религиозное успокоение ста миллионов православного русского населения, без сомнения, необходимое и для государственного блага, может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу Церкви".

Трудно сказать насколько авторитетны были комиссары, принявшие делегацию. На декрете об отделении Церкви от государства нет подписи Елизарова. Только Бонч-Бруевич, как управляющий делами Совета

Народных Комиссаров относился к высшему управлению и скрепил подписи под декретом. Во всяком случае, комиссары говорили с соборной делегацией в необычной для коммунистов мягкой форме. Кузнецов докладывал собору, что разговор с представителями Народных Комиссаров на него произвел лучшее впечатление, чем разговор с Керенским в октябре 1917 года.

"Елизаров откровенно заметил, что при составлении декрета не был заслушан голос Церкви и действительно в декрете есть неясности и ошибки, требующие разъяснения и исправления". Кузнецов отмечал, что "представители Народных Комиссаров приветствовали первую встречу с делегацией собора". Они выразили надежду, что путем сношений может быть выяснено много недоразумений и исправлены ошибки, от которых Совет Народных Комиссаров не считает себя застрахованным. Для таких сношений, конечно, должна быть найдена почва и таковую народные комиссары "усматривают в принципах отделения Церкви от государства и свободы совести, от которых они уже не могут отступить". Кузнецов, который, как говорил мне Митрополит Анастасий, позднее был инициатором попыток найти недостойный компромисс с советской властью, в заключение своего доклада свидетельствовал, что народные комиссары "по-видимому готовы идти навстречу разрешению разных недоразумений и исправлению ошибок, связанных с изданием декрета и даже разъяснить декрет, как они выражаются"[33].

Комиссары были вежливы, они не проявляли arrogance, столь обычной большевикам, они уделили делегации много времени — по словам Малыгина делегация засиделась до 2-х часов ночи [34].

Однако, они не сделали никаких уступок, кроме согласия разговаривать. Собор уполномочил Соборный Совет выработать дальнейшие мероприятия, но никаких реальных последствий от этой встречи не было. Борьба продолжалась. Церковь действовала через новую организацию приходов и их объединения. Устраивались крестные ходы. Но, одновременно и наступления на Церковь стали делаться более планомерными и энергичными по мере роста и укрепления нового правительственного аппарата. Важным новым моментом явилось издание 24-го августа 1918 года Народным Комиссариатом Юстиции инструкции "О порядке проведения в жизнь отделения Церкви от государства и школы от Церкви" [35].

Как пишет Шишкин, этим был положен конец правотворчеству местным государственным органам в решении ими вопроса в отношении Церкви. Отныне началось планомерное (по единой системе) осуществление декрета СНК от 23 января. Для проведения декрета в жизнь были созданы специальные органы. При Комиссариате Юстиции был создан 8-й Отдел — отдел по проведению декрета об отделении Церкви от государства.

Несмотря на разработанную инструкцию и конкретный план, принятый Комиссариатом Юстиции, осуществление ее задержалось на целый год. Отчасти это объясняется гражданской войной, а отчасти неподготовленностью государственного аппарата.

Эта задержка помогла успеху борьбы против Церкви, до некоторой степени усыпляя активность верующих. Однако, в этом периоде было много жестоких нападений на архипастырей, священников, церкви и монастыри. Много таких случаев проявления героизма и мученических смертей собрано в труде Валентинова "Черная книга" [36].

В мягкой форме Шишкин признает жестокости начавшегося преследования, стараясь найти им какое-то оправдание. "Давая объективную оценку церковному движению, сопровождавшемуся кровавыми эксцессами, — пишет он, — нельзя не сказать о том, что в известной степени размах и острота этого движения в некоторых городах зависела от местных органов власти. Некоторые совдепы не вполне продуманно и последовательно реализовали декрет на местах, нередко проявляли ненужную торопливость и решительность. Более того, они применяли иногда и излишние репрессии по отношению к священнослужителям... Работники местных органов власти, члены комиссий по учету церковного имущества и красноармейцы охраны иногда проявляли грубость по отношению к церковнослужителям и верующим, нередко оскорбляя их религиозные чувства".

Введенский, возлагая как и Шишкин, ответственность за это не столько на коммунистические органы власти, сколько на Патриарха и Синод, пишет, что призыв их защищать Церковь "имел последствием согласно статистическим данным 1414 кровавых столкновений с советской властью" [38].

Наконец, голод в Поволжье дал коммунистам новое оружие в борьбе против Церкви. Изъятия ценностей из храмов, давно уже намеченное и имеющее основание в декрете об отделении Церкви от государства, стали производиться, ссылаясь на необходимость срочной помощи голодающим. Между тем, исполнение соборных определений о защите святынь, делало ревнителей веры преступниками в глазах гражданского закона. Начались аресты и процессы по обвинению их в этом преступлении. Особенную известность приобрел открытый суд над Митрополитом Петроградским Вениамином, со смертным приговором ему и его сотрудникам.

По-видимому, петроградские власти первоначально не были вполне осведомлены о целях операции изъятия

церковных ценностей и принимали за чистую монету официальный повод для нее, то есть помощь голодающим. Они вошли в соглашение с Митрополитом Вениамином, по которому Церковь сама передавала ценности для помощи голодающим. В разных газетах были напечатаны сообщения об этом соглашении в тоне благоприятном для Митрополита и духовенства. Но затем были получены инструкции из Москвы и обстановка коренным образом переменялась. Представителям Митрополита было объявлено, что вне всякого соглашения ценности будут изъяты без разбора, как принадлежащее государству имущество. Однако, и после этого Митрополит Вениамин возобновил переговоры с властями и было достигнуто новое соглашение. Самое существенное в нем было то, что верующим предоставлялось заменять подлежащие изъятию церковные предметы другим, равноценным имуществом [39].

Это соглашение было опять отменено. "Посланцам Митрополита было весьма сухо объявлено, что ни о каких "пожертвованиях" и ни о каком участии представителей верующих в контроле, не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в формальном порядке. Остается лишь условиться о дне и часе, когда духовенство должно будет передать власти "принадлежащее государству имущество"... На новое заявление Митрополита со ссылкой на прежнее соглашение уже не последовало ответа [40].

Создавшийся кризис послужил удобным поводом для возбуждения раскола и ослабления Церкви. Возбудителями его должны были послужить уже ранее упоминавшиеся нами деятели обновленческого направления. Титлинов, после восстановления Патриаршества отказавшийся от звания члена Всероссийского собора в марте 1918 года, основал в Петрограде новый орган печати — воскресную газету "Правда Божия". Газета выступала против анафематствования советской власти и призывала к примирению с нею. Вместе с тем, оживились, притаившиеся было, священники обновленческого направления. И вот, в то время, когда прервались переговоры Митрополита Вениамина с представителями власти, эти лица выступили в качестве посредников. 24-го марта в петроградской "Правде" появилось письмо за подписью 12-ти лиц, в числе которых были будущие столпы "Живой Церкви", священники: Красницкий, Введенский, Белков, Боярский и др. Авторы письма защищали мероприятия советского правительства и отмежевывались от остального духовенства. Письмо вызвало возмущение последнего, что было ярко высказано на собрании духовенства. Введенский произнес наглую и угрожающую речь. Митрополит постарался успокоить собрание, чтобы предотвратить кровавые столкновения. Было решено вступить в новые переговоры с властями и вести их было поручено Введенскому и Боярскому. Ими вновь было достигнуто соглашение с властями, напечатанное в "Правде" в начале апреля [41].

Приобретая какой-то вес благодаря достигнутому успеху и наладив связи с советскими властями, группа обновленцев приступила уже к захвату власти во всей Церкви, пользуясь тем, что острый кризис создан и у Патриарха в Москве. Поводом послужил все тот же вопрос об отношении к советской власти и изъятию церковных святынь [42].

22 апр./5 мая 1922-го года находившийся под домашним арестом Патриарх был вызван в суд по делу о церковных ценностях. В суде Патриарх в желании помочь обвиняемым, всю ответственность принимал на себя. Он

находился под арестом и в то время, когда, якобы, состоялось постановление Синода об упразднении Высшего Церковного Управления Заграницей. Теперь, при более новых данных, можно поставить под вопрос, действительно ли в то время состоялось какое-либо определение об упразднении Высшего Церковного Управления Заграницей, не говоря уже о том, насколько оно могло быть свободным. Обращает на себя внимание, что в книге Регельсона оба события приводятся на той же 285-й странице за той же датой. В данный момент мы не останавливаемся на значении этого факта. Во всяком случае ясно, что находясь у советской власти под арестом, Патриарх был лишен всякой свободы.

Еще осенью 1921 года группа "прогрессивного" петроградского духовенства подала в высшие церковные инстанции доклад с решительным протестом против политики Патриарха Тихона [43].

Весной 1922 года, по инициативе той же группы, возникла уже и организация под именем "Живой Церкви", которую возглавил центральный комитет в лице священников В. Д. Красницкого, Е. К. Белкова и С. В. Калиновского.

А. Левитин и В. Шавров в интересной статье "Очерки по истории Русской Церковной смуты", пишут: "Самый термин "центральный комитет" отнюдь не был случайностью. Как популярно объяснял свящ. Евгений Белков (первоначальный сторонник Живой Церкви), взаимоотношения между Высшим Церковным Управлением (ВЦУ) и центральным комитетом группы Живая Церковь, были аналогичны взаимоотношениям ВЦИК и ЦК РКП. Что касается самой группы Живая Церковь, то она, по мысли организаторов, должна была играть роль авангарда обновленческого движения" [44].

Главным деятелем в этой группе тогда был С. В. Калиновский, первый составитель проекта для создания учреждения, с функциями, подобными тем, которые теперь имеет уполномоченный по делам Православной

Церкви Куроедов [45].

Впоследствии, руководящее положение занял другой основатель Живой Церкви священник В. Д. Красницкий, приятель главного гонителя православной иерархии в 20-х годах — чекиста Е. А. Тучкова [46].

Патриарха Тихона и верных ему чад Церкви теснили с одной стороны обновленцы, а с другой — гражданская власть, которая открыто покровительствовала последним. Положение стало особенно трагическим в мае 1922-го года, когда в связи с вопросом об изъятии церковных ценностей, Патриарх Тихон, Митрополит Вениамин и много епископов были преданы суду и арестованы. Создалась обстановка, в которой открылась возможность действовать петроградской группе обновленцев.

Делегация петроградской группы была допущена к арестованному Патриарху. Скрывая от него свои истинные намерения и прикрываясь якобы заботой о Церкви, делегация докладывала ему о наступившей в Церкви анархии. Они сообщали, что патриаршее управление совершенно лишено возможности функционировать и фактически закрыто.

Проф. Титлинов, старавшийся описать все происходившее тогда в облагороженном виде, пишет: "Патриарх согласился на предъявленное ему требование о сложении с себя управления Церковью, написав резолюцию о передаче власти до созыва собора одному из старейших иерархов — Митрополитам Ярославскому и Петроградскому.

Самый же процесс передачи дел он поручил той самой группе духовенства, которая к нему явилась. Но инициаторы церковной оппозиции не удовлетворились такой ролью, продолжает Титлинов, а пошли дальше. Они образовали из себя временную церковную власть и затем уже вошли в переговоры с названными Патриархом заместителями, предложив им свои условия" [47].

Надо еще отметить, что заявление делегации Патриарху внешне носило характер лояльности. Стараясь обмануть его, они писали: "В виду устранения вашего Святейшества от управления Церковью впредь до созыва собора и передачи власти одному из старейших иерархов фактически Церковь осталась без всякого управления. Это чрезвычайно губительно отражается на участи общецерковной жизни Московской епархии, порождая этим чрезвычайное смущение умов. Мы, нижеподписавшиеся, испросили разрешение у государственной власти на открытие и функционирование канцелярии вашего Святейшества. Настоящим, мы сыновне испрашиваем благословения вашего Святейшества на это, дабы не продолжалась пагубная обстановка в делах управления Церковью. По приезде вашего заместителя, он тотчас вступит в исполнение своих обязанностей" [48].

Сам Патриарх в послании 15-го июля 1923 года писал, что явившаяся к нему группа из трех священников "под видом забот о благе Церкви", подала ему вышеприведенное заявление и далее сообщал: "Мы уступили их домогательствам и положили на их заявление следующую резолюцию: "Поручается поименованным ниже лицам, то есть подписавшим заявление священникам, принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова" [49].

Еще за два дня до этой резолюции 16-го мая 1922 года, Патриарх уже послал грамоту Митрополиту Агафангелу, вызывая его в Москву для временного возглавления церковного управления до созыва собора. Он писал: "На это имеется согласие гражданской власти, а потому благоволите прибыть в Москву без промедления" [50].

Однако, присутствие Митрополита Агафангела могло помешать планам захвата власти обновленцами, с которыми он не соглашался сотрудничать. Поэтому, данное Патриарху согласие гражданских властей оказалось отмененным. Митрополит не смог выехать из Ярославля в Москву. Между тем, обновленцы воспользовались резолюцией Патриарха, чтобы фактически овладеть церковной властью. Ради этого они и притворялись лояльными при посещении его в заключении. Гражданская власть не скрывала своей помощи обновленцам для захвата ими власти. Это особенно ярко и беззастенчиво проявилось в Петрограде.

Группа священников, уполномоченных только содействовать передаче патриарших дел Митрополиту Агафангелу, сама себя в тот же вечер переименовала в Высшее Церковное Управление и самочинно присвоила себе высшую административную власть в Русской Церкви.

Перевезенный в Донской монастырь Патриарх Тихон был как бы исключен из церковной жизни. Казалось, что обновленцы окончательно захватили власть над Русской Церковью. Это отразилось, прежде всего, на образе действий церковных деятелей авантюристического характера и вообще людей, неспособных отдавать жизнь за твердые, дорогие им принципы. Такие люди, помимо избранного ими направления, тщательно берегут свое самолюбие и личные интересы. Они являются противоположностью убежденных в истине исповедников, готовых на любые страдания ради истины. Высокая цель объединяет таких людей в готовность к самопожертвованию.

Обновленческое движение 20-х годов соединило людей первого рода. Поэтому не удивительно, что с самого начала между наиболее способными из них возникли трения личного характера, подрывавшие их единство и с самого начала поделившие их на менее крайних обновленцев и безудержных реформаторов, называемых живоцерковниками. В своих реформах они шли так далеко, что в нарушение древних правил и вопреки всем поместным Церквам, ввели женатый епископат, в том числе второбрачный. Иначе говоря, обновленчество скоро вылилось в особую форму протестантского движения восточного обряда.

Оно не имело никакой опоры в народе и оставило свой след в последующем развитии событий лишь как некоторый образец для советчиков в выработке ультра-покорных советской власти иерархов, укрепившихся донныне в Московской Патриархии. Мы поэтому не будем долго останавливаться на периоде захвата власти в Русской Церкви обновленцами во время пленения Патриарха Тихона, как на печальном эпизоде в истории нашей Церкви в течение примерно года с небольшим, до его освобождения из заточения.

Возглавлял Церковь в этот период, но не имея возможности ею управлять, Митрополит Ярославский Агафангел, человек твердых принципов. В своем послании от 5/18 июня 1922 года, Митрополит Агафангел объяснял: "Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги, я предполагал немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву, но вопреки моей воле, по обстоятельствам от меня независимым, я лишен возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской Церковью. От кого и какие полномочия получили они, мне совершенно неизвестно, а потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей православной веры, священные каноны святых Вселенских соборов, православные богослужебные уставы, данные великими подвижниками христианского благочестия и организовали новую, именуемую ими "Живую Церковь".

Таким образом, митр. Агафангел не был в состоянии организовать управление Церковью, но он сделал единственное, что было в его силах при создавшейся обстановке. 5/18 июня 1922 года, он разослал послание о том, что временно принял на себя возглавление Церкви. Не имея в своем распоряжении никакого административного аппарата, он предоставил самые широкие полномочия епархиальным архиереям, применяя принцип постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 года за №362, которое предусматривало порядок жизни Церкви в случае полного расстройств центральной церковной власти.

То, что Митрополит Агафангел не прибыл сразу в Москву по зову Патриарха, у осведомленных людей вызвало недоумение. В книге Левитина и Шаврова дается ему объяснение: "В течение месяца велись секретные переговоры между Тучковым и Митрополитом Агафангелом. Е. А. Тучков, которого ВЦУ считало своей главной опорой в переговорах с Митрополитом, выражал желание как можно скорее отделаться от этого несолидного учреждения и поддержать его. Однако, и от Агафангела ожидался ряд уступок, на которые он не соглашался. После месячных переговоров, видя, что дело не сходит с мертвой точки, Митрополит Агафангел неожиданно, уже не спрашивая Тучкова, обратился к Русской Церкви с воззванием, напечатанным в какой-то подпольной типографии и очень быстро разошедшимся по Москве и другим городам" [51].

Это выступление Митрополита Агафангела было неожиданным для Тучкова и очень обеспокоило обновленцев, надеявшихся, что с канонической церковной властью дело покончено. Митрополит Агафангел был немедленно арестован и вместо переезда в Москву, был сослан в Нарымский край. Однако, он и Патриарх уже указали путь для верных епископов и чад Церкви. В процессе их борьбы с обновленцами в разных местах стали образовываться "автокефальные епархии".

Не легко проходило внедрение обновленчества даже там, где оно зародилось — в Петрограде.

Введенский, вернувшийся из Москвы после захвата церковного управления, явился к Митрополиту Вениамину и объявил ему о создании нового управления и назначении его, Введенского, делегатом от этого управления по Петроградской епархии. Митрополит его за это отлучил от Церкви. Постановление его было напечатано в газетах и вызвало ярость коммунистов. Через несколько дней к Митрополиту явился Введенский в сопровождении бывшего председателя петроградской ЧК и петроградского коменданта Бакаева. Они предъявили Митрополиту ультиматум: либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и ряда духовных лиц будет создан процесс в связи с изъятием ценностей, в результате которого погибнет и он, и близкие к нему люди. Митрополит ответил категорическим отказом. Как известно, угроза эта была приведена в исполнение: он был судим и приговорен к смерти, потому что стоял поперек пути гражданской власти в ее начинаниях в деле образования революционной обновленческой Церкви [52].

Титлинов при всем желании не мог скрывать того, что обновленческое Высшее Церковное Управление захватило власть антиканонически, в революционном порядке. "Несомненно, - писал он, - что группа, которая

образовала Высшее Церковное Управление после отречения Патриарха Тихона, полномочий на то от Патриарха не имела. Патриарх поручил ей только посредническую роль передачи дел, а отсюда до передачи власти очень далеко. Деятели Живой Церкви взяли власть сами, в порядке революционном, внеканоническом и, если угодно, антиканоническом" [53].

Обновленческий "Собор". Освобождение патриарха Тихона

Обновленцы с самого начала поделились на две партии: группу церковного обновления во главе с еп. Антонином и Живую Церковь, которая первоначально возглавлялась бывшими протоиереями Калиновским и Введенским. Обе эти группы в июне 1923 года совместно провели свой собор. Они имели известные успехи, особенно первоначально, когда дело Патриарха казалось безнадежным, и к ним стали приставать оппортунисты даже из числа архиереев. Особенно сильное впечатление произвело подписанное митрополитом Сергием признание обновленческого Высшего Церковного Управления, как законного органа власти.

"Мы, Сергей, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Высшего Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления, считаем его единственной, канонической, законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий".

Митрополит Сергей,
архиепископ Серафим,
архиепископ Евдоким.

Дата этого документа в двух книгах, очевидно вследствие у кого-то опечатки, поставлена разная: у Льва Регельсона, вероятно, правильная — 3/16 июня, а у Левитина и Шаврова 16/20 июня.

Лев Регельсон приводит комментарий к этому документу Митрополита Мануила: "Мы не имеем права скрывать от истории тех печальных потрясающих отпадений от единства Русской Церкви, которые имели место в массовом масштабе после опубликования в журнале Живая Церковь письма-воззвания трех известных архиереев. Многие из архиереев и духовенства рассуждали наивно и правдиво так: "Если же мудрый Сергей признал возможным подчиниться ВЦУ, то ясно, что и мы должны последовать его примеру" [54].

Этой изменой Православию митрополит Сергей на некоторое время приобрел себе свободу и спокойствие, но своим пагубным примером внес в Церковь много соблазна.

Между тем, в обновленческой среде рос разлад, приобретая все больше характер постоянного скандала, чему много содействовал неудержимый характер еп. Антонина с выходками, совершенно не соответствовавшими его громкому титулу "митрополита Московского и всея Руси". Конечно, эти скандалы шли на руку антирелигиозной пропаганде. В большом числе появились расстриги, которые публично заявляли, что отказываются от веры и от сана.

Для своего объединения и поднятия своего авторитета, обновленцы созвали Всероссийский собор. Им удалось привлечь туда все свои группы и к концу собора соединиться с Антонином и его последователями. Антонин для этого должен был уступить "Живой Церкви" и признать женатых епископов, которых в течение года накопилось уже довольно много. Митрополит Сергей на соборе не был: он в это время находился в заключении.

Председателем собора был выбран Сибирский "митрополит" Петр Блинов, а почетным председателем Антонин. Собор вынес постановления, выражавшие все обновленческие лозунги, постановил отменить анафему, наложенную на большевиков подлинным Всероссийским собором и постановил лишить сана Святейшего Патриарха Тихона. Это постановление решили сразу же объявить Патриарху. После заседания, делегация из Петра Блинова, епископа Тульского Виталия и Красницкого поехала к Патриарху, где их встретил Е.А. Тучков, который сам ввел их к нему. Когда ему вручили для прочтения определение о лишении его сана и монашества, Патриарх наложил на нем следующую резолюцию: "Прочел. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю и потому законным его решение признать не могу. Патриарх Тихон (Василий Беллавин) 22 апр./4 мая 1923 г."

Описание обновленческого собора в книги Левитина и Шаврова занимает более 70-ти страниц. Это самая полная информация в печати, насколько мне известно из всего напечатанного по этому вопросу и объясняется это тем, что Левитин сам был одно время очень близок к Введенскому и до конца сохранил к нему привязанность, уже и отойдя от обновленчества.

Но обновленчество не воспринималось людьми и могло существовать только при преследовании верных православных иерархов и фактическом устранении подлинно православной церковной власти. Этим и пользовались безбожники-коммунисты в течение больше года, когда Патриарх был изолирован, находясь под домашним арестом. В сознании верующих он был обречен на смерть. О возможности его освобождения когда

бы то ни было никто уже и не мечтал. Вот почему, вопреки своим собственным убеждениям, к обновленцам присоединились такие "реалисты", как митрополит Сергей.

Такое чувство еще более укрепилось в общем сознании после того, как 23 мая 1923 года в 11:00 часов вечера к Патриарху приехал Крыленко и увез его из Донского монастыря на Лубянку. После этого судьба Патриарха представлялась уже совершенно безнадежной.

Как проходил этот период жизни Патриарха, никто не знает, но мы можем догадываться, что он получал ложную информацию о преувеличенных успехах обновленчества и полном расстройстве в рядах верных Православия. Успешное, как будто бы, окончание обновленческого собора должно было, конечно, его еще больше обеспокоить. Левитин и Шавров называют это время "загадочным тридцати-восемью дневным периодом пребывания Патриарха Тихона в тюрьме". Можно думать, что по началу большевики имели в виду казнь Патриарха особенно "если учесть, — как пишет Левитин, — что Тучков неоднократно указывал деятелям ВЦУ на необходимость подготовить общественное мнение к суду над Тихоном" [55].

Однако, православное население России в то время не могло знать о том, насколько были сильны выступления и ходатайства перед иностранными правительствами со стороны Русской Православной Церкви Заграницей и других организаций.

Правительства Англии, Франции и некоторых других стран, а также представители инославных Церквей, побуждавших свои правительства к требованию освобождения Патриарха Тихона, сделали его участь важным вопросом международного масштаба. Об этом советчики проговорились в передовой статье Н. И. Бухарина в газете "Правда" от 14/27 июня: "'Спасайте Тихона' сделалось лозунгом международной контрреволюции, той, которая должна была поднять темные крестьянские массы и придать им видимость крестового похода против Советской России. Резюмэ этой кампании мы видим в знаменитой ноте Керзона, который всею мощью Британской империи вступился за Божие дело, за мученика-Патриарха, стараясь изъять его из пасти большевиков" [56].

Советское правительство было вынуждено посчитаться с произведенным на него давлением. Весьма возможно, что переводя Патриарха в тюрьму, советчики уже имели в виду с одной стороны запугать своего узника, а с другой — обставить его освобождение из тюрьмы с наибольшей для себя выгодой и унижением для Патриарха. И конечно, они хотели сделать невозможной торжественную встречу.

Освобождение Патриарха произвело особенно сильное впечатление вследствие своей неожиданности и несоответствия предшествующей политике Советов.

Сообщение в газете "Известия", напечатанное одновременно с его освобождением, было довольно коротким: "16-го июня Тихон обратился в Верховный суд со следующим заявлением: "Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный суд РСФСР, я считаю необходимым по долгу своей пастырской совести заявить следующее: будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен по отношению к советской власти враждебно, при чем враждебность из пассивного состояния временами переходила в активные действия, как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафематствование в том же году власти, возражения против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия, за немногими неточностями, изложены в обвинительном акте заключения Верховного суда.

Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отказываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г.

Патриарх Тихон (Василий Беллавин)".

"Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда от 25 июня 1923 года в составе председателя тов. Карклина и членов товарищей Галкина и Челнокова, постановила: ходатайство гражданина Беллавина удовлетворить и, руководствуясь 161 и 242 статьями Уголовно-процессуального кодекса, ранее принятую в отношении него меру пресечения от суда и следствия — содержание под стражей отменить".

Патриарх был в заключении больше года. Тем временем гражданская власть откровенно поддерживала обновленцев в их борьбе против обезглавленной православной иерархии, осуществляя поистине дьявольский план нападения на Церковь одновременно снаружи и изнутри. Проф. Троицкий пишет: "Поворот в церковной

политике был предрешен в апреле 1922 года в заседании Совнаркома по предложению Троцкого. Патриаршество решено было упразднить, власть в Церкви передать "верующим" или, точнее, тем элементам среди духовенства и мирян, которые согласятся действовать по указке власти".

Титлинов старался обвинить Патриарха в создавшемся развале. Отлично зная, что Митрополит Агафангел не был допущен в Москву гражданской властью по соглашению с обновленцами, он пишет, что Патриарх не имел права уйти от власти, не дождавшись фактической ее передачи, то есть до приезда в Москву своего заместителя. По его словам, каковы бы ни были "независящие обстоятельства", Патриарх не должен был бросать управления без фактического преемства. Титлинов упорно замалчивает тот факт, что Патриарх находился под арестом, но, противореча себе, признает, что Патриарх не мог фактически осуществлять своей власти даже если бы он того и хотел. Признает он и то, что Патриарший Синод в сущности уже перестал существовать и не мог поэтому принять патриаршей власти для передачи ее заместителю [57]. Более объективный в изложении исторических фактов Шишкин пишет: "Патриарх Тихон уже находился под арестом в патриаршем подворье, а потому не мог проконтролировать выполнения своего распоряжения о формировании нового церковного управления. Из всех членов тихоновского Св. Синода и ВЦС в Москве находились только 3 человека. Поэтому, ни Св. Синод, ни Высший Церковный Совет не могли принять никаких обязательных решений" [58].

Другим средством ослабления Православной Церкви перед лицом генерального наступления на нее обновленцев, было требование о введении в ее жизнь нового календарного стиля...

Сам Патриарх относился к этому вопросу довольно либерально, за исключением вопроса о пасхалии. Однако, он настойчиво указывал, что такое решение, для того, чтобы оно имело силу, должно быть общецерковным, а не принятым только одной Русской Церковью. Но православный народ никак не принимал этой навязываемой безбожниками реформы, а большевики навязывали ее настолько упорно, что даже ссылались на якобы уже принятие ее всеми Восточными Православными Церквями, чего на самом деле не было. Под таким давлением Патриарх, было, согласился ввести новый календарь и объявил об этом. Однако, народ внутренне никак не принимал этой реформы, считая ее по существу обновленческой, тем более, что на своем соборе 1923 года обновленцы объявили о введении ее в жизнь Живой Церкви. Так тянулось дело до предания Патриарха суду и заключения его под стражу. По освобождении его, нажим правительства снова возобновился. В записке правительству, обрисовывая всю историю этого дела, Патриарх писал, что "из окружающих Москву епархий, с юга, из Крыма и из далекой Сибири" к нему потянулись вереницы депутатий от верующих, протестующих против реформы. Одновременно Патриарх был завален и сообщениями того же содержания. "Ввиду этого, — писал Патриарх, — мы сочли своим пастырским долгом принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной и 8-го ноября 1923 года сделали распоряжение: повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить".

После этого, патриаршая канцелярия была опечатана агентами правительства. В числе прочего, из нее были изъяты неразосланные экземпляры послания о введении нового стиля и оказались расклеенными по улицам столицы без ведома и согласия Патриарха. Одновременно, талантливый и преданный помощник Патриарха архиепископ Иларион был арестован и отправлен в ссылку на Соловки.

В своем заявлении советским властям по вопросу о календарном стиле, Патриарх так описывает положение Русской Православной Церкви в 1924 году: "Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влчаны с места на место; православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии, или изгоняются из них при первом появлении там, или подвергаются арестам. Центральное Управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрываются, обращаются в клубы и кинотеатры, или отбираются от многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп. Духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что отцы их служат Церкви..."

Если так писал Патриарх после своего освобождения, то очевидно положение Церкви было еще хуже в то время, когда он считался находящимся под судом и был в заключении.

Формальное заявление Патриарха Верховному суду, данное им перед освобождением из тюрьмы, несомненно, было сдачей одной из очень важных позиций. Собор избрал его не только, как канонического Первоиерарха Русской Церкви, но и как православного народного вождя, печальника Земли Русской, выразителя народной совести в делах не только церковных, но и народно-государственных. Не трудно увидеть это из ряда речей на

Всероссийском соборе, выразивших надежды, связанные с восстановлением Патриаршества. Если люди хотели слышать голос православной святой Руси, голос народной совести, то Патриарх Тихон и был тем, кто возвышал этот голос. Этот голос смело прозвучал в обличение убийств, грабежей, притеснений Церкви и лишения ее всяких прав.

Большевики обвиняли Патриарха в этом и, в частности, в том, что он выразил сочувствие заключенному в Тобольске императору Николаю II-му, послав ему просфору через архиепископа Гермогена. Но он не остановился на этом. Он затем громко, насколько мог осудил и убийство Царской Семьи. Князь С. Г. Трубецкой пишет: "После убийства царя, Патриарх произнес в одном из соборов проповедь, в которой говорил, что как бы ни судить политику государя, его убийство после того, как он отрекся от престола и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем не оправданным преступлением, а те, кто его совершил, должны быть заклеяны, как палачи. "Недостаточно только думать это, — добавил Патриарх: не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам" [59].

Но после годичного заключения, видя полный развал в Церкви, Патриарх решил, что не имеет больше практической возможности проявлять себя в вопросах государственных. Тогда он, не отрекаясь от принципов св. Руси, отказался от неосуществимых для него функций народного вождя, а стал ограничиваться только каноническим управлением Церкви. Все другие вопросы, как бы важны они ни были в его глазах, он как бы вынес за скобки, сосредоточив все внимание только на самом главном: спасении Церкви от обновленческой реформации.

Титлинов отмечает, что на обновленческом съезде в августе 1922 года обозначилось два течения. Одно, по его определению, "более умеренное в смысле тактики и более идейное в смысле заданий церковного переворота, и другое, более радикальное по тактическим приемам и революционным замахам и, в то же время, более практическое и классовое по своему настроению". Говоря о деталях этого направления, Титлинов признает, что они "не особенно стеснялись средствами для проведения своих планов и не чуждались приемов, не соответствующих духу церковного братства и неизбежно ожесточающих противную церковную среду" [60].

Сам Титлинов, заявляя себя сторонником не Живой Церкви, а другой группы, называвшей себя "Новой Церковью", если и отзывался неодобительно о насильственных методах борьбы живоцерковников с Православной Патриаршей Церковью, то все-таки находит для них некоторое оправдание в том, что обновленческое движение было революцией в Церкви. Он, вопреки очевидности, старался доказывать, что это движение не было реформацией, но в то же время сам назвал его революционным. "Но если, — писал он, — новое церковное движение нельзя назвать реформационным, то его можно и должно назвать революционным" [61].

В то время, как обновленцы всех толков пользовались покровительством гражданских властей, православные, напротив, и после освобождения Патриарха Тихона оставались практически вне закона. По декрету 10 августа 1922 года могли существовать только организации, которые были зарегистрированы и только они могли получить в пользование храмы. По декрету же об отделении Церкви от государства, право на существование признавалось только за небольшими группами верующих, так называемые "двадцатками". Православные центральные органы по закону не могли легально существовать и функционировать. Если они все-таки существовали, и могли вступать в какие-то переговоры с гражданскими властями, то только в порядке административного усмотрения со стороны последних. Но поскольку это не предусмотрено законом, они всегда была под угрозой санкций. Управление Культур в циркуляре от 25 мая 1923 года требовало, чтобы церковные распоряжения представлялись прокурору ГПУ. На этом основании "тихоновские" епископы постоянно привлекались к ответственности за нарушение законов о религии и наполняли тюрьмы и концентрационные лагеря, а к обновленцам такие ограничения применялись редко. Несмотря на заявление Патриарха Тихона о прекращении с его стороны всякой борьбы с советской властью, — его последователи продолжали рассматриваться, как контрреволюционеры по сравнению с лояльными обновленцами.

Тем не менее, православные не оставались бездеятельными. Известия ВЦИК 20-го августа 1922 года сообщали о ряде тайных съездах верующих, выносивших постановления о непризнании Высшего Церковного Управления и поддержке Патриарха Тихона. Это движение усилилось после освобождения Патриарха.

Некоторых успехов обновленцы достигли за границей. Первоначально, вследствие осведомлений, получавшихся от Митрополита Антония, ряд Православных Церквей высказали осуждение обновленцев и поддержку Патриарху Тихону.

Константинопольский Патриарх Мелетий IV-й и его Синод 24 мая 1923 г. вынесли постановление о непризнании суда над Патриархом Тихоном и заявили, что "все Православие смотрит на Патриарха Московского, как на исповедника" [62].

Даже Всеправославный Конгресс, сам во многих отношениях проявивший обновленческие тенденции, под впечатлением деятельности представителя Русской Церкви Заграницей Архиепископа Анастасия, в определении 4 июля 1923 года за №3244 назвал постановления Живой Церкви "неканоническими" [63].

"Незаконными захватчиками церковной власти в России" назвал обновленцев и Патриарх Григорий VII-й в послании 27 декабря 1923 года [64].

Еще более резко отозвался о них Антиохийский Патриарх Григорий IV-й, назвавший в послании 17 ноября 1923 года обновленческий Синод "богоборным, сатанинским сборищем".

Категорически отвергли обновленцев также Сербский Патриарх Димитрий, Афинский Митрополит Хризостом, Кипрская и Польская Церкви.

Однако, позднее, пока Патриарх Тихон поневоле безмолвствовал, находясь в заключении, обновленцы с помощью советского правительства добились на Востоке немалых успехов. Те же Восточные Патриархи вошли в сношения с обновленцами. Иерусалимский Патриарх Дамиан вошел в переписку с московскими обновленцами, как представителями Русской Церкви и на некоторое время прекратил общение с наблюдающим за делами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Архиепископом Анастасием, которому не скоро удалось разъяснить Патриарху истинное положение дел. В Константинополе, под влиянием обновленцев, Патриарх принял меры против Архиепископов Анастасия и Александра. Над ними назначено было следствие и им запрещено было священнослужение за враждебные выступления против советской власти, поминовение Патриарха Тихона и признание возглавленного Митрополитом Антонием Архиерейского Синода. Им дан был совет признать советское правительство. Кроме того, Патриарх Григорий обратился к Сербскому Патриарху Димитрию с просьбой закрыть

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, как учреждение самозванное и не имеющее за собой никакого канонического основания. Само собой разумеется, что эти выступления встретили обоснованные возражения со стороны заграничного Архиерейского Синода [65].

Проф. С. В. Троицкий по этому поводу напечатал очень серьезную статью "Дымное надмение мира и Церковь", в которой обличил Константинополь в неканонических претензиях [66].

Все эти попытки из Москвы уничтожить свободную Русскую Церковь Заграницей успеха не имели.

Преемник Патриарха Григория VII-го, Константин VI-й, занял немного более осторожную позицию. Когда Митрополит Антоний 30 марта 1926 года издал послание главам Православных Церквей с протестом против приглашения обновленцев на Вселенский собор, Патриарх Константин ответил, что в России есть несколько церковных партий и все они выдают себя за истинно-православные, и что он пригласил на Вселенский собор не только Живую Церковь, но и местоблюстителя Патриаршего престола Митрополита Петра, а будущий Вселенский собор должен будет решить, кто прав в церковной распри [67].

Другие Церкви раньше Константинополя потеряли всякое доверие к обновленцам и прекратили общение с ними, впрочем, без нарочитых письменных о том заявлений.

В самой России обновленцы, после временного расцвета, стали терять почву. Укрепление Тихоновской Церкви, как называли православных обновленцы, после освобождения Патриарха и вообще протесты верующих, заставили обновленцев отступить от некоторых своих реформационных мероприятий. В последний год жизни Патриарха Тихона появились уже попытки искать соглашения с ним. С другой стороны, обновленцы в угоду населению, стали смягчать свои реформы, во многих случаях добиваясь того, чтобы их по внешности трудно было отличить от православных. Постепенно, после появления во главе Патриархии Митрополита Сергия, они потеряли и некоторых преимущественно преданных советской власти, поскольку внешне более приличная Московская Патриархия оказалась и более удобной для служения советской власти. При политике соглашательства митрополита Сергия, обновленцы стали для нее менее интересны.

А. Краснов справедливо определил 30-е годы, как годы заката обновленчества [68]. Начались тогда стеснения и для живоцерковников. В 1936 году распался обновленческий Синод. В 1943 году ликвидировались последние остатки обновленческой организации и члены ее, не меняя своих убеждений, стали вливаться в Церковь Патриарха Сергия, часто занимая влиятельное положение в ее иерархии и администрации. Живая Церковь умерла, но обновленчество и теперь живет в Московской Патриархии. Об этом более подробно будет сказано ниже.

ПРАВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ. КОНЧИНА ПАТРИАРХА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Первое время после освобождения, Патриарх отдыхал душою при виде проявления радости и верности ему паствы. С другой стороны чувствуется, что он еще был под некоторым впечатлением одностороннего осведомления со стороны чекистов об успехах обновленческого движения и опасался отрицательного

отношения верующих к его отказу впредь от обличения большевиков.

На другой день после освобождения в беседе с корреспондентом, Патриарх противопоставил про-коммунизму обновленцев свою аполитичность: "Я думаю, — сказал он, — что Церковь должна быть аполитичной, и во всей своей деятельности я буду твердо стоять на этом"... На вопрос, что он думает делать в дальнейшем, Патриарх ответил: "Мне предоставлена свобода и, следовательно, право совершать богослужение. Я буду служить в Донском монастыре и в других местах, куда меня пригласят верующие. Если народ захочет, он будет ходить ко мне на молитву. Если же не захочет — ничего не поделаешь, буду молиться один. Если у меня найдется достаточное количество приверженцев, то наше церковное объединение примет какие-нибудь организационные формы" [69].

Если по началу у Патриарха могли быть сомнения в отношении к нему церковного народа, то они должны были очень скоро рассеяться при виде того энтузиазма, с каким всюду встречали его верующие.

Сразу после его освобождения, к Патриарху явился епископ Иларион (Троицкий). Это было восходящее светило русского богословия, ученик и последователь Митрополита Киевского Антония. На Всероссийском соборе он проявил себя, как настойчивый и талантливый сторонник восстановления Патриаршества. Патриарх очень ценил его и приблизил к себе еще до своего ареста. Теперь, после его освобождения, епископ Иларион стал ближайшим его помощником, в частности и в переговорах с советскими властями. Его ум и дипломатичность делали его особенно ценным сотрудником для Патриарха.

Это было особенно важным, поскольку Патриарх явно сознавал, что освобождение его само по себе, отнюдь не разрешало многих проблем. Прежде всего, он был освобожден, но оставался обвиняемым, пока само возбужденное против него судебное дело не будет полностью прекращено, а обновленцы тем временем оставались официально допущенной к управлению Русской Церковью организацией. Патриаршее управление между тем было дезорганизовано и кроме самого Патриарха фактически не существовало. Не было у Патриарха ни канцелярии, ни места, где она могла бы помещаться. А тут в "Известиях" было напечатано сообщение от 18 июня 1923 года (№47) от лица члена Президиума суда Галкина, что: "Постановление Верховного Суда, конечно, ничего не меняет в самом ходе дела Тихона, следствие по которому будет продолжаться своим чередом".

Тучков, несомненно, оказавшись вынужденным освободить Патриарха, не отказался от своей идеи ослабить Церковь путем привнесения в нее обновленческого элемента. Делал он это очень осторожно и умно. Видя, что обновленчество неприемлемо для православного народа, он склонял их главарей к примирению с Патриархом и за кулисами одновременно старался влиять на последнего через его советников, чтобы таким образом ввести обновленцев в Патриаршую Церковь.

Первая попытка Красницкого встретиться с Патриархом оказалась безуспешной: Патриарх решительно отказался его принять. Других старших возглавителей к моменту освобождения Патриарха не было в Москве. Известие о том, что Патриарх на свободе потрясло обновленцев, Евдоким был в это время в Одессе, а Введенский находился в провинции и там задерживался. Когда Тучков узнал, что Евдоким находится на пути в Москву, он, однако, убедил его задержаться и пока вернуться в Одессу. Евдоким, по прибытии в Москву немного позднее, чем первоначально предполагал, приступил к делу по указаниям Тучкова. Надо думать, что тем временем он готовил проекты, связанные с некоторой обратной реформой обновленчества: обновленчеству надо было придать менее радикальную видимость. Если раньше учреждения там именовались по примеру советских учреждений, то теперь терминология "оцерковлялась". Отказались обновленцы и от нового календаря.

Однако, несмотря на все старания Тучкова, Патриарх категорически отказывался иметь дело с Евдокимом. Более снисходительно он отнесся к Красницкому, который, не будучи архиереем, вероятно, представлялся ему менее опасным, чем Евдоким. Окружавшие Патриарха архиереи единодушно его поддержали, к большому неудовольствию Тучкова.

В ноябре Тучков решил припугнуть Патриарха и вызвал его к себе под конвоем. Он в категорической форме потребовал от Патриарха, чтобы последний вызвал к себе Евдокима и выработал с ним совместную декларацию о примирения. К удивлению Тучкова "Патриарх Тихон заговорил еще более резким тоном. Он категорически отверг требование Тучкова и заявил, что никто в мире не навязет ему таких действий, которые отвергает его совесть... Изумленный Тучков быстро сменил тон, стал осведомляться о здоровье Патриарха, шутить и вежливо с ним простился" [70].

В качестве некоторого возмездия за проявленную Патриархом твердость, через несколько дней был арестован один из главных советников Патриарха архиепископ Илларион. С этого времени начались страдания этого выдающегося архиерея. Его переводили из одной тюрьмы в другую, из ссылки в ссылку. Он умер в

Ленинградской тюрьме в марте 1929 года. Заменял его при Патриархе, как ближайший советник, Митрополит Петр Крутицкий, а в переговорах с советскими властями архиепископ, впоследствии митрополит, Серафим (Александров).

На новых советников легла прежде всего обязанность вести переговоры об урегулировании положения Патриарха Тихона, без чего нельзя было легализовать возглавляемого им Синода. Наконец, после долгих переговоров с Тучковым Президиум СССР вынес постановление от 21 марта 1924 года о прекращении дела Патриарха Тихона и других обвиняемых вместе с ним.

Нельзя не заметить, что вслед за тем 21 мая того же года, Патриарх Тихон подписал резолюцию о создании Синода и ВЫСШЕГО Церковного Совета в составе которого было 9 священников, из которых 5 обновленцев во главе с Красницким, вручившим Патриарху письменно покаяние. Левитин и Шавров, вероятно, правы, что это назначение явилось платой, которую требовал Тучков за прекращение дела по обвинению Патриарха. Одновременно было получено разрешение и на организацию епархиальных управлений. Однако, к неудовольствию Тучкова, раньше, чем составленное Высшее Церковное Управление стало функционировать, Патриарх уведомил его, что вынужден был 26 июня подписать акт, аннулирующий организацию Высшего Церковного Управления с участием Красницкого и других. Акт мотивировался отрицательным отношением к реформе православного народа. На этом закончилась деятельность Красницкого. Тучков употреблял все свое влияние, чтобы найти новые пути для введения обновленчества в Русскую Православную Церковь, но при Патриархе Тихоне ничего не добился [71].

После отмены Патриархом Тихоном резолюции об организации Синода и Высшего Церковного Совета, Патриаршая Русская Православная Церковь осталась без организации, хотя бы терпимой, со стороны правительства. Однако, это не помогло обновленцам. У них была администрация, но не было народа, который, несмотря на беспорядки, оставался с Патриархом.

Патриарх вел очень напряженную работу, часто до трех раз в неделю, служа в разных церквях, а также рукополагая епископов на пустующие кафедры. Из них многие не могли вступить в управление своими епархиями, будучи арестованы и сосланы в другом направлении. Насколько тяжело их положение видно из слов Патриарха в наставлении епископу Мануилу, рукоположенному для Петрограда. "Посылаю тебя на страдания, — сказал ему Патриарх, — ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию" [72].

Епископ Мануил исполнил этот завет Патриарха. За три месяца напряженнейшего труда, до своего ареста и ссылки, он вернул в ведение Патриарха большинство приходов Петроградской епархии, в которой его ревность служения и любовь к людям стяжали ему обратную любовь и почитание паствы.

Левитин и Шавров, подводя итоги последних месяцев жизни Патриарха Тихона, справедливо пишут, что "обстановка несколько стабилизировалась: обновленческий раскол как бы остановился в своем развитии, и большая часть Церкви шла за Патриархом" [73].

Однако, не останавливалась болезнь почек у Патриарха и это не могло не сказываться на здоровье и силах Святейшего, который в своем архипастырском рвении старался с этим не считаться.

В тот же период относительного благополучия, Патриарху пришлось перенести тяжелое испытание: трагическую смерть самого близкого к нему человека келейника Якова Сергеевича Полозова. Он с юных лет, с прибытия Патриарха в Москву, тогда еще архиепископа, состоял при нем как келейник и личный секретарь, оставаясь при нем и после своей женитьбы.

Вечером в 11 часов, во время чаепития, услышали, что кто-то вошел. Показались в комнате два неизвестных. Я. С. Полозов бросился между ними и Патриархом. Раздался выстрел и он упал мертвым. Убийцы, не коснувшись Патриарха, сразу убежали. Такая трагическая утрата столь близкого к нему человека, не могла не потрясти больного старца. Нервное напряжение во время и после заключения, усиливало болезни, а Патриарх давно стал страдать нефритом. К этому прибавилась грудная жаба. Ослабление организма стало сказываться. Патриарх не смог совершить богослужений ни рождественских, ни крещенских. Врачи настаивали, чтобы Патриарх лег в клинику, на что он согласился. Там он стал поправляться и в конце января (по ст. ст.) возобновил свои служения в разных храмах Москвы. Последний раз он служил за два дня до Благовещения — дня своей кончины.

Тем временем Митрополит Петр вел переговоры с Тучковым об улучшении положения Церкви, а Тучков требовал подписания Патриархом нового декларативного документа с выражением лояльности к советской власти.

Декларация эта, под видом послания, в оптимистической форме передает содержание советского декрета о религии, умалчивая о том, что принцип свободы в какой бы то ни было форме советчиками нарушался с самого начала. Однако, вслед за этим введена была очень существенная оговорка: "не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами советской власти и явную или тайную агитацию против нее"...

..."Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого Православия — сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные, стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей"...

Под конец послание отмежевывается от заграничных церковников в их враждебном отношении к советской власти. Обращает на себя внимание, что подписанное на смертном одре послание, включает начальную фразу: "Ныне мы, милостию Божией, оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией" и т.д. Нельзя не согласиться с заключением Левитина и Шаврова, что воззвание в смысле признания советской власти "мало что прибавляет к ряду предшествовавших воззваний". Следует, однако, отметить, что признание Патриархом советской власти носит, отнюдь не безусловный, а условный характер. Не случайно, воззвание усиленно подчеркивает принцип свободы совести. Осуждая эмигрантское духовенство за политиканство, призывая способствовать восстановлению в стране разрушенного хозяйства, Патриарх, однако, подчеркивает, что никаких компромиссов в области вероучения быть не может. Наконец, в заключительной части воззвания, формулируются основные требования православных христиан к советскому правительству. Патриарх требует свободы печати для защиты веры и религиозного преподавания. Именно благодаря этому верующие люди, прочтя последнее патриаршее воззвание с уважением почтили его память и он остался в народном сознании навсегда, как защитник Православной Церкви" [74].

Все-таки, смутные обстоятельства подписи Патриархом последнего воззвания и особенно то, что в дальнейшем Митрополит Петр никогда его не упоминал, создали серьезные сомнения в подлинности этого документа. В моей книге "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом" (Джорданвилл, Н.И. 1961 г.), я привел всю известную аргументацию против признания подлинности воззвания (гл. 5-я, стр. 33-60), главным образом на основании очень веского труда протопресв. Василия Виноградова.

Здоровье Патриарха постепенно все более ухудшалось, но крепость его духа и желание утешать паству своими служениями, побуждали его напрягать свои последние силы. Так, в воскресенье перед Благовещением, несмотря на то, что перенесенную экстракцию нескольких корней зубов и возникшее воспаление десны, распространившееся в сторону глотки до миндалевой железы, он совершил литургию. Однако, кончина Патриарха произошла неожиданно для врачей от припадка грудной жабы. Только что бывший у него доктор Щелкан (дежурный врач) не нашел ничего тревожного, но только что он успел подняться в свою квартиру, как был спешно вызван фельдшерницей. Явившиеся врачи нашли ясно выраженный припадок грудной жабы. Были впрыснуты лекарства, но пульс продолжал падать. Через несколько минут Патриарх перекрестился трижды со словами: "Слава Тебе Боже, слава Тебе Боже, слава Тебе Боже" и испустил дух.

Кончина Патриарха, для паствы столь неожиданная, всех потрясла. Чтобы почтить его память и проститься с ним, бесчисленное количество верующих стекалось в Донской монастырь. Со всех сторон съезжались еще находившиеся на свободе архиереи. Их собралось 60 человек.

С кончиной Патриарха Тихона начался еще более трудный период в управлении Русской Церкви. Но прежде чем мы перейдем к этому новому периоду, мы должны сказать еще несколько слов относительно кончины Патриарха. По словам Левитина и Шаврова "почему умер Патриарх Тихон? — этот вопрос шепотком, вполголоса, во весь голос задавали на похоронах Патриарха"... "и до сих пор этот вопрос повторяется почти всеми церковными людьми, как только речь заходит о смерти Патриарха Тихона" [75].

Легко понять, что смерть Патриарха Тихона была нужна советам, поскольку Тучкову не удалось образовать под его возглавлением церковного управления, в котором наравне с православными были бы и обновленцы, как это удалось ему при Патриархе Сергии. Само собой разумеется, что все это покрыто тайной, однако у Левитина и Шаврова есть одно важное свидетельство: "Покойный настоятель храма Ильи пророка в Обыденном переулке в Москве о. Александр Толгский, умерший в 1962 году, говорил одному из авторов: "После признаний, сделанных мне во время исповеди одного из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что Патриарх Тихон был отравлен" [76].

Этот факт является важным дополнением к соображениям, очень логичным и понятным, почему Тучкову было так важно освободиться от Патриарха, стоявшего на пути к проведению его плана об инфильтрации высшей церковной власти обновленцами.

МИТРОПОЛИТ ПЕТР МЕСТОБЛЮСИТЕЛЬ.

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ.

На другой день после погребения Патриарха Митрополит Петр собрал всех прибывших архиереев в одном из храмов Донского монастыря. После отчета о похоронах он объявил, что имеет конверт с завещанием Патриарха Тихона.

Как свидетельствует подписанный всеми присутствовавшими архиереями акт, "Присутствовавшие при оглашении сего документа архипастыри Русской Церкви, по ознакомлении с завещанием Патриарха, сделали следующее, закрепленное собственноручной подписью, заключение:

"Убедившись в подлинности документа и учитывая: 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни Митрополит Кирилл, ни Митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, мы, архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и, во исполнение воли почившего Патриарха, должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя".

Тотчас же был составлен и циркуляр о поименовании в церквях Митрополита Петра Крутицкого, как местоблюстителя патриаршего престола.

Тут уместно нам дать биографические данные о Митрополите Петре.

Петр Феодорович Полянский родился в семье священника в 1855 году. По окончании семинарии и Духовной Академии он, вопреки совету знавшего и ценившего его Митрополита Антония (Храповицкого), не принял священства. Не будучи клириком, он был назначен субинспектором Московской Духовной Академии в то время, когда ректором ее был архимандрит Антоний (Храповицкий). После того он был чиновником при Святейшем Синоде и ко времени революции имел чин действительного статского советника. Пишущий эти строки слышал самые лучшие отзывы о нем от знавших его старших архиереев. Только в 1921 году П. Ф. Полянский исполняет давний совет Митрополита Антония и вступает на духовную службу с принятием монашества. Это был человек веселый и общительный, но при том обладающий непоколебимо твердыми убеждениями в принципиальных вопросах. Левитин и Шавров дают о нем совершенно правильную оценку: "12 лет невероятных мучений (1925-1937 гг.): тюрьмы, пытки, ссылка в Заполярье, где он жил с эскимосами, не могли ни на один вершок сдвинуть его с занимаемой им позиции, поколебать хотя бы в малейшей степени" [77].

Тучков, поначалу относившийся к нему выжидательно, скоро его распознал и увидел, что он не пойдет ни на какие компромиссы с обновленцами.

Арест Митрополита Петра 10 декабря 1925 года вызвал большое замешательство, несмотря на то, что он позаботился оставить документ о назначении себе заместителей (Митрополит Нижегородский Сергей, Экзарх Украины Митрополит Михаил, архиепископ Ростовский, впоследствии Митрополит Ленинградский Иосиф) [78].

Никто из этих заместителей не мог прибыть в Москву. Митрополит Сергей немедленно заявил о своем вступлении в исполнение обязанностей заместителя местоблюстителя (14 декабря 1925 года), но и он не мог прибыть, так как дал подписку о невыезде из Нижнего Новгорода в связи с возбужденным против него судебным следствием [79].

Однако, находившаяся в Москве группа епископов во главе с архиепископом Григорием Екатеринбургским собралась в Москве и образовала временный Высший Церковный Совет. В письме к Митрополиту Петру 29 января 1926 года члены этого Совета (архиепископ Григорий, архиепископ Константин и епископ Дамиан), писали: "Мы, нижеподписавшиеся, не видя в течение двух недель никаких шагов со стороны старейших Иерархов Русской Церкви к замещению опустевшего поста вождя и кормчего церковного корабля и не зная о сделанном вами распоряжении митрополиту Сергию занять оный, решили создать временный Высший Церковный Совет, для ведения текущих дел Русской Православной Церкви и для подготовки к созыву православного Поместного собора" [80].

А. А. Шишкин справедливо пишет, что "ВВЦС, желая заполучить себе право канонической преемственной церковной власти от самого патриаршего местоблюстителя и скрыть свою самочинность, пошли на прямой обман, заявив Митрополиту Петру, что епископское совещание 22 декабря 1925 года, якобы, не знало о передаче местоблюстителем своих полномочий митрополиту Сергию Нижегородскому", причем Митрополит Петр об этом обмане узнал лишь через год, будучи в Перми [81].

ВВЦС мог ввести Митрополита Петра в заблуждение с помощью тех условий, которые создало ГПУ. Оно

допускало митрополита Сергия развивать свои претензии на власть, но первоначально оказывало предпочтение ВВЦС. Это видно из того, что члены последнего получили возможность представить дело Митрополиту Петру в своем освещении, а сношения с митрополитом Сергием у него возникли только через год. Митрополит Сергей с большой энергией и настойчивостью боролся за сохранение власти в своих руках. Он заявил Митрополиту Петру, что признает ВВЦС незаконным и на членов его наложил запрещение. Более того, в ответ на попытки Митрополита Петра каким-либо образом соединить митрополита Сергия и ВВЦС, Митрополит Сергей ему самому угрожал запрещением в священнослужении [82]. В конечном результате Митрополит Петр все-таки склонился на сторону митрополита Сергия, но этому предшествовало еще новое осложнение.

18 апреля 1926 года в Перми было издано послание Митрополита Ярославского Агафангела, освобожденного после 4-летнего заключения. В послании "Архипастырям, пастырям и всем чадам Церкви Российской", он объявил о своем вступлении в управление Церковью на основании а) "определения собора, б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 года, в) послания его же от 15 июля 1923 года и г) его же распоряжения на случай его кончины от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.)". Ссылаясь на эти документы Митрополит Агафангел писал далее: "Мы, имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на нас обязанности патриаршего местоблюстителя, вступаем в управление Православной Российской Церковью" [83].

Как пишет Шишкин, "Послание вызвало сумятицу в рядах борющихся за церковную власть сторон. Оно особенно обеспокоило митрополита Сергия, имевшего меньше канонических прав на церковную власть, чем Митрополит Агафангел и Митрополит Петр, но митрополит Сергий не собирался выходить из борьбы и смело принял вызов нового претендента на местоблюстительство" [84].

Шишкин очень хорошо изложил ход этих сношений и потому я приведу большую цитату из этого труда, ценного тем, что он пользуется и "Церковными ведомостями" и материалом, который до нас не дошел: "В середине мая 1926 года Митрополит Агафангел и митрополит Сергей договорились о том, что если судебное дело Митрополита Петра закончится осуждением его, то митрополит Сергей передаст свою власть Митрополиту Агафангелу.

Митрополит Сергей просто выигрывал время, чтобы расширить свои связи с Иерархами, на которых можно было опереться в борьбе с Митрополитом Агафангелом. Уже к этому времени покаяться и были приняты в общение с митрополитом Сергием 4 епископа из 10, поддерживавших ранее ВВЦС: епископ Дамиан, епископ Вассиан и епископ Иоанникий ("Церковные ведомости", 1926 г., №9-10, Карловцы).

Митрополит Сергей заигрывал с Митрополитом Агафангелом, настраивая его против Митрополита Петра. В своем письме 16 мая 1926 года он писал Митрополиту Агафангелу: "...Правда, вы говорили, что Митрополит Петр теперь уже не имеет власти, так как передал эту власть коллегии, что за такую незаконную передачу он подлежит суду и теперь можно его не признавать местоблюстителем" ("Церковные ведомости", 1926 г., №9-10, Карловцы). Затем митрополит Сергей недвусмысленно намекнул Митрополиту Агафангелу, что он не склонен передавать ему свою власть: "Если дело кончится оправданием или освобождением Митрополита Петра я передаю ему власть, а ваше высокопреосвященство имеете тогда вести рассуждение с самим Митрополитом Петром" (там же). "Тогда, — продолжает митрополит Сергей, — вы будете вторым после Митрополита Кирилла кандидатом в местоблюстители патриаршего престола" (там же). И тут митрополит Сергей подчеркивает, что Митрополит Агафангел не является каноническим главою Патриаршей Церкви. В ответ на это письмо Митрополит Агафангел 21 мая телеграммой сообщил о своем отказе передать ему должность патриаршего местоблюстителя (там же). 23 мая митрополит Сергей уже в высоких тонах пишет Митрополиту Агафангелу о его неканоничности и требует у него отменить свое решение о вступлении в управление Церковью (там же) [85].

Митрополит Сергей не знал еще, что Митрополит Петр вновь лишил его своего благословения и стал на сторону Митрополита Агафангела ("Вестник Св. Синода", 1928 г., №5-8). Больше того, Митрополит Петр слагал с себя местоблюстительские права в пользу Митрополита Агафангела. Он вспоминал, что в своем письме Митрополиту Агафангелу от 22 мая 1926 года, просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в ней, принять на себя обязанности патриаршего местоблюстителя: "Вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей, — писал он, — я предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященного Митрополита Кирилла, которому в марте-апреле истек срок ссылки. Но Митрополит Кирилл не возвратился и тогда в письме от 9-го июня на имя Митрополита Агафангела, я подтвердил передачу ему местоблюстительских прав, причем передача эта была обусловлена. В случае отказа Митрополита Агафангела, — писал я, — от восприятия власти или невозможности ее осуществления, права и обязанности местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а замещение — митрополиту Сергию. Тем же письмом была упразднена и образованная 1 февраля коллегия, полностью аннулирована первофевральская резолюция" ("Церковные ведомости", 1927 г., №5-6, Карловцы)

Вопрос сам собою решился, когда 72-летний Митрополит Агафангел заболел и заявил как Митрополиту Петру,

так и митрополиту Сергию, что отказывается от местоблюстительства [86].

Однако, борьба митрополита Сергия за власть еще далеко не закончилась. В это время преимущество фактически сохранялось за ВВЦС архиепископа Григория.

В декабре 1926 года митрополит Сергей был арестован и находился в заключении до 30 марта 1927 года. Незадолго до того он и митрополит Иосиф назначили своими заместителями архиепископов Фаддея Астраханского, Корнилия Свердловского и Серафима Угличского. Должность принял последний. По освобождении митрополита Сергия он вернул ему власть, но весьма сожалел об этом после издания им его декларации о новом курсе церковной политики [87].

Однако, еще ранее издания этой декларации в Русской Церкви, не считая обновленцев, образовалось три группы или направления:

1. Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием.
2. Митрополит Сергей со своим Синодом.
3. Старейшие митрополиты, кандидаты в местоблюстители и согласные с ними епископы, которые не доверяли ни митрополиту Сергию, ни архиепископу Григорию. От первого их отталкивала его декларация, а второго они считали скрытым обновленцем. Шишкин называет их "иерархами-автокефалистами" [88]. Это очевидно надо понимать в том смысле, что они считали отсутствующей законную центральную власть и управлялись по принципам постановления 7/20 ноября 1920 года и послания Митрополита Агафангела 5/18 июня 1924 года, когда он заменял находившегося в заключении Патриарха Тихона.

В условиях гонения доверие к духовному вождю приобретает особое значение. Старейшие иерархи не имели доверия к архиепископу Григорию. Мы не знаем всех оснований для этого, но одним из них служило некоторое содействие ему советской власти. Один из организаторов ВВЦС епископ Можайский Борис (Рукин) писал про Совет: "Он получил права собраний, изданий, учебных заведений" [89].

С другой стороны митрополита Сергия с двух сторон обвиняли в принципиальной неустойчивости. Странники ВВЦС напоминали, что в 1922 году, когда в Москве образовалось "Живоцерковное управление", митрополит Сергей был одним из первых признавших законным это управление 16 июня 1922 года. Их заявление было напечатано в журнале "Живая Церковь", 1-5 июня 1922 года, №4-5. "Признав Живую Церковь митрополит Сергей принимал участие в заседаниях ВЦУ, признавал законными женатых епископов и второбрачных священников и благословил это беззаконие. Мало того, митрополит Сергей сочувствовал живоцерковному собору 1923 года, не возражал против его постановлений и, таким образом, признал Всероссийского Архипастыря нашего и отца, Святейшего Патриарха Тихона "отступником от подлинных заветов Христа, предателем Церкви", лишил его патриаршего сана и монашеского звания".

"Правда, значит там же, митрополит Сергей, впоследствии, покаялся в этих своих ужасных преступлениях и прощен Церковью, но это не значить, что он должен стоять во главе церковного управления" [90].

Первоначально все три группы были довольно многочисленны. ВВЦС даже мог созвать съезд в Донском монастыре 15-18 ноября 1927 года, который приветствовал и представитель Вселенского Патриарха в Москве архимандрит Василий Димопулос. Однако, после декларации митрополита Сергия в 1927 г. ГПУ стало оказывать предпочтение ему, а не ВВЦС.

Между тем сам митрополит Сергей, начавший свое правление довольно скромно, теперь стал все более и более проявлять претензии, нарушая уже не только религиозно-нравственный принцип, но и канонические начала.

Вопрос этот подробно разбирался в определении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 30 март./12 апр. 1937 года после получения сведений о кончине Митрополита Петра. В основу этого определения легли два канонических исследования этого вопроса: моя записка, составленная по поручению Председателя Синода и согласная с нею записка профессора канонического права С. В. Троицкого. Последний, находясь на занятой коммунистами территории, впоследствии написал книгу совсем в ином духе, чем писал ранее ("О неправде Карловацкого раскола", Париж, 1960 г.). Однако, как я неопровержимо показал в своем ответе на эту книгу ("Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом", Джорданвилл, 1961 г.), г-н Троицкий в своей книге только умалчивал о том, что сам писал раньше, но не мог этого опровергнуть. Высказанные им на свободе соображения сохраняют поэтому свою доказательную силу.

Однако, особенно важным материалом для суждения о неканоничности действий митрополита Сергия служит статья, написанная им самим под заглавием "О полномочиях патриаршего местоблюстителя и его заместителя", напечатанная в №1 "Журнала Московской Патриархии" за 1931 год и перепечатанная в №7 за 1933 год парижским журналом "Православие", издававшимся архиепископом Вениамином. Митрополит Сергей был выдающимся знатоком церковной администрации и отличался тонкостью и точностью

языка в определении канонических вопросов. В своей статье он прежде всего отмечает разницу между титулом "местоблюститель патриаршего престола" и титулом "патриарший местоблюститель". Автор разъясняет, что предусмотренные для нормального времени полномочия местоблюстителя патриаршего престола очень ограничены. Он выступает, как временный предстоятель данной Церкви, но не пользуется ни авторитетом Патриарха, потому что избирается на срок до избрания нового Патриарха, ни "всей полнотой патриаршей власти, потому что остается членом Синода и его представителем и может действовать только по полномочию Синода и нераздельно с ним". Эта ограниченность полномочий подчеркивается тем, что "местоблюститель не имеет патриаршего права возношения его имени по всем церквам патриархата, а также права обращения от своего имени с посланиями ко всероссийской пастве". Источник полномочий местоблюстителя — Синод, который "всегда может перенести эти полномочия на другое лицо с тем же титулом".

Напротив, как отмечает митрополит Сергей, Митрополит Петр получил полномочия местоблюстителя "не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха". "Знаменательно, — пишет митрополит Сергей, — что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на соборе задуманного аппарата остался один Патриарх... Существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом митрополитов, полномочий от собора не имел, был собран по личному приглашению почившего и с его смертью терял полномочия". Таким образом, рядом с Патриархом не было полномочного учреждения, чтобы со смертью его принять управление и избрать местоблюстителя. Патриарх восполнил это своим завещанием.

"Завещание, — продолжает митрополит Сергей, — не усваивает будущему носителю патриаршей власти титула местоблюстителя, что давало бы повод приравнивать его к обыкновенному местоблюстителю". По смыслу завещания он должен был бы именоваться "исправляющий должность Патриарха". Титул местоблюстителя Митрополит Петр присвоил себе по собственному усмотрению.

Митрополит Сергей отмечает, и надо на это обратить особое внимание, что "почивший Патриарх, передавая в силу сложившихся обстоятельств единолично патриаршую власть, ни одним словом не коснулся кафедры Московского Патриарха. Она до сих пор стоит не занятая".

Добавим со своей стороны, что по положению митрополит Крутицкий помогает Патриарху в управлении Московской епархией, а фактически ею управляет... В случае смерти Патриарха он является естественным временным возглавителем этой епархии, кого бы Синод не избрал местоблюстителем. В случае же смерти или ареста митрополита Крутицкого, управление Московской епархией должно было переходить в руки викариев этой епархии в порядке старшинства, но отнюдь не к местоблюстителю, если он является епископом другой епархии.

Что касается объема власти заместителя местоблюстителя, то митрополит Сергей считает, что "Заместитель облечен патриаршею властью в том же объеме, как и заменяемый им местоблюститель. Различие между местоблюстителем и его заместителем не в объеме патриаршей власти, а в том, что заместитель является как бы спутником местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока местоблюститель остается в своей должности. Ушел местоблюститель от должности (за смертью, отказом и т.п.), в тот же момент прекращаются полномочия заместителя. Само собою понятно, что с возвращением местоблюстителя к управлению, заместитель перестает управлять".

Отметим две весьма существенные мысли в суждениях митрополита Сергея:

1. Митрополит Сергей признавал, что без Патриарха Московская кафедра остается незанятой. Избрание на эту кафедру нового Патриарха принадлежит компетенции Поместного собора.
2. Заместитель местоблюстителя сохраняет свои полномочия только до тех пор, пока местоблюститель остается в своей должности.

На практике митрополит Сергей нарушил и тот, и другой принцип. Вопрос этот, как я уже сказал, был предметом всестороннего обсуждения в Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей после получения известия о том, что митрополит Сергей стал именоваться патриаршим местоблюстителем. Для этого титула, по собственному суждению митрополита Сергея, ему требовалось бы нарочитое полномочие от Митрополита Петра. Если же такого полномочия не было, он должен был отойти от должности. Он же, напротив, вместо этого присоединил звание местоблюстителя к произвольно присвоенному ему титулу митрополита Московского и Коломенского, а указом от 27 декабря 1937 года, без всякого упоминания о смерти Митрополита Петра и вообще о порядке присвоения себе титула местоблюстителя, дает распоряжение о поминовении себя по новой форме.

Определение Архиерейского Синода от 30 марта/12 апр. 1937 года отметило недоумение, которое вызывалось этими обстоятельствами. Оно напомнило, что Митрополит Петр, указав четырех своих заместителей в акте от 6 декабря 1926 года, сделал оговорку: "Возношение за богослужением моего имени, как патриаршего

местоблюстителя, остается обязательным". В письме от 9/22 апреля 1926 года он, по словам митрополита Сергия, "совершенно определенно заявил, что он считает для себя обязательным оставаться местоблюстителем, хотя бы и не был на свободе" (письмо Митрополиту Агафангелу от 17/30 апреля 1926 г.).

Вступив в управление после ареста Митрополита Петра, митр. Сергий сначала подписывал акты "за патриаршего местоблюстителя", а затем по собственному усмотрению стал именоваться его заместителем. При этом он, однако, считал себя заместителем лично Митрополита Петра. Как видно из приведенных мною выше слов самого митрополита Сергия, он признавал, что с уходом местоблюстителя от должности (за смертью, отказом и т.п.) "прекращаются полномочия заместителя".

"Из вышесказанного явствует, говорится в том же определении Архиерейского Синода, что в случае смерти Митрополита Петра, митрополит Сергий не может претендовать на возглавление Российской Церкви, ибо полномочия его, как он сам признает, прекращаются с кончиной лица, от которого исходили".

Синодальное определение напоминало, что в 1926 г. сам митр. Сергий писал Митрополиту Агафангелу: "Впрочем, завещание Святейшего, хотя оно уже и использовано для своей цели (местоблюстителя мы имеем) и теперь не утратило своей нравственной, а пожалуй и канонической обязательной силы. И если почему-либо Митрополит Петр оставит должность местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завещании, то есть к Митрополиту Кириллу, а потом и к вашему Высокопреосвященству. Это свое мнение я выражал уже письменно и раньше. Могу сказать, что таково же указание и Митрополита Петра".

Казалось бы естественным, что митрополит Сергий перед лицом таких своих заявлений должен был бы, принимая новый титул, дать свое объяснение — каким законом это оправдывается: например, он должен был бы определенно оповестить паству о кончине Митрополитов Петра, Кирилла, Агафангела и Арсения, или привести их акты (если бы таковые были) об отказе их от своего долга возглавления Русской Церкви. Принятие же им звания местоблюстителя и титула "Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского" без всяких объяснений указывает на узурпацию им не принадлежащих ему прав. Особенно останавливает на себе внимание принятие им титула "Блаженнейшего Митрополита Московского" 14/27 апреля 1934 года — в то время, когда он еще титуловался заместителем местоблюстителя. Будучи заместителем, митрополит Сергий этим своим актом явно ставил себя выше того, кого он замещал. Кроме того, этот титул частично устранил и временный характер полномочий заместителя.

Это утверждение согласно и с заключением его будущего апологета С. В. Троицкого. В своей докладной записке, поданной Высокопреосвященнейшему Митрополиту Анастасию 11 апреля 1937 года, С. В. Троицкий очень убедительно писал: "Что права заместителя прекращаются со смертью замещаемого, это юридическая аксиома, которую признал и сам митрополит Сергий. Поэтому со смертью Митрополита Петра полномочия митрополита Сергия прекратились и в должность местоблюстителя автоматически eo ipso вступает Митрополит Кирилл, которого и следует почитать за богослужениями. Против этого могло бы быть лишь одно возражение: Митрополит Кирилл по всем данным не получить возможности выполнять свои обязанности местоблюстителя, а митрополит Сергий не откажется от функций временного возглавителя Русской Церкви и потому, казалось бы, в целях сохранения административного единства Русской Церкви, следует признавать и почитать не Митрополита Кирилла, а митрополита Сергия. Однако, такое возражение было бы ошибочным. Не обладание правом зависит от пользования им, а наоборот — пользование правом зависит от обладания им, и потому Митрополит Кирилл является законным местоблюстителем, является первым епископом (русским) народа (Ап. 34), хотя бы он и лишен был возможности пользоваться этим своим правом. Нельзя во имя административного единства жертвовать законностью и митрополит Сергий, объявляя себя местоблюстителем после смерти Митрополита Петра, повторил бы ту же ошибку, какую он сделал раньше, признав власть Синода Живой Церкви, и, в сущности, взял бы на себя роль этого Синода. Русская Церковь уже раз переживала подобное положение после высылки местоблюстителя Митрополита Агафангела и тем не менее Митрополит Агафангел не соблазнился возможностью сохранения административного единства ценой признания Живой Церкви, а дозволил всем епархиям временно управляться самостоятельно, то есть восстановить то устройство, которое существовало в Церкви во время гонений первых веков Христианства. Это его распоряжение должно будет воспринять всю свою силу и в том случае, если Митрополит Кирилл лишен будет возможности фактически управлять Русской Церковью. Однако, и тогда поминовение его в качестве местоблюстителя остается обязательным".

Архиерейский Синод отчасти дополнил аргументацию своих двух советников. В своем определении, взвешивая все стороны дела, он обсудил возможный со стороны митрополита Сергия довод против признания прав Митрополита Кирилла на местоблюстительство. Синод обсудил вопрос о том, может ли поражать канонические права Митрополита Кирилла наложенное на него митрополитом Сергием запрещение за несогласие с его мероприятиями.

Архиерейский Синод нашел, что мероприятия митрополита Сергия подвергались критике со стороны

Митрополита Кирилла и многих других авторитетных иерархов не по каким-либо иным побуждениям, а исключительно по ревности о правде церковной.

"Выступления их, — говорится в синодальном определении, — не могли принести им никакой выгоды, а напротив были актами исповедничества, повлекшими для них лишь новые притеснения и ссылки. А потому и наложенные на них прещения митрополита Сергия, не могут быть признаны церковным сознанием справедливыми, хотя бы они и были формально оправданы многочисленными не относящимися к делу ссылками на церковные правила. Кроме того, митрополит Сергий не имел права налагать кару на Митрополита Кирилла за несогласие его с созданным порядком церковного управления потому, что сам является стороной в этом деле, по поводу которого поддерживал полемическую переписку с Митрополитом Кириллом. Естественно возникает подозрение, что он хотел просто опорочить последнего, чтобы лишить его законного права на возглавление Русской Церкви. Таким образом, Митрополит Кирилл ни в каком случае не заслуживает отвода от звания местоблюстителя по причине прещений, наложенных на него митрополитом Сергием в том случае, если бы подтвердилось сообщение о завещании Митрополита Петра, коим он, якобы, называется в числе кандидатов в местоблюстители. Митрополит Сергий не мог бы быть признан местоблюстителем уже по одному тому, что он злоупотреблял данною ему властью, присвоив себе титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского. Этот акт не только означает захват им патриаршей епархии, которую, как заместитель местоблюстителя, он должен был временно блюсти до избрания ей законного иерарха в лице Патриарха Всероссийского, но и колеблет весь строй патриаршего управления, установленный в Русской Церкви Всероссийским собором 1917-1918 гг."

Другими словами, Зарубежный Архиерейский Синод усмотрел в действиях митрополита Сергия ясные признаки узурпации непринадлежащего ему права на возглавление Российской Церкви. Наличие этой узурпации подтверждается тем обстоятельством, что митрополит Сергий объявил о прекращении местоблюстительства Митрополита Петра его смертью уже после того, как присвоил себе его права. Как показано было выше, он поэтому обличается своими собственными рассуждениями о правах местоблюстителя и его заместителя.

Эти данные нельзя не сопоставить с материалом о судьбе Митрополита Петра, приведенным прот. М. Польским во втором томе его сочинения под заглавием "Новые мученики Российские" (Джорданвилл, 1957 г.). На страницах 287-288 он отмечает, что срок ссылки Митрополита Петра должен был окончиться в 1935 году. В Нью-йоркской газете "Новое русское слово" от 3 ноября 1935 года было напечатано, что об освобождении Митрополита Петра из ссылки было получено сообщение от Русской Патриаршей Экзархии (в Америке) следующего содержания: "У нас имеются сведения об освобождении Митрополита Петра, но пока только от знакомых американцев, на днях вернувшихся из Москвы и видевших, и беседовавших с владыками митрополитами Сергием и Петром".

Затем из кругов московского духовенства пришло сообщение следующего содержания: "У нас имеются сведения об освобождении Митрополита Петра. Митрополит Петр Крутицкий шесть недель тому назад возвращен из ссылки и в данное время проживает в г. Коломне. Здоровье патриаршего местоблюстителя находится в весьма неудовлетворительном состоянии, в особенности ноги, которые от простуды гноятся". Подобное же сообщение с дополнительной подробностью, было напечатано 3 апреля 1937 года в Парижской газете "Возрождение": "В 1935 году окончился срок ссылки. По дошедшим из России сведениям, Митрополит Петр вернулся в Россию и виделся с митрополитом Сергием. Последний хотел получить от него признание нового устройства церковной жизни и согласие на созыв Собора. Были и другие сообщения о том, что большевики, якобы, предложили ему занять патриарший престол, но при соблюдении ряда определенных требований. Митрополит Петр был непреклонен и ни на какие соглашения не шел. Вскоре он вновь был отправлен в ссылку".

То же сообщение было вновь подтверждено в парижской газете "Русская мысль" от 16 ноября 1951 года. К вышеприведенному сообщению там добавляется, что Митрополит Петр потребовал у митрополита Сергия передачи ему местоблюстительства, но получив отказ вскоре был отправлен в ссылку, где и умер в начале 1937 года.

Эти сообщения могут послужить некоторым объяснением умолчания митрополита Сергия о причинах принятия им нового титула.

Митрополит Петр, показавший свою несговорчивость с безбожной властью, вторично был ею устранен с пути более послушного ей митрополита Сергия. Но сохранение последним власти в своих руках, вследствие изложенных им самим своих соображений о правах заместителя местоблюстителя, делало невозможным ни сообщение о расхождении во взглядах между ним и Митрополитом Петром, ни оповещение о кончине Митрополита Петра, ни о кончине Митрополита Арсения в том же 1936 году. Поскольку Митрополит Сергий признавал,

что смерть местоблюстителя прекращала его полномочия, постольку она не только не расчищала ему пути к власти, но и лишала его всякого канонического фундамента. Поэтому СОВЕТЫ некоторое время скрывали смерть Митрополита Петра. Архиерейский Синод принимал все меры вплоть до обращения к иностранным дипломатическим представителям и к архиепископу Кентерберийскому для выяснения вопроса о том, действительно ли умер Митрополит Петр.

Управление архиепископа Кентерберийского уведомило Митрополита Анастасия о полученном сообщении от Британского поверенного в делах в Москве, что в январе 1937 года, была совершена официальная панихида по Митрополите Петре в соборе у Дорогомиловской заставы. В советской же прессе никаких сообщений о смерти его не появлялось до 30 июня 1937 года.

Около того же времени известие о кончине Митрополита Петра появилось и во многих газетах. В официальном органе Московской Патриархии в Литве в "Голосе Литовской Православной епархии", №3-4 за 1937 г. (за апрель), впервые сообщилось о кончине Митрополита Петра. В лондонском "Таймс" от 29 марта 1937 года было напечатано, что митрополит Елевферий, смущенный распоряжением митрополита Сергия о поименовании его как местоблюстителя, запросил Москву и получил в ответ краткую телеграмму: "Митрополит Петр умер". Однако, в напечатанных в органе митрополита Елевферия актах опять появляется загадка: 27 декабря 1936 г. издается указ о форме поименования митрополита Сергия как патриаршего местоблюстителя, и только 22 марта 1937 г. за №269 издается указ, в котором сообщается о принятии к сведению завещания Митрополита Петра от 5 декабря 1926 года в котором преемниками его указываются Митрополит Кирилл, Митрополит Агафангел, Митрополит Арсений и, наконец, митрополит Сергей. Казалось бы, что опубликованию формы поименования митрополита Сергия должно было предшествовать объявление завещания, а не наоборот.

По дополнительным сведениям кончина Митрополита Петра имела место 29 августа 1936 года, т.е. больше, чем за пол года до ее официального опубликования и за пять месяцев до первой панихиды на Дорогомиловской заставе.

Имея в виду общее положение в СССР, можно себе представить, что кончина Митрополита Петра была не сразу точно установлена в церковном центре митрополита Сергия. Этим можно объяснить то, что оповещение о ней запоздало. Но все же панихиды по Митрополите Петре должны бы быть совершены не в конце января, а в декабрь предыдущего года, если принятие митрополитом Сергием титула местоблюстителя состоялось в связи с кончиной его предшественника. К тому же времени, а не к позднему сроку должно бы относиться и объявление завещания Митрополита Петра. В виду же того, что все было сделано в обратном хронологическом порядке, нельзя не усмотреть в этом деле узурпации власти, проведенной митрополитом Сергием в согласии с безбожной властью.

Митрополит Петр не пошел на компромисс с советской властью, а имя митрополита Сергия в своем завещании внес на четвертое место, когда последний еще не стал на путь соглашения своего с апостасией.

Самое завещание Митрополита Петра было написано им за десять лет до своей кончины, то есть тогда, когда он, конечно, не мог предвидеть, что митрополит Сергей отступит от тех принципов, ради которых сам он подвергся заключению. Но даже если бы не было этого обстоятельства, самый факт присвоения себе заместительства местоблюстителя патриаршей епархии с титулом Блаженнейшего и правом ношения двух пананий, является вопиющим беззаконием.

Этот незаконный акт был только в интересах советской власти, которая понимала, что долголетнее возглавление Русской Церкви заместителем местоблюстителя и вдовство патриаршей епархии, могли очень ярко свидетельствовать о гонении на Церковь. Чтобы создать противоположное впечатление за границей, будто положение Церкви в России стало более или менее нормальным, митрополиту Сергию понадобилось выступать от имени Церкви не в качестве заместителя местоблюстителя, а в качестве полноправного возглавителя ее — Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского. Кроме того, этот титул давал большую прочность положению самого митрополита Сергия.

Вспомним его слова о том, что полномочия заместителя существуют только до тех пор, пока жив избравший его местоблюститель. Эти слова митрополит Сергей мог бы легко вспомнить при наступлении кончины местоблюстителя Митрополита Петра. Но вместо сложения своих полномочий митрополит Сергей, украшенный двумя пананиями и пышным титулом "Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского", восхитил явное преимущество перед всеми другими иерархами и облекся в видимость естественного преемника усопшего Первоиерарха. В течение ряда лет новый титул совершенно заслонял его прежнее скромное звание заместителя местоблюстителя. Можно думать, что такое его мероприятие имело целью поднятие его авторитета за границей перед подписанием им через два месяца после того указа о запрещении зарубежных иерархов за неисполнение ими его требования о даче письменных обязательств в лояльном отношении к советской власти. Впрочем, это несколько не помогло ему, ибо ни одна Восточная Церковь не посчиталась с этим незаконным запрещением.

Все это было совершено митрополитом Сергием тогда, когда все его обличители уже были в заключении, поэтому протест против антиканонической узурпации митрополитом Сергием титула "Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского", мог быть заявлен только со стороны свободной Зарубежной Церкви, что и сделал Митрополит Антоний незамедлительно. В письме своем на имя митрополита Елевферия от 7/20 августа 1934 г. за №4036, отвечая на указ митрополита Сергия от 22 июля того же года за №944, Митрополит Антоний заявил, что объявление последним себя Митрополитом Московским при жизни Крутицкого Митрополита Петра, является незаконной узурпацией власти со стороны митрополита Сергия.

Следует заметить, что каноническое значение этого протеста главы Русской Православной Церкви Заграницей особенно велико еще и потому, что он исходил от старейшего после Патриарха Тихона иерарха Русской Церкви. Митрополит Киевский Антоний не только был старейшим иерархом Русской Церкви, но и постоянным членом Всероссийского Синода по положению. Его пребывание за границей вследствие гонений безбожников на Церковь, не могло лишить его права голоса согласно 37 правилу 6-го Вселенского собора.

С протестом солидарен был и другой член Всероссийского Синода архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий, который повторил этот протест в цитированном выше определении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей от 30 марта/12 апр. 1937 года. Этими актами подчеркивается каноническая недействительность захвата Московской епархии и присвоение титула "Блаженнейшего Митрополита Московского" Нижегородским митрополитом Сергием.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ И НЕСОГЛАСНЫХ С НИМ ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Мы обрисовали ход событий, приведших к укреплению власти в руках митрополита Сергия, не останавливаясь подробно на том, что именно вызвало несогласие с ним всех старейших иерархов, а затем и значительной части паствы.

Дело в том, что первоначально митрополит Сергей придерживался того пути, который указан был митрополитом Петром и которого придерживались все его заместители во время его заключения, кончая в 1926 году архиепископом Серафимом Угличским. Впоследствии, митрополит Петр очень сетовал на то, что вернул власть в руки митрополиту Сергию после своего освобождения из последнего заключения. В этот после митрополита Сергия дважды сажали в тюрьму, очевидно, имея в виду его "перевоспитание".

Поначалу митрополит Сергей действовал независимо и даже попробовал провести выборы Патриарха путем письменного опроса всех архиереев. Путь, конечно, никакими правилами не предусмотренный, но казался, единственный возможный при данных условиях гонения.

Большинство архиереев высказывалось за избрание митрополита Кирилла (72 голоса). Однако, акция эта не могла укрыться от наблюдательного ока ГПУ. Митрополит Сергей посидел за нее в тюрьме и был выпущен, по-видимому, только отказавшись от дальнейших подобных попыток. Тогда он приступил к укреплению своего личного положения, всеми мерами отводя в сторону каждого другого возможного кандидата. Один за другим все старейшие архиереи оказывались в заключении или ссылках.

Митрополит Сергей особенно опасался митрополита Казанского Кирилла, самого авторитетного и известного своей непоколебимой твердостью иерарха. Это был выдающийся архипастырь: Патриарх Тихон особенно считался с его мнением.

Тут уместно дать краткий очерк его биографии. Митрополит Кирилл, в миру Константин Смирнов, родился в 1862 году. По окончании семинарии и Духовной Академии, женившись, он был назначен священником в Петербургскую Воскресенскую церковь Общества Трезвости. С самого начала он зарекомендовал себя, как очень усердный пастырь. Скоро овдовев, он принял монашество с именем Кирилла и в 1907 году был рукоположен во епископа Нарвского, викария митрополита Петербургского. В эти годы он очень сблизился со св. Иоанном Кронштадтским. В 1910 году владыка Кирилл был назначен епископом Тамбовским и Борисоглебским. В качестве епархиального архиерея он проявил особенно энергичную деятельность. Во время собора 1917 года он был назначен митрополитом Тифлиским, но не смог проехать на Кавказ и тогда был переведен на Казанскую кафедру. С митрополитом Сергием он скоро разошелся во взглядах, но старался возможно дольше не доводить дела до раскола.

Расхождение это определилось, когда митрополит Кирилл увидел, что митрополит Сергей отступает от принципа независимости Церкви от гражданской власти. Верующие увидели это из его злополучной декларации 16/29 июля 1927 года и в том, что без полномочий на то со стороны митрополита Петра, он составил Синод из мало авторитетных епископов.

В этой декларации он заявлял: "Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Российской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет

не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление. Мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д."

Заметим, однако, что на самом деле никакого благоприятного изменения в гражданских законах не было. Особенно смущали многих следующие слова декларации: "Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи"...

Соблазнило и оттолкнуло многих требование декларации "от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности советскому правительству во всей своей общественной деятельности"...

Никто из старших архиереев, по большей части уже несвободных, не одобрил этого акта, прежде всего видя в нем превышение полномочий, данных митрополиту Сергию, только как заместителю митрополита Петра. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что митрополит Сергей ни разу не упоминает в своей декларации митрополита Петра, а старается ссылаться только на пример или слова Патриарха Тихона.

Регельсон так определяет подготовку к изданию декларации: "Получив в НКВД справку о регистрации и о "неусмотрении препятствий к деятельности", митрополит Сергей начинает страшное и непоправимое дело — целенаправленное изменение состава иерархии Русской Церкви. Единичные опыты распоряжения судьбами епископов, столь необдуманно одобренные многими архиереями, теперь повторились в массовом масштабе. Ссылные епископы увольнялись на покой, возвратившиеся из ссылки и "неблагонадежные" епископы переводились на дальние окраины. Начались хиротонии и назначены бывших обновленцев и лиц, близких к митрополиту Сергию" [91].

Несомненно, что чувство недоверия к митрополиту Сергию, как строящему новое церковное здание на компромиссе с полуобновленческими кругами, послужило основанием для критического отношения к его новому начинанию.

В свое время, когда перед Русской Церковью Заграницей в связи с посланием митрополита Сергия возник вопрос о лояльности к советской власти, у нас печаталось много суждений о его новом направлении. Много печаталось и из полученной из России критики его в последующие годы, а также по поводу разбиравшего тот же самый вопрос обращения Соловецких узников, предваривших декларацию, но в совершенно другом духе, то есть согласном с принципом Патриарха Тихона: отстранить все политическое, не бороться с советской властью, как таковой, но ограждать принципиальную полную независимость Церкви от гражданской власти, хотя бы и лишаясь вследствие этого юридического обеспечения своего положения. Не согласились они затем и с его декларацией, когда познакомились с нею.

Теперь посыпались к митрополиту Сергию заявления о неприятии его декларации, на что он часто отвечал прещенными. Регельсон поместил в своей книге очень важный материал, который в то время за границей не был доступен. К этому относится записка архиепископа Илариона о том, на каких началах должна вестись работа органов, заменяющих местоблюстителя. Ряд других протестов против декларации со стороны митрополитов Агафангела и Иосифа, епископа Вятского Виктора и других были очень основательны. Особое значение имеет несогласие с образом действий митрополита Сергия самого авторитетного епископа Русской Церкви того времени митрополита Кирилла. Находясь в заключении он, конечно, не сразу мог и ознакомиться с обращением митрополита Сергия и высказать свое мнение. Только 2/15 мая 1929 года он написал письмо, в котором выражает свои взгляды по поводу выступлений митрополита Сергия. Имея в виду авторитетное значение суждения старшего в то время архиерея и то, что оно в свое время не было известно в Зарубежной Церкви, я приведу большие выдержки из этого важного документа. Я не помню, чтобы он был где-либо опубликован ранее книги Регельсона. Митрополит Кирилл усматривает нарушение соборных определений о Высшем Церковном Управлении в том, что заместитель местоблюстителя назначил членов Синода, назвав свой Синод Временным Патриаршим. Если митрополит Агафангел, не соглашаясь с делами митрополита Сергия оставлял за собою свободу исполнения или неисполнения распоряжений заместителя, то митрополит Кирилл шел дальше в отрицаний полномочий нового Синода: до тех пор, пока "митрополит Сергей не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению". Такое отношение к митрополиту Сергию и его Синоду, — продолжает митрополит Кирилл, — я не понимаю как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой части Церкви православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомысленных митрополиту Сергию архиереев в нарушение братской любви, уже применяется по отношению к несогласным и обличающим их неправоту кличка отщепенцев, раскольников. Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступать и прилепляться к тому, что признаю греховным по самому своему происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему

единомысленными архипастырями... Этим воздержанием с моей стороны ничуть не утверждается и не заподозривается, якобы, безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и Таинств (да сохранит всех нас Господь от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать в чужих грехах. Посему литургисать с митрополитом Сергием и единомысленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду, если не окажется в наличии священника, разделяющего мое отношение к митрополиту Сергию и т.н. Временному Патриаршему Синоду. Подобным образом, находясь в местности, где все храмы подчиняются так наз. Временному Патриаршему Синоду, я не пойду в них молиться за общим богослужением, но совершить в одном из них литургию в одиночку, или с участием единомысленных мне клириков и верующих, если бы таковые оказались в наличии, признаю возможным без предварительного освящения храма. Так же по моему мнению может поступать и каждый священнослужитель, разделяющий мое отношение к митрополиту Сергию и учрежденному им Синоду.

Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковноприходской жизни приходов, возносящих имя митрополита Сергия за храмовым богослужением, в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, по совести, не следует, но само по себе такое возношение имени Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и принятия Св. Даров в храмах, подчиняющихся митрополиту Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к местоблюстителю Патриаршего престола" [92].

Митрополит Кирилл не был единственным архиереем, прекратившим общение с митрополитом Сергием. Создалась целая литература, обличающая новый путь митрополита Сергия. От него отделились все старшие епископы и составили то, что теперь называют катакомбной Церковью. Не все заняли в отношении его такую снисходительную позицию как митрополит Кирилл. Многие не только прервали с ним молитвенное общение, но и пошли дальше, обвиняя его создателем раскола и совершенно прерывая с ним всякое молитвенное общение. С течением времени, имея некоторую передышку в скитаниях, митрополит Кирилл в 1929 году мог высказаться письменно. Первоначально полемика шла преимущественно в области понимания прав заместителя местоблюстителя, но затем она перешла к обвинению митрополита Сергия в прямой измене Церкви. В феврале 1934 года осторожнейший митрополит Кирилл в заявлениях и действиях митрополита Сергия увидел даже ересь, но по тактическим соображениям на этом подробно не останавливался. Говоря о "разногласии" доходивших до него упреков среди противников митрополита Сергия, на которую ссылался последний, митрополит Кирилл, между прочим, останавливался и на обвинения его в еретичности. Помышляя об объединении несогласных с Сергием епископов, митрополит Кирилл писал: "Между тем среди них не мало таких, которые видят погрешительность многих мероприятий митрополита Сергия, но, понимая одинаково с ним источник и размер присвоенной им власти, снисходительно терпят эту погрешительность как некоторое лишь увлечение властью, а не преступное ее присвоение. Предъявляя к ним укоризну в непротивления и, следовательно, принадлежности к ереси, мы рискуем лишить их психологической возможности воссоединения с нами и навсегда потерять их для Православия. Ведь сознаться в принадлежности к ереси много труднее, чем признать неправильность своих восприятий от внешнего устройства церковной жизни. Нужно чтобы для этого прекраснодушие властные утверждения митрополита Сергия уяснили как личные домыслы, а не как право, покоящееся на завещании Святейшего Патриарха" [93].

Число отказывающихся от митрополита Сергия все росло и росло. В 1929 году Регельсон отмечает арест 15-ти епископов, выступавших против декларации митрополита Сергия. Это только часть возмущившихся. Некоторой сводкой общей критической аргументации декларации митрополита Сергия, может служить приведенный Регельсоном со ссылкой на диссертацию Снычева, отзыв Соловецких епископов, которую мы здесь и приводим за невозможностью, по недостатку места, более полно привести другие бесчисленные протесты против декларации и действия митрополита Сергия в конце 20-х годов.

а) "Мысль о подчинения Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства".

б) Послание приносить правительству всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения. Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви..."

в) "Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь".

г) Угроза запрещения эмигрантским священнослужителям нарушает постановления собора 1917/1918 гг. от 3/16 авг 1918 г." [94].

Это определение запрещало церковные наказания за политические преступления.

Однако, все эти протесты практически ничего не достигали, ибо авторы их один за другим арестовывались и никем не могли быть заменены. Но скоро таковой же стала и судьба послушных митрополиту Сергию епископов. Политика Москвы была явно направлена к физическому уничтожению епископата и клира. Это не скрывалось почти от народа и всеми верующими ясно сознавалось.

И вот, в то время, когда верующие так тяжело страдали под гнетом окружающих их преследований, митрополит Сергей с четырьмя членами Синода в заявлении корреспонденту ТАСС'а (Телеграфное Агентство Советского Союза) заявил 15-го февраля 1930 года, будто "в Советском Союзе никогда не было и в настоящее время не происходит никаких религиозных преследований", что "церкви закрываются не по приказу властей, а по желанию населения, а во многих случаях даже по прошению верующих", что "священники сами виноваты, что не пользуются предоставленной им свободой проповеди" и что "Церковь сама не хочет иметь духовно-учебных заведений" ("Беднота", 16 фев. 1930 года, цит. по книге С. В.Троицкого в книге "Размеживание или раскол", Париж, 1932 г., стр. 86-87).

Проф. С. В. Троицкий писал

об этом заявлении митр. Сергия: "В свое время я получил письмо из России от своего знакомого, что это заявление митр. Сергей принужден был сделать под давлением большевиков: или заявление, или расстрел всех арестованных священников. Теперь это подтверждается статьей И. Солоневича "Разгром Церкви" ("Голос России", 1936 г., №14, стр. 6-8), свидетельствующего вместе с тем и об ужасном впечатлении, которое произвело это чудовищное заявление на верующих в России (ср. Гол. Р., №15, стр. 5)" [95].

Процесс ликвидации веры и Церкви ускорился. К началу Второй мировой войны митрополиту Сергию уже почти не чем было управлять. На всю Москву оставалось только 17 церквей. В других епархиальных центрах от силы оставались одна-две церкви. Во всем московском Патриархате оставалось примерно 100 открытых храмов. В одном Ленинграде в 1936 г. в церквях области оставалось лишь 17 православных священников и диаконов. "Даже много повидавшая советская пресса не пыталась утверждать в 1937 году, что все 1468 арестованных в Ленинграде и его окрестностях клириков — шпионы и диверсанты. Безо всяких приговоров ("Без статьи", как тогда говорили), эти священники были отправлены умирать в северные и восточные лагеря, а их приходы автоматически закрывались. Тихо, без лишнего шума" [96].

"Но одновременно, пишет тот же автор, с несмолкаемым грохотом и визгом крутились колеса государственной антирелигиозной машины. Подобно современным ЭВМ механизм этот оперировал только с цифрами крупными и сверхкрупными. Союз воинствующих безбожников планировал "безбожную пятилетку" с тем, чтобы в 1930 году состав Союза увеличился с полумиллиона членов до 4-х миллионов, в 1931 году до семи миллионов, в 1932 году до 12-ти миллионов, в 1933 году до 17-ти миллионов человек. Следующая пятилетка должна была превратить в активных безбожников уже двадцать два миллиона советских граждан" [97].

Но безбожники слишком рано готовились торжествовать полное уничтожение веры. Когда во время Второй великой войны мы в эмиграции столкнулись с советскими военнопленными, беженцами и вывезенными немцами из Советского Союза рабочими, мы легко могли убедиться в том, что вера в русском народе была далеко не уничтожена. Отчасти мы встретились с первыми плодами нелегального пастырства на родине. Марк Поповский пишет: "Катакомбная или подпольная Церковь возникла у нас в конце 20-х годов. То один, то другой священник исчезал из своего прихода, поселялся в тайном месте и начинал опасную жизнь изгнанников. В скособоченных домишках на городских окраинах возникали тайные молельни. Там служили литургии, исповедовали, причащали, крестили, венчали и даже рукополагали новых священников. Тайком, передавая друг другу условный стук в дверь, стекались туда верующие из дальних городов и областей. Туда шли за утешением, беседой, за "радостью богослужения". Туда несли детей, вели стариков. Сколько таких очагов тайной веры существовало в стране - никто не знает" [98].

ПЕРЕМЕНА ПОЛИТИКИ СТАЛИНА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ.

ИЗБРАНИЕ СЕРГИЯ ПАТРИАРХОМ.

В июне 1941 года убаюканные сообщениями о дружбе Сталина с Гитлером, русские люди были потрясены известием о нападении Германии на Советский Союз. Посыпались известия об успехах немцев и захвате ими большей части русской территории. Сталин был потрясен. Несколько дней его голоса не было слышно. Напротив, митроп. Сергей поторопился издать патриотическое послание. Впоследствии он не раз повторял такие выступления. В октябре 1941 года, опасаясь немецкого наступления на Москву, советская власть эвакуировала оттуда на восток митрополита Сергия и главарей обновленцев, хотя последние к этому времени потеряли всякое значение.

В войне Германии с СССР столкнулось два тоталитарных государства с безбожными правительствами. Из них советское, подошедшее уже, как это казалось, к победе над религией, а германское, еще не готовое явно объявить свои атеистические цели. Поэтому, занимая части России немцы могли предоставлять свободу в проявлении веры местного населения и, обличая своего врага, защищать от него свободу веры в своей пропаганде. Советской пропаганде, пред лицом сознания своих антирелигиозных успехов, нечего было этому

противопоставить. Между тем, западным правительствам, побуждая свои народы к борьбе с немцами во имя свободы и демократии, надо было преодолевать тот факт, что их главный союзник не только стоит наравне с врагом по своему тоталитаризму, но и явно преследует религию. Как было им побуждать свои народы к самоотверженной войне за общую свободу, когда их главный союзник — религию, безжалостно преследовал? В деликатной форме дипломаты западных союзников начали указывать Сталину на эту проблему.

Вероятно, ему не легко было отказаться от мечты о почти достигнутой окончательной победе над религией. Однако, сила реальности вынуждала к уступкам. Они делались постепенно. Для начала прекратили бурный поток антирелигиозной пропаганды.

Между тем митрополит Сергей опубликовывал призывы к борьбе с нацистами. Поначалу власти, казалось, это не замечали. Когда немцы в октябре 1941 года приблизились к Москве, Сталин решил удалить оттуда возглавителей всех религиозных объединений. Митрополит Сергей, также как Введенский и другие были направлены поближе в Ульяновск, где им предоставили разные храмы. Митрополит Сергей пробыл там около двух лет. К годовщине войны патриарший местоблюститель объявил о сборе трех миллионов рублей и множества теплых вещей в подарок фронту. Всего за первый год пребывания в Ульяновске, митр. Сергей опубликовал десять "патриотических" посланий [99].

В 1942 году для успокоения западных союзников Московская Патриархия издала (конечно, в сотрудничестве с НКВД) в целях пропаганды книгу "Правда о религии в России". В этой книге, не стесняясь прямой лжи, значилось: "С полной объективностью надо заявить, что Конституция, гарантирующая полную свободу отправления религиозного культа, решительно ни в чем не стесняет религиозной жизни верующих и жизни Церкви вообще..." О процессах духовенства и верующих говорится: "Это были политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с чисто церковной жизнью религиозных организаций и чисто церковной работой отдельных священнослужителей. Нет, Церковь не может жаловаться на власть" [100].

О дальнейшем постепенном изменении отношения советских правителей к Церкви хорошо пишет тот же Поповский. Он сообщает о том, что в декабре 1942 года митроп. Сергей объявил о начале сбора пожертвований на танковую колонну имени Дмитрия Донского, о чем митрополит сообщил Сталину в новогодней телеграмме, упоминая о больших пожертвованиях Патриархией, Елоховского кафедрального собора и настоятеля собора о. Николая Колчицкого. В том же номере "Правды" была помещена телеграмма и ответ Сталина:

Ульяновск,

Патриаршему местоблюстителю Сергию,
Митрополиту Московскому.

Прошу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной армии за заботу о бронетанковых силах Красной армии. Указание об открытии специального счета в Госбанке дано"

Сталин

За неполные два месяца духовенство и верующие собрали на танковую колонну шесть миллионов рублей.

4-го сентября 1943 года неожиданно для всех состоялся в Кремле прием митрополита Сергея Сталиным. За два-три дня до того, митрополита, неожиданно для него, привезли в Москву. Одновременно вызвали туда из Ленинграда митрополита Алексия. Они присоединились к находившемуся все время в Москве митрополиту Киевскому Николаю.

Марк Поповский живо описывает их встречу со Сталиным: "Всех троих доставили на прием кремлевские машины. К полуночи иерархов принял Молотов. Сталин был еще занят — слушал донесения с фронтов. Часа в два ночи (любимые рабочие часы "вождя") Сталин, Молотов и митрополиты заняли, наконец, места вокруг богато сервированного стола.

Началась беседа. Все, кому приходилось вести переговоры со Сталиным, когда он находился в хорошем расположении, рассказывают о нем как о человеке редкого обаяния. Очевидно, этой стороной своей обернулся он и к трем иерархам в ночь с 4-го на 5-е сентября. Он сказал им, что советское правительство высоко ценит общественные усилия Церкви в настоящей войне, а также труды каждого из присутствующих по сбору пожертвований на нужды Красной армии. Сталин, радушно разведя ладони, спросил: "Что теперь мы можем сделать для вас? Просите, предлагайте". И не дожидаясь ответа, сам сделал первое предложение: "У вас плохо с кадрами, нужно готовить новые кадры"...

Действительно, число оставшихся на свободе священников по российским масштабам было ничтожно. Оно не превышало нескольких сотен. Митрополиты еще не могли понять, какую широкую реформу предлагает им Сталин и заговорили только о пастырских курсах. Но Сталин перебил их: "Какие там курсы. Академии духовные вам необходимы, семинарии нужны. К этому делу надо приучать с малолетства". Митрополиты обрадовались. Все еще не учитывая размаха реформы, спросили о возможности разрешить при Патриархии

домик, где будущие епископы смогли бы проходить монашеский искуc. Сталин сразу успокоил: "Зачем же домик, мы для этого монастырь подыщем".

Заговорили, так же скромно и осторожно о разрешения издавать календарь. Сталин опять показал широту размаха: "Календарь церковный, конечно, издавать можно, но календарь — пустяк. Патриархии надо наладить широкую издательскую деятельность, обмениваться изданиями с зарубежными Церквами. И прежде всего, прямо в ближайшие дни надо выпустить первый номер Журнала Московской Патриархии. "Вождь" даже укорил митрополитов за узость планов, за отсутствие настоящего размаха: "Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещались, и все другие учреждения, необходимые такой крупной и значительной Патриархии, какой является Московская Патриархия".

Осторожно митрополиты заикнулись о необходимости собрать собор для избрания Патриарха. На это "вождь" успокоил их: "Это ваше внутреннее дело. А когда заговорили о технических затруднениях военного времени, пропусках, билетах, Сталин обратился к Молотову: "Вячеслав Михайлович, распорядитесь о поездах и самолетах для поставки епископов. Когда собор?"

Восторг митрополитов от такого расположения Сталина, однако, был в значительной мере понижен, когда не переставая улыбаться, Сталин сказал о том, что посредником для сношений правительства с Церковью, будет создан совет по делам Русской Православной Церкви, а во главе его будет Георгий Григорьевич Карпов, который был начальником как раз того отдела НКВД, который арестовывал и расстреливал церковников. Сначала митрополиты испуганно молчали. Наконец, митр. Сергей попробовал напомнить Сталину: "Но ведь он, Карпов, из гонителей наших!" "Правильно, — ответил Сталин, — партия приказывала товарищу Карпову быть гонителем, он исполнял волю партии. А теперь мы ему поручим стать вашим охранителем. Я знаю Карпова: он исполнительный товарищ. Ну, стало быть согласны, чтобы Карпов стоял во главе совета?" Удерживая вздох митрополиты закивали головами.

Несмотря на это огорчение, митрополиты возвращались в восторженном состоянии.

Об этих событиях, более подробно и красочно, чем можно было нам привести здесь, невольно все сокращая, поведал в своей талантливой и объективной книге об епископе Луке Марк Поповский на стр. 350-376.

С замечательной быстротой, через четыре дня состоялось уже заседание собора, избравшего митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Срочно, в добавление к трем митрополитам, из тюрем и ссылок собрали для этого еще 16 архиереев.

Автор наиболее полной и документированной трехтомной истории Русской Православной Церкви в последнее время (на немецком языке) Иоганн Хризостом, сравнивает выборы Сергия с избранием Патриарха Тихона. Там свободно назывались кандидаты и один из трех, получивших наибольшее число голосов, был избран по жребию. Здесь же митрополит Алексей сразу заявил, что есть только один кандидат и что поэтому соблюдение всех обычных при избрании Патриарха правил, является излишним. Отец Хризостом делает следующее заключение: "Когда эту картину избрания Патриарха мы сравниваем с подробно разработанной процедурой избрания Патриарха Тихона, мы не можем избежать впечатления, что полная свобода выборов, которая несомненно господствовала на соборе 1917 года, здесь не проявлялась ни в какой мере. Невольно спрашиваешь себя, почему, собственно, руководители Патриархии имели такой страх, что они заранее выставили только этого одного кандидата и подчеркивали это так явно и так бестактно?... Указывая далее на то, что в числе присутствующих 18 епископов не было ни одного представителя оппозиции, автор спрашивает: "Откуда же это беспокойство, откуда эти лихорадочные усилия не допустить вообще никакого нового обсуждения и вместо того тенденция заменить свободное волеизъявление участников выборов "общим восторгом"? И это в то время, когда в Советской России в течение уже многих лет стало обычным выражать "общий восторг" по поводу всякого предложения "свыше". Отец Хризостом справедливо замечает, что руководители Патриархии, получив уже указание Сталина относительно избрания Сергия, были охвачены страхом, что все-таки кто-нибудь мог бы выдвинуть и другую кандидатуру. Ненапрасно приветствовавший нового Патриарха после его слова при интронизации архиепископ Саратовский Григорий, счел нужным высказать нападки на "оппозицию" (том. 3-й, стр. 42-45).

Итак, рассмотрение всех событий, приведших к избранию митрополита Сергия Патриархом, с неизбежностью приводит нас к убеждению что он добился этого положения, устраняя со своего пути тех епископов, которые не были готовы оказывать полное послушание атеистическому правительству. Многие из них еще были живы и томимы в тюрьмах. Он был избран Патриархом наскоро, нарочито подобранным собором небольшой части русских епископов в то время, когда только за рубежом и в занятых немцами областях было гораздо больше русских епископов, лишенных возможности участия в выборах Патриарха. В этих выборах есть все элементы нарушения 30-го правила св. Апостол и 3-го правила 7-го Вселенского собора. Последнее правило содержит грозное осуждение митрополиту Сергию: "аще который епископ мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним".

Знаменитый толкователь канонов епископ Никодим Милаш дает следующее пояснение к 30-му Апостольскому правилу: "Если Церковь осуждала незаконное влияние светской власти при поставлении епископа в то время, когда государи были христианами, тем более, следовательно, она должна была осуждать это, когда последние были язычниками, и тем более тяжкие наказания она должна была налагать на виновных, которые не стыдились обращаться за помощью к языческим государям и подчиненным им властям, чтобы только получить епископство. Настоящее (30-е) правило и имеет в виду подобные случаи".

Почему Церковь так строго относится к получению епископского положения с помощью гражданской власти? Конечно потому, что в этом случае есть основание подозревать у епископа свои, посторонние для Церкви мотивы, и потому, что поставленный таким путем иерарх, обязанный своим поставлением не епископам, а лицам, ищущим "своего", могущим быть даже совсем чуждыми или враждебными Церкви, несомненно, будет вынужден служить "двум господам" (Мате. 6, 24). К такому епископу приложимы слова Спасителя: "Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник" (Иоан. 10, 1).

Если Церковь так строго осудила занятие епископского положения с помощью гражданской власти, которая не была враждебной к Христианской Церкви, и не была ее гонительницей, то что же можно сказать о занятии епископской кафедры с помощью той власти, которая поставила своею целью уничтожение всякой религии?

Можно ли сказать, что Патриарх, поставленный с помощью антихриста, будет иметь каноническое право на свою власть? Думаю, что никто не решится дать положительный ответ на такой вопрос. А между тем советская власть сама заявляет себя атеистической и является властью апостасийной, то есть одного рода с властью антихристовой. Таким образом Сергей, как поставленный ею, был не Патриархом, а лжепатриархом.

Действительное значение избрания митрополита Сергея Патриархом наскором созванным собором, очень точно было определено состоявшимся вскоре после него совещанием русских епископов в Вене 3/16 октября 1943 года: "Избрание митрополита Сергея на престол Патриарха Московского и всея Руси, является актом не только неканоничным и нецерковным, а политическим, вызванным интересами советской партийной коммунистической власти и ее возглавителя диктатора Сталина, переживающих тяжелый кризис во время войны и нуждающихся в помощи ненавистной им и еще недавно явно гонимой ими Православной Церкви.

Советская коммунистическая партия и Сталин во своем отношении к религии и Церкви Христовой по существу, нисколько не изменились. Религия для них является "опиумом для народа" и по миновании надобности в помощи Церкви, они не преминут возобновить открытое гонение на верующих и духовенство в России".

Мы видели, как сбылось это предвидение при Брежневе и, скажу мимоходом, этот опыт внушает нам осторожность при повторении его при "перестройке" Горбачева.

ИЗБРАНИЕ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ.

ЕГО ПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВЬЮ.

2 мая 1944 года Патриарх Сергей скончался. На основании его завещания митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей вступил в должность местоблюстителя патриаршего престола, о чем он уведомил Сталина письмом, в котором обещал ему свою покорность. В нем он также указывает принципы своей будущей деятельности: "Следование канонам с одной стороны, и неизменная верность родине и возглавляемому вами правительству нашему, с другой. Действуя в полном единении с Советом по Делах Русской Православной Церкви и вместе с учрежденным покойным Патриархом Священным Синодом, я буду гарантирован от ошибок и неверных шагов".

Из этого письма видно, что митрополит Алексей был заранее предназначен занять кафедру Московского Патриарха. Казалось бы, что местоблюстителю, который должен только подготовить скорые выборы Патриарха, нет надобности делать от себя лично такие заверения. Они имели смысл только со стороны лица, предуказанного для "избрания" на пост Патриарха, ставящего себе в пример для подражания покорность гражданской власти своего предшественника.

8/21 ноября состоялся собор, который должен был подготовить другой собор для избрания нового Патриарха. В порядке такой подготовки к выборам, участники собора имели встречу с председателем Совета по Делах Русской Православной Церкви Г. Карповым.

Карпов устроил прием для архиереев в помещения своего управления. На приеме он выразил удовлетворение наладившимися с Церковью отношениями. "Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, — говорил он, — не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром, как пытаются это представить некоторые недоброжелатели, или, как это иногда

выражается в обывательских рассуждениях" [101].

Советская власть, затем, щедро обеспечила все необходимое для созыва собора 1945 года с участием гостей в лице представителей Восточных Православных Церквей, который выбрал бы митрополита Алексия Патриархом. Этим осуществлялась пропаганда за границей о якобы свободе Церкви в СССР.

Митрополит Алексий был желательным для советской власти кандидатом в Патриархи. Во все предыдущие годы он показал свою "гибкость" и способность избегать с одной стороны прямой связи с обновленчеством, а с другой — опасного исповедничества. Он успешно маневрировал, чтобы оставаться в стороне при самом развитии обновленчества в Петрограде, поддавшись ему только в вопросе реабилитации Введенского, лишенного сана решением митрополита Вениамина. В качестве заменяющего его иерарха, но ссылаясь и на согласие обновленческого Высшего Церковного Управления, епископ Алексий писал, что имея "по преемству всю полноту власти замещаемого мною владыки митрополита, принимая во внимание все обстоятельства дела, признаю потерявшим силу постановление митрополита Вениамина о незаконных действиях прот. А. Введенского и прочих упомянутых в послании владыки митрополита лиц и в общении с Церковью восстановленным". Он, однако, долгое время пользовался тактикой отсрочек, оттяжек и полупризнаний в письменных переговорах с обновленцами, пока не нашел способа уклониться от управления Петроградской епархией и безопасно прожить около года в ссылке. В длинном списке архиереев, подвергшихся арестам, мы не находим имени епископа Алексия Симанского.

С 31 января по 2 февраля 1945 года состоялся собор для изменения Положения об управлении Российской Церкви и избрания Патриарха. Почетные гости на соборе были: Патриарх Александрийский Христофор, Антиохийский Александр III-й, Грузинский Каллистрат и представители разных Православных Церквей, были свидетелями невероятно быстрого производства: Принята в одном заседании нового Положения об управлении Российской Церковью и в следующем — выборов нового Патриарха.

В соборе участвовали 4 митрополита, 41 архиепископ и епископы и 126 представителей клира и мирян. В каком порядке выбирались эти представители и выбирались ли они или же назначались, мы не знаем.

По открытии собора, после молебна и слова митрополита Алексия, приветствовавшего почетных гостей, слово было предоставлено Карпову, как представителю правительства. Он довольно пространно говорил о патриотических заслугах Православной Церкви во время войны с Германией, о заслугах Патриарха Сергия и митрополита Алексия и, наконец, повторил сказанное им на соборе 1944 года об учреждении Совета по Делах Православной Церкви при правительстве Советского Союза и об его задачах. Он выслушал благодарственный ответ митрополита Алексия и покинул собрание. Последовали приветствия прибывших представителей иностранных Православных Церквей.

Вслед за этим митрополит-местоблюститель сделал доклад о патриотической работе Церкви во время войны и затем был оглашен проект нового Положения об управлении Русской Церковью в 48-ми параграфах, который был одобрен и принят почти без прений. Новое Положение вводилось так, как будто до того другого Положения не существовало.

В первом номере "Церковной жизни" за 1954 г. (официального органа Русской Православной Церкви Заграницей), была помещена статья профессора-диакона А. Колесникова со сжатым, но очень основательным разбором этого Положения.

Проф. Колесников, приступая к внешнему обзору нового Положения, замечает: "Очевидно, что изданием Положения, авторы имели в виду создать впечатление, что Русская Православная Церковь имеет свою "конституцию", свой собственный основной закон, а, следовательно, является самостоятельным свободным органом. Однако, изучение и анализ этой конституции как убедится читатель дальше, определенно говорит о том, что Положение представляет собою ничто иное, как наспех состоявшуюся сделку между советской властью и церковной иерархией".

Отец Колесников приводит ст. 7 нового Положения: "Патриарх для решения назревших важных церковных вопросов, созывает с разрешения правительства собор преосвященных архиереев".

Проф. Колесников по поводу этой статьи делает важное логическое заключение: "Нельзя не остановиться на том обстоятельстве, что в стране, где объявлено отделение Церкви от государства, собор епископов может быть созван только "с разрешения правительства". Замечательно при этом, что будучи включено в Положение, это уже есть не только фактическое, независящее от Церкви явление, но и явление узаконенное в определении в самой церковной власти. Вводя это ограничение в осуществление элементарного предписания священных канонов, церковная власть сама узаконивает ненормальное положение Церкви и свою зависимость даже в таком вопросе от гражданской власти, торжественно и формально признающей себя безбожной, — власти, принадлежащей к партии, которая ставит себе целью упразднение религии. Собор может быть нужен прежде всего в путях защиты Церкви от антирелигиозной власти, но сама Церковь заранее отказывается созывать его

без согласия своего врага"...

Позднее, не менее строгой критике подвергли Положение 1945 г. архиепископ Гермоген и священники Г. Якунин и Н. Эшлиман. Мы вернемся к этому вопросу, говоря о соборе 1961 г., изменившем и Положение 1945 г.

А Казем-Бек так описывает выборы Патриарха: "После ряда резолюций, принятых собором по деловым вопросам, наступило время для важнейшего и торжественного акта — избрание Патриарха Московского и всея Руси. Член секретариата собора управляющий делами Московской Патриархии, протоиерей Николай Колчицкий, объявил: "На соборе епископов Русской Православной Церкви, состоявшемся в ноябре 1944 года, был принят порядок открытого голосования при избрании Патриарха Московского и всея Руси. В этом голосовании принимают участие все епископы Русской Православной Церкви. Каждый преосвященный имя избираемого называет от лица клира и паствы своей епархии, предварительно обсудив на месте со своим клиром и паствой кандидата в Патриарха. Голосование, по принятому порядку, начинается с младшего по хиротонии преосвященного"..

Вслед за этим сообщением, все члены собора в архиерейском сане облачились в мантии и пропели молитву "Днесь благодать Святого Духа нас собра". После сего началось голосование. Протоиерей Колчицкий обращался поочередно ко всем архиереям, начиная с младшего по хиротонии с вопросом: кого они с клиром и паствой избирают Патриархом Московским и всея Руси. Все архиереи отвечали: "Я, клир и паства вверенной мне епархии, избираем Патриархом Московским и всея Руси Высокопреосвященнейшего Алексия, Митрополита Ленинградского и Новгородского".

Вполне понятно, что при существующих в России условиях, не мог быть выдвинут никакой другой кандидат в Патриархи, но по-советски, в выборах намеченного лица, ничего не оставляется на случай нарушения единогласия. Во всяком случае, Карпов мог радоваться, что избран был Патриарх, в послушности которого он мог не сомневаться.

Избрание нового возглавителя Московской Патриархии вновь ставило перед христианским миром вопрос о том, является ли лицо, носящее ныне титул Патриарха Московского и всея Руси действительно главою Русской Православной Церкви или лицом, только претендующим на такое положение, на самом же деле канонически и юридически не имеющим соответствующих прав.

Нам могут сказать, что мы напрасно ставим этот вопрос, поскольку выборы уже двух патриархов произошли в Москве в присутствии многих представителей других Православных Церквей, у них на глазах и, таким образом, сразу получили общее признание. Гражданская власть, со своей стороны, и допустила эти выборы и признала их, как бы придавая им этим юридическую силу.

О юридическом положении Московской Патриархии и ее возглавителе мы будем говорить под конец своего исследования, а пока начнем с выяснения вопроса о том, действительно ли присутствие на патриарших выборах представителей других автокефальных Церквей само по себе настолько авторитетно свидетельствует о законности этого избрания, что этим устраняется необходимость исследовать разные стороны этого акта.

До 1943 года (после кончины Патриарха Тихона) Московская Патриархия со времени возглавления ее митрополитом Сергием (Страгородским) находилась в состоянии фактической изоляции от остального православного мира. Советская власть держала митрополита в таком положении, что сношения его с иностранным миром были доведены до минимума. Переписки с главами других Церквей почти не было и никто из московских епископов не мог прибыть за границу для живого общения с Церквами в свободном мире. Только к концу Второй мировой войны советские правители поняли, насколько Церковь может ими быть использована во внешней политике и тогда положение переменилось. С избранием митрополита Сергия Патриархом в 1943 г. и особенно после избрания его преемника митрополита Алексия (Симанского), сношения Москвы с православным Востоком вошли в новую фазу.

Эти сношения, начавшиеся с присутствия представителей многих Православных Церквей на Московском соборе в 1945 г., должны были означать как бы всеобщее признание нового возглавления Русской Церкви в качестве канонического и никем не оспариваемого. Оно должно было служить некоторым внешним свидетельством якобы свободы и благополучия Церкви в атеистическом коммунистическом государстве. Чем больше это подчеркивалось при избрании Патриарха, тем с большим успехом мог он служить интересам советской политики в дальнейшем. Однако, если таково политическое значение присутствия на соборе многих представителей Церквей, то в каноническом отношении оно значения не имеет. Само по себе оно не является никаким фактором, сообщаящим этим выборам каноническую силу. При бесспорном избрании Патриарха Тихона не было представителей иных Церквей. Если бы новые выборы были проведены законно, то имели бы

силу независимо от количества и состава присутствовавших почетных гостей. Если они совершены незаконно, то это присутствие не может их сделать законными. Так, например, кто бы не присутствовал при совершении хиротонии в нарушение правил о симонии (Апост. 29-е; 4 Всел. 2-е; 6 Всел. 22-е и др.) или при вмешательстве гражданской власти (Апост. 30-е; 7 Всел. 3), то это присутствие или даже участие в таком акте не придает последнему канонической силы.

Представители иных Церквей не имели и не могли иметь никакого голоса на выборах московских патриархов и не могли ни в какой мере их контролировать. Они были только участниками торжества и почетными гостями при выборах лица, представленного им, как нового главу автокефальной Церкви. Главным свойством автокефалии именно и служит полная независимость избрания главы Церкви, совершаемого самостоятельно иерархией этой Церкви и никакой другой иерархией не утверждаемую.

Поэтому присутствие епископов из иных Церквей на соборах, избирающих патриархов на Востоке, вообще не было в обычае. Оно введено теперь в Москве с целью создать внешнее впечатление бесспорности избрания и общего их признания. Однако уже тот факт, что прибегают к такой мере, сам по себе указывает на то, что в выборах Московского Патриарха Алексия, желают смягчить или устранить мерами внешнего блеска.

Нельзя не обратить внимания на то, что блеск этот создается главным образом благодаря советскому правительству, отпускающему средства, обеспечивающему помещение для почетных гостей и их содержание в СССР. Но это правительство, как известно, представляет коммунистическую партию, у которой в основе ее программы лежит борьба всеми средствами за полное искоренение всякой религии и Православной Церкви в частности.

Убедившись на примере Патриарха Сергия, что иностранный престиж Русской Православной Церкви может быть использован в политике Советского Союза, сталинское правительство стало способствовать внешним связям Церкви. В виду этого оно в 1948 году пошло навстречу желанию на широкую ногу отпраздновать 500-летие автокефалии Русской Православной Церкви с участием представителей других автокефальных Церквей. По этому случаю, кроме торжественной службы в соборе было устроено совещание по важным вопросам церковного характера, на которое были приглашены представители автокефальных Церквей. Надо сказать, что представительство было достаточно широкое. Представлены были древние патриархаты:

Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Сербский, Румынский и Болгарский. Эти Церкви были представлены своими главами. Были также представлены Церкви Греческая, Албанская и Польская. Этому способствовало то, что вскоре после своего избрания, Патриарх Алексий побывал с визитами почти у всех Восточных Патриархов. С помощью советских дипломатических представителей, эти визиты были обставлены знаками почета. Делали также щедрые подарки. К этому прибавлялось широкое гостеприимство в отношении прибывших в Москву иностранных церковных представителей. Все это должно было поднять на Востоке престиж Русской Церкви в лице Московской Патриархии. Советские руководители церковными делами в то время видели нужду Русской Церкви в укреплении ее авторитета как блюстительницы Православия, но еще недостаточно понимали общее в мире положение религии, чтобы учесть, насколько ближе для них сравнительно тогда недавно народившийся экуменизм. Очевидно, они мало интересовались занятиями и решениями совещания, поскольку это не отражалось на церковной жизни в СССР.

Лично Патриарх Алексий, невидимому, был чужд церковного либерализма и модернизма, пока ему этого не приказали. Совещание состоялось до получения таких указаний, поэтому, теперь его замалчивают.

Между тем, надо признать, что на этом совещании были выслушаны очень серьезные и компетентные доклады. Я бы сказал, что доклады о Римской Церкви, англиканстве, об униатстве, о календаре (старом и новом стиле), были безусловно ценными. Первый доклад протопресвитера Н. Колчицкого, не лишен был некоторого компромисса.

Вероятно, он еще не вполне освободился от влияния обновленчества, к которому ранее принадлежал. Зато, обращает на себя внимание своею основательностью, богатством знания и православным направлением доклад протоиерея Г. И. Разумовского. Этот доклад настолько основателен и православен по своему содержанию, что мог бы быть полезным в качестве учебного пособия для наших семинаристов. В нем хорошо изложена история развития экуменизма и не хватает только сведений о нынешнем его состоянии (вероятно уже после смерти докладчика) в католическом его применении, еще более явно подготавливающего церковь антихристову.

Деяния совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей, изданные в двух томах (Москва, 1949 г.), содержат большой и интересный материал по многим донине злободневным богословским вопросам. К сожалению, это был кратковременный прорыв православной мысли по недосмотру советского контроля над Русской Православной Церковью.

Если в созыве совещания 1948 г. была попытка в Москве создать междоцерковный центр, то очень скоро советчики увидели, что интерконфессиональная акция уже имеется в форме крепкого центра Мирового Совета

Церквей, который по своему интерконфессиональному и левому политическому направлению, в сущности, ведет к тому же интернационалу, который строят коммунисты. Поэтому, консервативное совещание 1948 г. скоро было предано забвению. Оно постепенно заменялось нужным там экуменизмом.

ПЕРЕХОД К ИНТЕРКОНФЕССИОНАЛИЗМУ И НОВАЯ ПЕРЕМЕНА ПОЛОЖЕНИЯ О ЦЕРКОВНОМ УПРАВЛЕНИИ НА СОБОРЕ 1961 г.

Вскоре после своего избрания Патриарх Алексей совершил поездку на Восток, посетив Патриархов: Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Между тем, митрополит Николай посещал Париж и Балканы, стараясь склонить русских эмигрантов к присоединению к Патриархии и к репатриации. В Париже он имел успех: митрополит Евлогий присоединился к Москве. Согласился на это и представитель Русской Зарубежной Церкви митрополит Серафим под угрозой полицейских преследований, а в Софии архиепископ Серафим под давлением нового коммунистического правительства в Болгарии. В 1947 году они оба участвовали на совещании в Москве по случаю 500-летия автокефалии Русской Церкви.

Справедливости ради надо сказать, что при посещении в Белграде Лесненского монастыря, с которым он был очень хорошо знаком до Первой мировой войны, митрополит Николай посоветовал игумении Екатерине не торопиться с репатриацией, вследствие чего монастырь вместо Советского Союза, с Божией помощью переселился во Францию.

В августе 1946 года был собран Собор униатов во Львове, который вынес постановление об отказе от унии с Римом и присоединений к Русской Церкви в лице Киевской митрополии. Это решение, встреченное, разумеется, с большим неудовольствием Ватиканом, было бы радостным событием, если бы оно было свободным.

Таким образом в 1946 и 1949 годах Церковь вернула себе бывшие обновленческие приходы и присоединила галицийские бывшие униатские церкви, равно как и приходы Мукачевской епархии, ранее находившиеся в ведении Сербской Церкви.

Вскоре после этого Московская Патриархия стала принимать участие во Всеправославных совещаниях на о. Родосе и в Женеве. Вместе с тем начались и экуменические встречи. Первым шагом была встреча с англиканскими богословами в Москве в 1956 году. Бескомпромиссные постановления Московского совещания 1948 года были скоро забыты. Это стало особенно заметным после установления контактов с Национальным Советом Американских Церквей, к тому же и политически очень левым. Как пишет неверующий московский исследователь "это заставило представителей Московской Патриархии выходить за рамки церковного консерватизма и искать новые богословские решения, прибегая все к тому же модернизму" [102].

Гордиенко с особым удовольствием отмечает все большее развитие экуменизма и зарождение на почве его "движения в защиту мира". Он пишет: "Движение сторонников мира, как явление международное, организационно оформилось в апреле 1949 г. на I-м Всемирном конгрессе, состоявшемся в Париже и положившем начало Всемирному Совету Мира. Представитель Русской Православной Церкви участвовал в этом конгрессе и вошел в состав избранного на нем постоянного комитета. Московская Патриархия принимала участие во всех последующих форумах, проводившихся Всемирным Советом Мира. Упомянем лишь некоторых из них: Международная конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях (Стокгольм, 1954 г.), Всемирная Асамблея Мира (Хельсинки, 1955 г.) и т.д. (перечисляется еще пять подробных организаций). С мая 1949 года в Журнале Московской Патриархии появился отдел "В защиту мира".

За участие в этой акции Патриарх Алексей был награжден четырьмя орденами Трудового Красного Знамени. Многие иерархи, священнослужители и прихожане были награждены медалями и грамотами советского Комитета Защиты Мира.

По инициативе Патриархии в 1952 и 1969 гг. в Троице-Сергиевской Лавре были проведены конференции представителей всех Церквей и религиозных объединений в Советском Союзе в защиту мира. На последней из них обсуждались "актуальные вопросы", как, например, "Мирное сосуществование и революционное преобразование мира" [103].

Такой переход от еще недавних ортодоксальных постановлений юбилейного Совещания с участием представителей других Православных Церквей требовал нового соборного постановления. Кроме того, изменение Положения о Церковном Управлении, принятое в 1945 г. оказалось еще недостаточно разрушительным для церковной жизни с точки зрения КГБ и требовало нового изменения, для которого опять-таки нужен был собор. Все это вместе взятое вызвало созыв Собора епископов в июле 1961 г.

В известном отношении, особенно в изменении правил высшего церковного управления, Собор 1961 года продолжил начатую в 1945 году перестройку. Поэтому, повествуя об этом Соборе, я не останавливался подробно на критике нового Положения, ограничившись только главными общими замечаниями.

Между тем, именно дополнительный собор 1961 года вызвал в самой Церкви в России серьезную критику со стороны архиеп. Гермогена, свящ. Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Их смелые выступления, дошедшие до заграничных чад Русской Церкви, приоткрыли многие стороны жизни Церкви в России в период между Сталиным и новым гонением на Церковь, проведенным Хрущевым.

Эти свидетельства показывают, насколько правы были старейшие русские иерархи, которые обличали порочность церковной политики, принятой митрополитом Сергием со времени его декларации 1927 года. Разница между новыми обличителями и теми, кто не принимал декларации сразу после ее опубликования, состоит в том, что при отрицательном отношении к этой политике и вполне основательной критике ее, они все-таки надеялись на возможность вынудить советскую власть к невмешательству в жизнь Церкви при условии твердости иерархии. Они на это надеялись, невзирая на принципиальную враждебность к тому, чтобы во главе Церкви стоял Патриарх, который в этом отношении был бы не вождем, а послушным орудием в руках атеистической власти.

Таким образом, не одна только Русская Православная Церковь Заграницей указывала на уклонение Московской Патриархии с канонического пути и с пути правды, но и некоторые ревнители веры в СССР, официально продолжавшие принадлежать к Патриархии.

В этом отношении интересны взгляды, высказанные архиепископом, бывшим Калужским, Ермогеном (Голубевым) и двумя вышеупомянутыми московскими священниками.

Архиепископ Ермоген был в то время одним из самых богословски образованных епископов Русской Церкви, при том несомненно и самым смелым из состава епископата Московской Патриархии. В качестве епархиального архиерея он старался противодействовать давлению гражданской власти, усердно и смело защищая церковь своей епархии от закрытия. До некоторой степени ему это удавалось, пока, по настоянию гражданских властей, его не лишили епархии.

Когда в 1961 году по приказанию атеистического правительства был созван в срочном порядке Собор для изменения Положения об Управлении Русской Православной Церковью в явно антиканоническом смысле, восемь архиереев по инициативе архиепископа Ермогена, подали записку с протестом против такого решения. Под влиянием правительственного давления, семь архиереев отказались от своего протеста. Архиепископ Ермоген один не подчинился этому требованию, за что и был лишен кафедры. Как пишут священники Н. Эшлиман и Г. Якунин в разосланном всем епископам Приложении к их докладной записке Патриарху, "Архиепископу Ермогену дано было понять, что пожелания Патриарха (о лишении его кафедры Е. Г.) было вызвано настоятельным требованием руководства Совета (по Делах Православной Церкви Е. Г.), которое использовало для этой цели настоятельные жалобы председателя Калужского Облисполкома" [104].

Протестуя против антиканонических явлений в Московской Патриархии, архиепископ Ермоген не принадлежал к числу таких бескомпромиссных противников соглашения митрополита Сергия с советской властью, какими были митрополиты Петр, Кирилл, Иосиф и др. Его точка зрения заключалась в том, что защищать интересы Церкви надо на почве буквы существующих законов. Его взгляды высказаны как в его заявлениях Патриарху Алексию, так и в составленной им историко-канонической и юридической справке к пятидесятилетию восстановления патриаршества в России, распространенной в 1968 г. и напечат. в Вестнике Христ. Студенческого Движения, за 1967 г. №86. Слабая сторона его взглядов в том, что они исходят из предположения о, якобы, сущ. возможн. добиться подлинного невмешательства гражданской власти в дела Церкви, игнорируя цель коммунистической партии совершенно уничтожить всякую религию. Это выглядит как мечта об установлении модуса вивенди между волком и ягненком, который попал ему в лапы.

Тем не менее, взгляды архиепископа Ермогена представляют несомненный интерес. Он сравнивает нынешний московский Синод с Синодом, который составлялся бы по правилам, выработанным на Всероссийском соборе 1917-1918 гг. Синод, составленный по этим правилам, по его словам, "являлся бы авторитетным и представительным органом Высшего Церковного Управления нашей Церкви, имеющим каноническое и моральное право говорить от лица всей Русской Православной Церкви" (стр. 73) [105]. Напротив, переходя к нынешнему Синоду в Москве, архиепископ Ермоген пишет: "Этого нельзя сказать о теперешнем нашем Синоде, сформированном на основании "Положения об управлении Русской Православной Церкви" принятом на Соборе 1945 г. В Положении собственно ничего не говорится о формировании Синода, а только говорится, что он состоит из шести членов" (там же) [106]. Далее архиепископ Ермоген указывает и на неканоническое участие гражданской власти в этом формировании. По его словам "состав постоянных членов Синода, равно как и архиерейские назначения, перемещения и увольнения, зависят в настоящее время от председателя Совета по Делах Религии в гораздо большей степени, они зависели в царской России от обер-прокурора Синода" (стр. 79) [107]. В качестве примера тех лиц, которые благодаря этому получают назначения на высокие должности, он приводит случай назначенного в 1964 году Киевским митрополитом и постоянным членом Синода епископа Винницкого Иоасафа: "До архиерейской хиротонии он три раза был рукополагаем во священника: первый раз в

обновленческом расколе, второй раз во время гитлеровской оккупации Украины епископом Геннадием, юрисдикции епископа Поликарпа Сикорского и третий архиепископом Днепропетровским Андреем (Комаровым). Будучи хиротонисан во епископа Сумского, способствовал закрытию епархии. Будучи по закрытию епархии перемещен на кафедру епископа Днепропетровского и Запорожского, принял епархию с 268 действующими приходами и, будучи через непродолжительное время перемещен на Винницкую кафедру, оставил в Днепропетровской епархии менее сорока приходов, а в Виннице через очень короткое время закрыт был кафедральный собор" (стр. 74) [108].

Архиепископ Ермоген замечает, что возможность подобных назначений свидетельствует "о ненормальности в формировании нашего Синода" (там же) [109].

Далее он отмечает, что Положение 1945 года не было предварено постановлением об отмене равнозначным Собором Положения 1917-1918 года: "Если состоявшееся осенью 1944 года совещание епископов по вопросу подготовки к выборам Патриарха на Соборе 1945 года изменило определенный Поместный собором 1917-1918 гг. порядок избрания Патриарха, то этим нарушило основное церковное законоположение, согласно которому больший собор исправляет определения меньшего, а не наоборот, и поэтому его решение не имеет силы для будущих выборов Патриарха" (подчеркнуто мною, Е.Г.) [110].

Говоря о положении 1945 года, архиепископ Ермоген ясно намекает на то, что оно было навязано Церкви гражданской властью: "При изучении "Положения" ясно чувствуется, что его не выработывал Собор, а что оно было представлено уже в готовом виде Собору на утверждение. Между тем канонический порядок ведения дел на Соборе требует обязательного обсуждения подлежащих вопросов. Без надлежащего обсуждения вопросов, Собор теряет свой смысл" (стр. 75) [111].

Таким образом, по мнению архиепископа Ермогена выбор Патриарха в 1945 году был произведен незаконно. Отсюда следует, что столь же незаконными надо признать и новые выборы, которые проводились бы в том же порядке. Несомненно, что в желании предупредить об этом кого следует лежит и причина составления им своей справки к пятидесятилетию Всероссийского собора 1917-1918 гг. Поэтому он и излагает там подробно порядок выборов Патриарха, установленный на этом соборе.

Архиепископ Ермоген напоминает, что основные правила для избрания Патриарха следующие:

1. Патриарх избирается на Соборе, состоящем из епископов, клириков и мирян.
2. Избрание происходит закрытым голосованием.
3. В избрании участвуют все члены Собора: епископы, клирики и миряне.

Собор, созванный для избрания Патриарха, имеет три заседания. На первом заседании происходит выдвижение кандидатов в Патриархи. Правом выдвижения кандидатов пользуется каждый член Собора. При указании кандидатов на патриарший престол, каждый член Собора пишет на особом листе одно имя и в закрытом конверте представляет председателю Собора. Председатель Собора оглашает написанные на листах имена и составляет список указанных голосованием кандидатов с подсчетом поданных за каждого голосов.

На втором собрании из объявленного списка Собор закрытым голосованием избирает трех кандидатов в Патриархи путем подачи листов с обозначением на каждом трех имен. Избранниками признаются три, получившие каждый не менее половины всех голосов и наибольшее количество оных, сравнительно с другими, подвергавшимися голосованию.

Если при первом голосовании никто не будет избран или избранных окажется менее трех, то происходит новое голосование, при чем, избирательные листы подаются с обозначением трех, двух или одного имени, соответственно числу подлежащих избранию кандидатов.

Имена избранных трех кандидатов заносятся, в порядке числа полученных голосов, в особое соборное деяние.

В случае единогласного избрания кандидата на Патриаршество, избрание двух других кандидатов не производится.

На третьем заседании, происходящем в патриаршем соборном храме, Патриарх избирается по жребию из трех указанных в соборном деянии кандидатов, а в случае единоглавного избрания Патриарха, оглашается имя избранного" (стр. 76) [112].

Архиепископу Ермогену могут возразить, что избрание Патриарха Алексия было единогласным.

Однако, не надо забывать, что в глазах избирателей митрополит Алексей был уже кандидатом атеистического правительства. Открыто голосовать против него ни для кого не было безопасно. Но это не исключает того, что при закрытом голосовании мог быть выдвинут и другой кандидат. Этой возможности членам Собора не предоставили. В советских условиях никто не мог решиться открыто высказаться за включение в кандидатский список другого лица, поскольку всем было ясно, что с точки зрения правительства других кандидатов, кроме заранее одобренного им, быть не должно.

Вопросу о порядке выборов Патриарха удалено внимание и в известном открытом письме Патриарху Алексию двух священников оо. Николая Эшлимана и Глеба Якунина, написанного в 1965 году и получившем широкое распространение за границей.

Письмо это написано под несомненным влиянием архиепископа Ермогена.

Вышеназванные священники указали на то, что со времени декларации митрополита Сергия в 1927 году, Патриаршее управление было сведено с пути, указанного ему Патриархом Тихоном. "Недопущение вмешательства "мирских начальников" во внутреннюю жизнь Церкви с одной стороны и строгое соблюдение церковной властью гражданского закона с другой, — вот основной принцип гражданского бытия Церкви, который СВЯТЕЙШИЙ Патриарх Тихон, истинный выразитель соборного разума Русской Церкви, завещал своим преемникам. Однако, история Русской Церкви за последние сорок лет неоспоримо свидетельствует о том, что начиная со времени продолжительного местоблюстительства митрополита Сергия (Страгородского), высшее церковное управление пошло по пути патриарший завет и, самочинно изменив курс, пошло по пути прямой ликвидации церковной свободы".

Два священника дают много примеров, подтверждающих справедливость этого вывода. "Совет по делам Русской Православной Церкви, — пишут они, — коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией.

Ныне в Русской Церкви создалось такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от церковного административного вмешательства со стороны Совета по делам Русской Церкви, его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви... Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения, — вот та атмосфера нездоровой таинственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам Русской Православной Церкви" (стр. 5) [113].

Тут уместно будет вспомнить характерный метод неофициального подчинения атеистическим чиновникам в церковных делах, приведенный в письме архиепископа Ермогена на имя Патриарха Алексия от 20 февраля 1966 года. Он приводит там свой разговор с умершим бывшим постоянным членом Синода, митрополитом Крутицким Питиримом: "Встретившись однажды со мной в Патриархии, пишет архиепископ Ермоген, и, узнав, что у меня имеются осложнения с Ташкентским уполномоченным, он преподал мне такой совет: "Во избежание всяких осложнений, поступайте так: когда придет к вам на прием священник или член церковного совета по какому-либо церковному вопросу, выслушайте его, затем, направьте его к уполномоченному с тем, чтобы побывав у уполномоченного, он опять вернулся к вам. Когда он вернется и вам доложит об этом, вы позвоните уполномоченному и спросите, что он сказал вашему посетителю. И то, что сказал ему уполномоченный, то же самое скажите ему и вы"... Таким образом, решения по вопросам церковной жизни даются устами архиерея, но исходят они от атеиста, врага Церкви. Это порочный принцип, который лежит в основе всего управления и всех решений Московской Патриархии.

Московские священники не разбирают особо вопроса о порядке выборов Патриарха, на котором остановился архиепископ Ермоген. Однако, подробно описав разные формы полного порабощения церковного управления атеистической властью, они указывают выход в созыве свободного собора, который подлинно выражал бы голос Русской Церкви.

"Созыв Поместного собора в ближайшее время, — пишут они, — диктуется необходимостью общецерковного суждения о деятельности церковного управления и насущной потребностью скорейшего решения исторически назревших вопросов церковной жизни и церковного учительства.

Для того, чтобы новый ПОМЕСТНЫЙ собор не оказался послушным орудием в руках нецерковных сил, необходимо, чтобы в подготовке к этому собору могла принять деятельное участие вся Русская Церковь. Для этого собору должны предшествовать приходские собрания и епархиальные съезды. Только в таком случае на собор смогут попасть клирики и миряне, действительно представляющие собой, вместе с лучшими епископами Русской Церкви, полноту церковного сознания" (стр. 41) [114].

Таким образом, авторы открытого письма Патриарху Алексию надеялись, что свободный собор мог бы повернуть жизнь Церкви на другой путь и, конечно, мечтали о том, что он свободно выберет достойного Патриарха.

При всем добром намерении этих ревнителей правды, надо отметить некоторую наивность предлагаемого ими плана, который мог бы быть осуществлен только в случае коренного изменения советского строя и отказа его от активной борьбы с Церковью. Но в указании тех черт, которые определяли бы подлинный, имеющий каноническое значение собор, содержится уже заранее осуждение собора, который следовал бы по пути соборов 1945 г. и 1961 г. В особенности это можно сказать о записке архиепископа Ермогена к пятидесятилетию восстановления патриаршества.

Вопрос о порядке выборов нового Патриарха обсуждался и в заграничной печати. Можно сказать, что каждому непредубежденному человеку была ясна незаконность выборов, как некоего испытания, насколько Церковь в СССР действительно свободна.

Особенно основательно этот вопрос разбирался в статье Жана Фабр (Jean Fabre) No 381 Informations Catholiques Internationales от и апреля 1971 года [115]. Заметим при этом, что этот орган печати отнюдь нельзя считать антикоммунистическим и, в частности, враждебным к Московской Патриархии.

Напоминая, что согласно определениям Всероссийского собора 1917-1918 г., соборы должны были бы собираться периодически, автор отмечает, что после 1918 года соборы созывались только по особым случаям: для выборов Патриархов в 1943 и 1945 г. и для изменения Положения о Русской Православной Церкви по указанию гражданской власти в 1961 году. "Самая редкость этих созывов, — пишет автор, — сама по себе является аномалией в функций Церкви. Впрочем, надо отметить, что собор 1945 года не имел никакой другой роли, как принятие без действительных суждений заранее приготовленных определений. Собранный с 31 января по 2 февраля, он фактически имел только два заседания: одно для принятия изменения Положения, приготовленного митрополитом Алексием, а другое для избрания нового Патриарха, явно преднамеченного Г. Карповым, председателем совета по делам Православной Церкви при Совете Министров СССР".

Далее автор замечает, что "если Поместный собор Русской Церкви является в ней высшей властью, то ясно, что эта власть сведена почти к фиктивной роли".

Напоминая о порядке производства выборов Патриарха в 1945 году, Фабр пишет: "В 1945 году каждая епархия имела только один голос, при чем каждый епископ подавал этот голос, вставая с делегатами своей епархии. Голоса клира и мирян, таким образом, нейтрализовались сливанием голосов. Воспользуются ли на этот раз голосованием путем тайных записок? Тот порядок, который будет применен, во всяком случае послужит показателем, насколько подлинны выборы. Единогласное голосование вызовет подозрение, ибо Патриаршая Церковь в Москве не имеет более личностей масштаба митр. Алексия и сосредоточение голосов на одном имени, даст возможность догадаться о сильной "рекомендации", известно откуда исходящей.

Действительно, для того, чтобы выборы были подлинными выборами, надо было бы, чтобы выборщики имели возможность посовещаться перед собором, чтобы составить себе мнение о возможных кандидатах".

Еще интереснее замечания в ожидании собора в Москве были сделаны в статьях известного знатока положения Церкви в СССР англиканского священника Михаила Бурдо (Rev. Michael Burdeaux), автора нескольких книг по этому вопросу. Он посвятил несколько статей рассмотрению вопроса о возможном исходе собора. Хорошо зная истинное положение Церкви, пастор Бурдо не имел иллюзий относительно возможности свободного выбора Патриарха. Бурдо замечает, что выборы Патриарха были задержаны за несколько месяцев гражданской властью.

"Каково бы ни было каноническое положение, — пишет он, — советский закон (ст. 20 все еще действующего закона 1929 года о религиозных обществах) ясно говорит, что никакое местное, областное или всесоюзное религиозное собрание, не может иметь места без разрешения гражданских властей, что, между прочим, есть один из многих пунктов этого закона, из коих видно, что "отделение Церкви от государства" может быть объявлено в Конституции, но не существует на практике. Таким образом гражданские власти могут влиять на сроки так же, как они это делали в прошлом. По-видимому, им нужно было много времени, чтобы быть уверенными, что когда собор, наконец, соберется, он будет правильно "подготовлен".

Переходя к предстоящим выборам, пастор Бурдо пишет: "Если бы отделение Церкви от государства в Советском Союзе было фактом, а не ничего не стоящей фразой на листе официальной бумаги, то в предстоящих выборах не было бы настоящей проблемы". Как пишет далее Бурдо, положение на деле совсем не таково. "Все построение отношений Церкви и государства, закрепленное законом 1929 года, является наиболее "сталинским" явлением в советском обществе" (The Tablet, 8 мая 1971 г.) [116].

В следующей статье под заглавием "Плененная Патриархия" автор замечает, что даже если бы и были применены все правила, изложенные в записке архиеп. Гермогена, все равно в дело вложен особый механизм, чтобы подстроить выборы. "В настоящее время епископы наверное уже "инструктированы", как они должны голосовать" (The Tablet, 15 мая 1971 г.) [117].

Чтобы показать метод и степень порабощения Церкви при Советской системе, пастор Бурдо в той же статье цитирует статью из Братиславского чешского журнала "Культурная жизнь" (Kulturny Zivot) от 31 мая 1968 года, напечатанную относительно Лютеранской Церкви в короткий период сравнительной свободы в Чехии.

"Основы жизни Лютеранской Церкви были искажены и ее деятельность почти полностью связана. Это было достигнуто не административными запрещениями, а структурной реорганизацией. Во вне казалось, что ничего не случилось. Были разговоры о выборах, собирались конвенции; существовал даже союз священников, который собирался по временам; церковная печать издавала несколько страниц печатного материала. Но всем этим правила "рука", которая твердо держала бразды церковной жизни, безжалостно выбрасывая и устраняя всякого, кого нашли выражающим какое-то свободомыслие или попытку противодействовать машине.

Только человек предназначенный одобрением государства, мог быть выбран на какую-нибудь должность... Община могла или формально "избирать кандидата", который был указан определенным учреждением государства или церковной властью (не было большой разницы между ними) или... она могла выбрать другого священника, который означал то же самое... Церковь в целом была в пленении с 1950 года... что означает, что все "выборы" и постановления плененной Церкви с тех пор по существу недействительны".

Говоря далее, что один независимый голос на собрании русских епископов, выражающий даже завуалированную версию в смысле сказанного выше, имел бы силу электрического тока, пастор Бурдо в заключение пишет: "Может быть было бы слишком много ожидать нечто в этом роде, но, все-таки, может быть при нынешнем состоянии умов в Советском Союзе, полное единогласие даже в таком отборном и "подготовленном" собрании людей больше чем то, чего может достигнуть государство" [118]. Этого не осуществилось: "единогласие" было продемонстрировано.

Жизнь показала, что никакого нарушения инструкций государственной власти на соборе не было допущено. Впрочем, на всякий случай, выборы Патриарха производились при закрытых дверях...

На деле, конечно, ни одно из этих пожеланий архиепископа Ермогена священников Н. Эшлимана и Г. Якунина или доброжелателей Московской Патриархии из цитированного нами католического журнала, не были приняты во внимание. Тоталитарная система коммунистического государства не допускала никаких свободных выборов. Все выборы в Советском Союзе это — фарс. Избрание Патриарха в этом отношении не составляет никакого исключения.

Если Положение об управлении Русской Православной Церковью 1945 года как будто давало больше свободы центральной власти в управлении Церковью, то это было временной административной уступкой правительства, в то время, как ограничительное законодательство не менялось. В 1961 году политика переменилась и по предложению правительства Московская Патриархия изменила Положение, нарушая канонический строй, но согласуя свое новое положение с законом 1929 года, до сих пор остающимся в силе.

Постановление Архиерейского собора 18 поля 1961 года об изменениях в Положении об управлении Русской Православной Церковью, лишило Синод и епархиальных епископов всяких канонических административных прав в управлении приходами и епархиями. В Московской Патриархии нет канонической власти, которая могла бы управлять Церковью. Для приходов контролирующая власть не епископ, а гражданские учреждения. Это видно из следующего:

1. Для открытия приходской общины требуется прежде всего регистрация гражданской власти. Только при наличии ее епархиальный архиерей может благословить открытие прихода (пункт "а" утвержденного Собором определения Синода 18 апреля 1961 г.).
2. Согласно пункту "б" того же постановления, приходская община "имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами". Иными словами, приход находится вне контроля епископа.
3. При наличии злоупотреблений, недостатка имущества или денежных средств, ревизионная комиссия прихода совсем не докладывает об этом епархиальной власти, а по пункту "в" "составляет акт и препровождает его в местный горсовет или сельсовет".
4. Приходские собрания по пункту "г" созываются не по благословению епископа или настоятеля, а с разрешения горсоветов или райсоветов (в сельской местности).
5. За сохранность здания и имущества храма (в том числе, значит и священных предметов) исполнительный орган приходской общины по пункту "д" несет ответственность также только перед гражданской властью.
6. Епархиальный архиерей не имеет права даже назначать псаломщика, пономаря, алтарника и вообще лиц, участвующих так или иначе в богослужении. По пункту "л" это делает исполнительный орган прихода, только согласуя с настоятелем кандидатов на эти должности.

Таким образом, епархиальный архиерей оказывается только безвластной декоративной личностью, а настоятель прихода не есть руководитель всех сторон его жизни, как это указано в определениях Всероссийского собора

1917-1918 г., а только совершитель богослужений.

Такое неканоническое положение было введено Синодом и собором Московской Патриархии в 1961 году во исполнение советского закона 1918 и 1929 гг., некоторое время нарушаемого с ведома гражданской власти, но донныне не отмененного. Это видно из слов самого Патриарха Алексия, когда он объяснял епископам необходимость переустройства Церкви. "В апреле этого года, — сказал он, — Совет по делам Русской Православной Церкви известил нас о том, что Совет Министров СССР вновь обратил внимание на многочисленные случаи нарушения со стороны духовенства советского законодательства о культах и указал на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов, а именно в вопросе восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части финансово-хозяйственной деятельности, в соответствии с законодательством о культах". Вопреки очевидности, Патриарх старался доказать, что вносимое по требованию гражданской власти изменение "была не отмена, а только поправка и уточнение настоятельских прав и обязанностей, причем в сторону более церковную и духовную".

Отмечая, что советские законы не требуют предварительного согласия гражданских властей в случаях рукоположения священников, их назначения или перемещения, они далее пишут: "Однако, в последние годы в Русской Церкви установилась такая практика, при которой ни одна хиротония во епископа, пресвитера или диакона не совершается без предварительной санкции чиновников Совета по делам Русской Православной Церкви. Используя все те же испытанные методы негласного диктата, чиновники Совета всячески препятствуют рукоположению тех лиц, в которых Совет видит потенциальную силу, способную в дальнейшем противостоять незаконным действиям безбожников, направленным на разрушение Церкви. Руководствуясь этим принципом, чиновники Совета производят тенденциозный отсев абитуриентов духовных учебных заведений, лицемерно прикрываясь заботой о благе Церкви, препятствуют рукоположению достойных ставленников, не имеющих духовного образования, не позволяют лицам, получившим высшее светское образование, отдать свои силы на служение святой Церкви и т.д.

Кроме того, Совет по делам Русской Православной Церкви способствует проникновению в ряды пастырей и дальнейшему продвижению по службе лиц, нравственно неустойчивых, маловерных, а иногда и вовсе беспринципных, способных служить злему делу — разложению св. Церкви, а в подходящий момент и вовсе отречься от Христа" [119].

Неудивительно, что в этих условиях мы видим резкое понижение уровня лиц допускаемых гражданской властью, занять Московский Патриарший престол. Патриарх Сергей первый открыл эту эру, но он был более выдающейся личностью, чем его преемник, который еще больше чем он, открыл доступ безбожникам к церковному управлению. Новый Патриарх был уже гораздо более низкого уровня во всех отношениях и еще более послушным в исполнении указаний советских чиновников.

Характерно, что Собор 1961 года проходил в присутствии трех представителей правительства, сидевших за отдельным столиком за спиной епископов. Их присутствие сковывало языки тем, кто хотел бы высказаться. По окончании заседания Патриарх Алексей подошел к ним и обменялся рукопожатиями. Епископы со вздохами подписывали протокол.

ХІІ. СОБОР И ВЫБОРЫ ПАТРИАРХА В 1971 г.

В предыдущей главе читатель мог познакомиться с тем порядком избрания Патриарха, который был принят на Всероссийском Церковном соборе 1917-1918 гг. и никогда не был отменен. Самым важным моментом в этом порядке было наименование кандидатов тайным голосованием. Смысл такого голосования в том, что оно совершается членами собрания без стеснения и без страха навлечь на себя неудовольствие какого-либо из предлагаемых кандидатов или тех, кто их выдвинул.

Описывая выборы Патриарха Алексия, отец Хризостом в своей Истории Русской Церкви последнего периода отмечает, что правительство боялось риска, что кто-то проголосует не так, как это ему было желательно. Поэтому председатель Совета по делам Русской Церкви предварительно дал понять, что митрополит Алексей является желательным кандидатом, и затем он был избран открытым голосованием путем заявления епископов от лица своих епархий. Несоответствие этого порядка избрания правилам, принятым на Всероссийском соборе 1917-1918 гг., показано выше. Очевидно, ничто не изменилось теперь по сравнению с тем, что было в 1945 году. Собор произвел выборы Патриарха тем же самым порядком.

Характерно, что на избрание Патриарха было отведено лишь короткое время и что на заседании Собора с производством выборов и принятием трех важных документов понадобилось всего 3 часа и 10 минут, включая процессию из Троицкого собора в Успенскую церковь и принятие постановления о процедуре избрания.

Вместо того, чтобы все члены Собора записками обозначили кандидатов, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей задавал вопрос каждому правящему архиерею: "Кого вы, клир и паства (следовало наименование епархии) избираете Патриархом Московским и всея Руси?" Все отвечали одинаково: "Я, клир и паства

(следовало наименование епархии) избираем Патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена".

"Дисциплина" в СССР при выборах такова, что вероятно по данному указанию громадное большинство и в тайных записках написало бы то же имя. Однако, устроители Собора боялись рискнуть возможностью не единогласного избрания. Заранее зная, что никто не решится возражать открыто, все дело было обставлено не столько в виде выборов, сколько в виде торжественного объявления уже состоявшегося заранее избрания. В частности, останавливает на себе внимание вопрос о том, на каком основании епархиальные архиереи делали свои заявления об избрании митрополита Пимена? Их заявления были бы понятны, если бы процедура выборов была установлена до Собора, и предварительное голосование было бы сделано на епархиальных собраниях. Однако, нам неизвестно, чтобы епархиальные собрания вообще состоялись. Кроме того, если бы голосования о выборе Патриарха производились на таких собраниях, то это было бы коренным изменением ранее установленной системы выборов. Такое изменение требовало бы решения на другом соборе, а не перед самыми выборами. Вместо того, как гласит Московский Пресс Бюллетень №6, председатель собора "предоставил слово митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму, который сообщил предложения Предсоборного архиерейского совещания о процедуре избрания Патриарха Московского и всея Руси. Собор утвердил предложенную процедуру избрания Патриарха". Сразу после этого приступили к выборам.

Для всякого непредубежденного читателя ясно, что выборы были заранее предрешены. После такого, заранее подстроенного голосования, "митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим торжественно объявил, что весь епископат Поместного собора Русской Православной Церкви от своего имени и от имени клира и мирян Церкви, едиными устами и единым сердцем избрал на Московский патриарший престол митрополита Крутицкого Пимена". Таким образом, выборы были проведены не по-церковному, а по-советски.

Вспомним, что писал о таких выборах Жан Фабр. Он ставил вопрос, будет ли на этот раз допущено тайное голосование записками? Теперь он имеет ответ: его не было. Он прав и в том, что примененный порядок выборов служит показателем того, насколько подлинны выборы. Ясно видно, что они не подлинны, а подстроенные. Он прав и в том, что такие "выборы" дают "возможность догадаться о сильной "рекомендации", известно откуда", то есть от Куроедова исходящей.

Обратим внимание еще на одно сходство этих выборов с выборами Патриарха Алексия. После смерти Патриарха Сергия, митрополит Алексей послал телеграмму Сталину, обещая ему послушание. Равным образом митрополит Пимен вступив в должность местоблюстителя, послал телеграмму Косыгину заверяя его в том, что "наш Священный Синод осуществляя управление Русской Православной Церковью в соответствии с установлениями церковными, будет и впредь неуклонно служить великому делу упрочения мира и дружбы между всеми народами, чему посвятил все свои усилия наш советский народ". Иначе говоря, он обязался поддерживать выраженную в этих лукавых словах внешнюю политику Советского Союза.

Еще одно сходство: когда выбирали Патриарха Алексия, советское правительство позаботилось о том, чтобы хорошо материально обеспечить Собор и особенно его иностранных гостей. Теперь опять, правительство, состоящее из коммунистов, врагов религии, которые, как члены коммунистической партии имеют целью уничтожение всякой религии, обеспечивает материально и с полицейской стороны Собор, якобы имеющий назначением укрепление той религии, которую они хотят упразднить. Всякому ясно, что это делается потому, что новый Патриарх должен будет служить одним из орудий коммунистической политики.

Собор, избравший нового Патриарха, не замедлил вынести постановление в этом смысле.

Подобно тому, как Патриарх Алексей в свое время благодарил Сталина за помощь созыву Собора в 1945 году, так и теперь Собор выразил благодарность Косыгину: "Позвольте мне, как председателю Собора, — писал новый Патриарх — от имени его членов и от себя лично, передать вам и в вашем лице правительству СССР сердечную благодарность за ваше неизменно благожелательное отношение к нуждам Русской Православной Церкви и за содействие осуществлению настоящего Собора". В заключение высказано обязательство содействовать иностранной политике Советов: "Опираясь на опыт послевоенного своего миротворческого служения Русская Православная Церковь и впредь неуклонно и энергично будет делать все от нее зависящее, чтобы ее вклад в священное дело упрочения международного мира, непрерывно увеличивался и становился все более эффективным".

На заседаниях 30-го мая/1-го июня Собор вынес ряд постановлений в согласии с Советской политикой. В пункте 1-м Собор одобрил все, что делалось Синодом после 1945 г. и, в том числе вынесенное в угоду требованию гражданской власти антиканоническое, разрушающее строй Церкви, определение от 18-го июля 1961 г., о котором речь у нас еще будет ниже. Серьезные доводы с критикой этого определения, высказанные архиепископом Гермогеном и двумя московскими священниками, конечно, не были доложены Собору, несмотря на то, что они обратились с апелляцией к Собору епископов, ссылаясь на 6-ое правило II-го Вселенского собора. За несогласие с постановлением 1961 года, Патриарх Алексей наложил на них запрещение

в административном порядке без суда над ними. Мы не знаем канона, который оправдывал бы наложение запрещения за апелляцию к высшей инстанции.

Собор вынес постановление о борьбе с Русской Православной Церковью Заграницей, столь неприятной советскому правительству тем, что она разоблачает в свободном мире его борьбу с религией. Он одобрил экуменизм и, конечно, остановился со вниманием на политической акции почившего Патриарха и Синода "в защиту мира". В этом отношении Собор издал особое Обращение к христианам всего мира. В нем содержатся все лживые лозунги коммунистической пропаганды.

Почему выбор Куроедова для должности Патриарха Московского пал именно на митрополита Пимена?

Мы, конечно, не можем знать всех его мотивов, но даже поверхностное знакомство с биографией нового Патриарха, содержало в себе объяснение.

Внешне Патриарх Пимен был декоративен: большого роста, с окладистой бородой, но он никак не являлся сильной личностью. Богословского образования он не получил. Уже 17-ти лет он поступил в монастырь и, следовательно, не мог продолжать образования. Перед тем он окончил какую-то среднюю школу, но какую именно, его официальные биографии умалчивают. Будучи пострижен в монашество в таком раннем возрасте, он вскоре был послан в Москву в качестве певчего Богоявленского собора (ныне Партиаршего). В 1930 г., (т. е. 20-ти лет) Пимен был рукоположен во иеродиакона и через пол года во иеромонаха.

Обладая хорошим голосом и слухом, он сначала был певчим, а потом руководил хорами в разных храмах Москвы. Из его официальной биографии не видно, подвергался ли он репрессиям. Его выдвижение, по-видимому, начинается с 1946 г., когда он стал казначеем монастыря в Одессе. В 1947 г. он возводится в сан игумена с возложением на него наградного наперсного креста, а затем скоро переводится в Ростов-на-Дону, где уже занимает должность секретаря епископа, члена Епархиального Совета и ключаря кафедрального собора. С 1949 г. он наместник Псковско-Печерского монастыря, а с 1954 г. архимандрит и наместник Троице-Сергиевской Лавры. В 1957 г. он хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесской епархии, но уже в декабре того же года переводится в Москву на кафедру епископа Дмитровского. Его дальнейшее продвижение совпадает со сменой председателя Совета по Делах Русской Православной Церкви Карпова и заменой его В. Куроедовым. Это период выдвижения в епископском сане известного митрополита Никодима (Ротова) и других молодых епископов проявивших себя послушными орудиями гражданских властей и занявших главные должности в управлении делами Московской Патриархии.

С июля 1960 г. Пимен уже управляющий делами Московской Патриархии. В 1961 г. он становится митрополитом Ленинградским, а в 1963 г. назначается на кафедру митрополита Крутицкого.

Однако, судя по сообщению, опубликованному редакцией "Гласности", биография Патриарха Пимена была не такой гладкой, как кажется по официальным источникам. Там сообщается, что на самом деле не все в ней было в порядке: из печатаемых сведений видно, что он был "дважды осужден и отбывал сроки наказания за дезертирство (один раз в годы великой Отечественной войны) и скрыл это. Как утверждает справка, он жил по подложным документам. И, тем не менее, стал Патриархом после немалой работы, проведенной с ним Советом по Делах Религий". В справке этого Отдела раскрывается, во-первых, что, будучи клириком он поступил на военную службу и имел чин майора. Несовместимость такого положения с церковным саном указывается 83-м Апостольским правилом и 7-м правилом IV-го Вселенского собора. Этими правилами он лишался бы права быть епископом. С другой стороны, его дезертирство могло бы объясняться с желанием освободиться от своего антиканонического положения. Во всяком случае, неправда в его показаниях о его биографических данных, обнаруженная Советом по Делах Религий, значительно облегчала задачу КГБ в получении в его лице послушного ему церковного деятеля. Он принял это как некое благодеяние со стороны Отдела. Это видно из другой записи разговора уже с ним самим в том же документе "Гласности". Там записаны его слова: "прошу поверить, что с большим уважением отношусь к Совету, очень благодарен ему за все, что сделано для меня".

Не имея богословского образования, Патриарх Пимен обычно не участвовал в богословских встречах с инославными. Не видно, чтобы он выступал на годичных академических актах или при защите диссертации. Его область только администрация и политика, угодная советской власти.

На Соборе 1961 г. он доказывал необходимость желательного для правительства изменения Положения об управлении Русской Церкви далеко не богословскими выводами: "В настоящее время, — говорил он — в нашей стране последовательно осуществляются широкие демократические преобразования, в результате чего все возрастает роль самих трудящихся в общественной жизни страны. В этих условиях нельзя признать нормальным, что в приходских общинах до сих пор продолжает иметь место положение, при котором отцы настоятели сосредоточили в своих руках всю полноту власти" ("Журнал Московской Патриархии", 1961 г., №8,

стр. 10).

Конечно, не без его участия был применен обман при созыве Собора в 1961 г. Изменение положение, которое там проводили, было желательным правительству для ослабления Церкви путем расстройств приходской жизни, но оно не могло встретить сочувствия у большинства архиереев. Руководители Московской Патриархии опасались, что многие архиереи под тем или иным предлогом уклонятся от участия в Соборе, если будут знать, на что их приглашают. Поэтому, как пишет архиепископ Гермоген, "этот собор не был созван, как полагалось бы, через послание Патриарха, а телеграммами на имя правящих архиереев с приглашением принять участие в богослужениях в Лавре в день памяти преп. Сергия. В телеграммах о Соборе даже не было намека. Прибывшие архиереи были поставлены в известность об имеющем быть Соборе только поздно вечером после всенощной под день памяти преподобного Сергия, — менее чем за сутки до Собора. Подобный способ созыва Собора необычен и, разумеется, не может быть оправдан с канонической точки зрения" (Вестник Р.Х.Д., 1967 г. №86, стр. 77-78).

Просматривая номера "Журнала Московской Патриархии" за последние десять с лишним лет, мы не нашли в них чисто церковных выступлений Патриарха Пимена. Он выступает на сессиях "Всемирного Совета Мира", на "Всемирных конгрессах за всеобщее разоружение" и т.п. Его речи и статьи посвящены не пастырским, а исключительно политическим выступлениям. Поэтому, его избрание, бывшее столь же незаконным, как и избрания его двух предшественников, еще более подчеркивает то обстоятельство, что нынешняя Московская Патриархия не является подлинной представительницей Русской Церкви, а есть организация, допущенная к существованию советским правительством, насколько она служит делу его пропаганды. Ее задача — показать свободному миру, что, якобы, коммунизм не враждебен религии, и что Советский Союз якобы, больше всего озабочен делом мира. Поэтому Патриарх Пимен и начал свое служение с прославления миролюбия Советского Союза и обвинения Соединенных Штатов Америки в агрессии, колониализме и расизме.

Интересной была реакция прессы того времени на выборы Патриарха Пимена. Она обращала на себя внимание тем, что печать самых различных направлений отмечала его послушливость советскому правительству и совсем не писала о каких-либо его духовных достоинствах.

Самая значительная американская газета, притом достаточно левого, а иногда даже и просоветского направления ("The New York Times") 3-го июня 1971 г. сообщала о недавно состоявшихся выборах Патриарха Пимена: "Его избрание особым Собором, первым после 1945 г., собравшемся в монастырском городке Загорск близ Москвы, предвиделось после того, как он был назначен временным Патриархом после смерти Патриарха Алексия... Все указывает на то, что выбор был вполне приемлем и, по-видимому, одобрен советскими властями, которые тщательно наблюдают за религиозной жизнью в стране".

Широко распространенный американский журнал "Newsweek" в № 14 за июнь 1971 г. замечал, что советский режим явно предпочел Пимена более яркому Никодиму. Его назвали "очевидным выбором Кремля".

Католический журнал "Америка" в номере от 26-го июня 1971 г. сообщал что "никто не сомневался в его (Патриарха Пимена) приемлемости для Кремля, политики которого он был самым частым выразителем, даже пока Алексий был Патриархом. Мало удивительно, поэтому, что Владимир Куроедов атеистический председатель кремлевского Совета по религиозным делам был там чтобы приветствовать делегатов прибывших в Загорск... Или, что советское правительство устроило прием после торжества интронизации, на котором новому Патриарху было передано приветствие Косыгина".

Журнал американских епископатов "The Living Church" в номере от 4-го поля того же года, заключил отчет о выборах Патриарха Пимена напоминанием о его политических выступлениях против Америки и критике Светланы Аллилуевой после ее бегства из СССР.

Католическая австрийская газета "Linzer Kirchenblatt" от 6-го июня, напечатала сообщение об избрании Патриарха Пимена под заглавием "Патриарх красной милостью" (Patriarch von roten Gnaden).

Еврейский орган федерации труда "Давар" в номере от 2-го поля 1971 г. выразился еще короче, напечатав статью о выборах Пимена под заглавием "Патриарх атеистов".

В сербской газете "Искра" (Мюнхен от 1-го ноля 1971 г.) Д. Слепчевич писал: "Положение, которое митрополит Пимен занимал, и функции, которые он выполнял в коммунистическом движении за мир, и близость его к Патриарху Алексию, который пользовался доверием советской власти, привели к тому, что он с самого начала считался кандидатом в новые Патриархи Русской Церкви".

Официальный орган Экзарха Вселенского Патриарха в Америке за июль 1971 г. осторожно выразился, что выбор митрополита Пимена Патриархом по всем данным "приемлем для советского правительства". При этом журнал привел целый список выступлений Патриарха Пимена в план московской политики. Отметил журнал также и заявление его о том, что Церковь в Советском Союзе, якобы, пользуется полной свободой, сделанное Пименом в 1964 г. и повторенное им после избрания Патриархом.

Даже в органе Американской Митрополии "The Orthodox Church" (июнь-июль 1971 г.), которой Москва дала "автокефалию", о. Иоанн Мейендорф в редакционной статье написал: "Ясно, что при нынешнем Советском режиме невозможно себе представить, чтобы его выборы были "свободными". (Но какое же теперь сомнение может оставаться после сказанного бывшим председателем Совета по делам религии Харчевым корреспонденту журнала Огонек в интервью перепечатанном в Православной Руси №24 1989 г. на стр. 13: "...Ведь не секрет, что последние патриархи Московской Патриархии были не столько выбраны, сколько назначены под сильнейшим давлением государственной власти").

Если даже журналисты, далекие от Православной Церкви, ясно видели, что Пимен был избран Патриархом по указке атеистического правительства, то тем более это явно для тех, кто принадлежит к свободной части Русской Церкви. Такие выборы, совершенные в нарушение правил Всероссийского Собора 1917-1918 гг. и, что особенно важно, правил Апостольского 30-го и 3-го VII-го Вселенского Собора — недействительны. По этой причине Пимен не может быть признан каноническим Патриархом Русской Церкви.

Переходя к работе Собора по другим вопросам я позволю себе целиком привести свидетельство бывшего там с архиепископом Василием (Кривошеиным) представителем от мирян (а может быть и написанное анонимно самим архиепископом), напечатанное в газете "Русская Мысль" 3-го октября 1975 г. Привожу его почти целиком. Это свидетельство живо описывает все происходившее на Соборе 1971 г. и дает почувствовать бывшую там нездоровую атмосферу.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1971 ГОДА В МОСКВЕ

В конце мая 1971 года архиереи Западной Европы Московского Патриархата получили так называемую "предсоборную информацию", которая была настолько тенденциозно составлена, что некоторые из архиереев не хотели ехать на Собор, но их вызвали срочной телеграммой. Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) составил очень обоснованный пространственный протест, фотокопии которого он разослал как заграничным, так и русским архиереям и членам Синода. Протест сводился к двум главным пунктам: о пресловутом соборе 1961 года и о процедуре избрания Патриарха (открытое голосование, заранее предвосхищенные, высказывания большинства архиереев в пользу кандидатуры митрополита Пимена). В Москве знали о готовившейся оппозиции.

Архиепископ Василий прилетел в Москву в сопровождении своего викария епископа Роттердамского Дионисия (Лукина).

В Москве делегаты были встречены как почетные гости. Таможенного осмотра на этот раз не было.

Делегатов разместили в северном корпусе новой и огромной гостиницы "Россия". Сразу выяснилось, что среди архиереев царил очень напряженное настроение. Во-первых, по поводу злополучного вопроса о "соборе" 1961 года, во-вторых, в связи с единственной кандидатурой митрополита Пимена и заранее установленным "открытым голосованием". Все ждали приезда архиепископа Новосибирского Павла, известного своими оппозиционными настроениями. К большой растерянности членов Собора, перед самым предсоборным архиерейским совещанием, назначенным на 25 мая 1971 года в Новодевичьем монастыре пришло известие, что владыка Павел приехать не может, так как с ним "случилось несчастье".

С тяжелым чувством участники совещания отправились в Новодевичий монастырь. Совещание началось с выступлений членов Синода по старшинству.

Каждый начинал с заявления, что вопрос о соборе 1961 года "не дискуссионный". Во-вторых, шла речь о кандидатуре митрополита Пимена и об открытом голосовании. По окончании выступлений членов Синода, митрополит Пимен уехал встречать Александрийского Патриарха.

Слово попросил архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий и спокойно, но упорно и настойчиво начал полемику против собора 1961 года, утверждая, что этот собор неканоничен. Произошло острое столкновение с Экзархом Украины митрополитом Киевским и Галицким Филаретом. Разгорелся упорный спор. Затем выступали еще некоторые архиереи. Епископ Роттердамский Дионисий произнес очень резкую и пламенную речь против "предсоборной информации", открытого голосования и единственной кандидатуры. Эта речь ошеломила архиереев. Наступило молчание; его прервал митр. Киевский Филарет, который резко возразил еп. Дионисию. Старые архиереи молчали. Молодые карьеристы начали возражать еп. Дионисию. Арх. Василий упорно продолжал полемику против "собора 1961 года". Бесплодное архиерейское совещание продолжалось 5 часов. Не добившись никаких результатов, участники вернулись к себе. Архиепископ Василий так и остался при своем мнении.

На другой день был канун Вознесения Господня, и все делегаты молились или служили в переполненных храмах. 28 мая прибыли другие участники собора, члены Брюссельско-Бельгийской делегации, делегация Японской автономной Церкви и др.

29 мая Собор переехал в Троице-Сергиеву Лавру. Насколько комфортабельно поместили членов Собора в МОСКВЕ, настолько же плохо устроили их в Лавре. Архиепископ Василий, признанный опасным был изолирован, но зато имел отдельную келлию. Делегаты из Голландии (епископ Дионисий), из Парижа (епископ Петр Люлье) и епископ Герман Австрийский, были помещены в одной маленькой комнате. Епископ Герман говорит по-французски, и епископы Дионисий и Петр были лишены возможности обмениваться мнениями в его присутствии. Епископ Алексей ван дер Менсбрюге был помещен в одной келлии с пресловутым епископом Иринеем (бывшим прот. Игорем Зюземилом). Каким-то образом узнали, что на Собор приезжали архиереи из-за границы и архиепископу ван дер Менсбрюге, епископу Дионисию и епископу Петру тайком передали письма за подписями одного иеромонаха, иеродиакона и одного мирянина (с указанием имен и местожительства) с просьбой возвысить голос об открытии церквей, монастырей, семинарий и о разрешении преподавания Закона Божия для детей. Епископ Дионисий сразу отнес письмо архиепископу.

На другой день началась охота за письмами. Епископ по западной привычке открыто оставил письмо на ночном столике. Письмо исчезло. У архиепископа Алексея его нахально отняли, спрашивали у епископа Дионисия, но он ответил, что передал его архиепископу Василию. Спрашивали у последнего, но он ответил: "Письмо читал, но его больше у меня нет". Спросить, кому он его передал не посмели.

В субботу вечером 29 мая (следует описание служб)...

В воскресенье... После завтрака в 3 часа было назначено торжественное открытие Собора. Некоторым стало известно, что в ночь на воскресенье Киевский митрополит Филарет без успешно пытался отговорить архиепископа Василия выступать с протестом против "собора 1961 года". Архиепископ Василий поделился этим с одним престарелым архиереем, прошедшим 25 лет в концлагере. Архиерей ответил: "Владыко, те, кто отговаривают вас выступать против собора 1961 г — сволочи".

В три часа делегации собора собрались в Успенском соборе Лавры. Заседание собора должно было состояться в Трапезной церкви. Архиепископ Брюссельский Василий обратился с просьбой к епископу Роттердамскому Дионисию повторить на Соборе речь, сказанную на архиерейском совещании 25 мая в Новодевичьем монастыре. Епископ Дионисий согласился, хотя понимал, чем ему это грозило.

На первом заседании Собора избрали президиум и принимали, приветствуя от прибывших православных и инославных гостей. У каждого участника был свой микрофон и синхронный переводчик. Заседание продолжалось 5 часов.

После заседания епископ Дионисий поделился с Экзархом митрополитом Антонием (Блюмом) просьбой архиепископа Василия. Экзарх горячо этому воспротивился: "Ни в коем случае, вы рискуете жизнью". То же говорили и старые архиереи (они, между прочим, благодарили епископа Дионисия за его выступление 25 мая, т.к. им самим было запрещено говорить). Решили, что содержание речи епископа Дионисия перескажет на Соборе бельгиец.

Второй день Собора был посвящен докладам. Первым выступил местоблюститель митрополит Пимен. То, что он сказал, была правда. Но он сказал только половину правды...

Второй доклад, блестящий по форме и содержанию, сделал митрополит Никодим об участии Русской Православной Церкви в экуменическом движении.

Третий доклад был наиболее удручающим — о так называемом "миротворческом делании" Русской Православной Церкви митрополита Таллинского Алексея. Один западный, нерусский архиерей, был вне себя: "Подумайте, в течение трех часов он лизал пятки советскому правительству".

Во время докладов трибуна была полна гостей, и все микрофоны действовали исправно.

Тут необходимо рассказать о "соборе 1961" года и о том, что ему предшествовало. В начале хрущевского гонения коммунисты старались инфильтрировать Церковь лже-священниками. Для этого грязного дела нашлось только пять человек, в том числе бывший протоиерей Осипов бывший инспектор Ленинградской Духовной Академии. Священный Синод вынес отлучение и предал анафеме вышеупомянутых священников и "всех бывших православных", открыто хуливших имя Божие. Это было очень мужественное деяние Синода. Затем в начале 1963 года Патриарх Алексей выступил с мужественною речью на заседании всесоюзного конгресса в Кремле, в которой он довольно ясно намекал на притеснение Церкви со стороны правительства. За эти два деяния митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) поплатился жизнью. Это была первая жертва хрущевского гонения.

Тогда отступник Осипов указал правительству, как можно изнутри уничтожить Церковь. Именно: отнять власть

у священников (следовательно, и у епископов) и передать так называемой двадцатке, которую легко инфильтрировать, т.к. в СССР существует закон, по которому нельзя отказывать человеку в должности ввиду его убеждений. Правда, этот закон действует в одном направлении, своего рода "sens unique": коммунист может стать членом церковной организации, но верующий никогда не станет чиновником министерства.

Для того, чтобы провести в жизнь это требование правительства, надо было придать ему вид церковного закона, и вот под праздник преп. Сергия, Патриархом были разосланы всем внутрирусским архиереям телеграммы: прибыть на торжественное сослужение у мощей преп. Сергия. Ничего не подозревавшие архиереи прибыли в Загорск. Во время всеобщей разнесся слух, что готовится какое-то совещание. И, действительно, после службы Патриарх пригласил всех архиереев в свою резиденцию и открыл собрание такими словами: "Ваши преосвященства, я пригласил вас скрепить вашей подписью то, что уже решено". Наступило гробовое молчание. Патриарх потом в интимном кругу удивлялся, как это никто не возразил... Но оппозиция дала о себе знать. Самый выдающийся и самый подходящий преемник на Патриарший престол архиепископ Гермоген Калужский и восемь архиереев восстали против неканонического решения. Архиепископ Гермоген был уволен от своей епархии и заточен в Жидовицкий монастырь без права выезда. Этот собор принял кляузу о том, что первый Поместный собор Русской Православной Церкви должен утвердить решение этого собора. Вот почему вопрос о "соборе 1961 года" встал теперь со всей остротой.

Третий день заседаний Собора предназначался для прений по докладам.

Накануне ночью разгорелся горячий спор между архиепископом Василием и митрополитом Никодимом о злополучном "соборе". Митрополит Никодим заявил архиепископу Василию, что он свободен выступать, но что этим причинить Церкви большое зло, т.к. правительство не изменит закона. Лаврское духовенство было взволновано спором: несмотря на тотчас закрытые двери трапезной, где происходил этот спор, слух о нем разнесся по всей Лавре.

В конце концов архиепископ Василий решил отказаться от выступления. Записывались не по старшинству, а по очереди. Во время прений трибуну очистили от гостей (их увезли осматривать достопримечательности Москвы), микрофоны не действовали и синхронный переводчик отсутствовал; прение продолжалось 8 часов. Это была толчея воды в ступе. Пелись только дифферамбы советскому правительству, а когда, наконец, бельгиец хотел выступить и повторить содержание речи епископа Дионисия, митрополит Никодим ловко закрыл прения. Бельгийцы были вне себя. Архиепископ Василий собрал свою делегацию, подал митрополиту Никодиму письменный протест от имени Брюссельско-Бельгийской архиепископии (и, следовательно, Голландского викариатства), что архиепископия не принимает постановлений собора 1961 года, как неканонического.

(Мы пропускаем описание выборов Патриарха, поскольку оно не прибавляет ничего существенного к тому, что у нас уже было сказано).

Возвращаемся к статье "Русской Мысли":

Резолюции по докладам. Первый и второй доклады принимаются единогласно. Третий доклад митрополита Алексея Таллинского, вызывает открытый протест. Встают:

архиепископ Василий, епископ Дионисий и члены Бельгийской делегации. Архиепископ Василий решительно заявляет: "Я не приемлю этого доклада, как односторонне политически окрашенного". Конфуз перед лицом всего мира. Греки ликовали. Архиепископа Василия окружила толпа греческих архиереев выражающих сочувствие. Многие из русских сделали то же, но тайно.

После заседания — поездка в Москву в гостиницу "Россия". По дороге случилась катастрофа: автомобиль регента патриаршего хора налетел на встречный; шоферу переломило позвоночник, ехавшего с ним священника поранило, регент получил сильное сотрясение мозга.

На другой день торжественная интронизация Патриарха...

Затем трехчасовой прием у Патриарха, а на другой день в помещении Совета по Делах Религии (за счет Церкви израсходовано 15 тысяч рублей). Об архиепископе Новгородском Павле один архиерей заметил: "Вся вина владыки Павла в том, что он привлекает молодежь, и вот ему хотят прилепить педерастию. Погубят они владыку Павла, погубят. Раз кто встал на прямую линию — погубят".

Так и получилось. Его убрали и больше о нем ничего не известно. Опала из-за протеста против собора 1961. Это вторая жертва. Первая была архиепископ Калужский Гермоген. Третьей жертвой оказался епископ Дионисий Роттердамский. Его уволили на покой, а на его место назначили епископа Иакова Аккерсдайка,

голландца, перебежавшего карьеры ради из Синодальной Заграничной Церкви в Московскую Патриархию.

Это живое описание Собора 1971 года лишней раз показывает, насколько поработана безбожниками Московская Патриархия. Так было в 1971 году. С тех пор прошло еще больше 15 лет... Поработание усилилось. При выборе кандидатов на освобождающиеся кафедры, отбирали только послушных и браковали более талантливых. За эти годы состав архиереев омолодился, пополнившись за счет уволенных и умерших еще сколько-нибудь сохранявших добрые начала хотя бы в глубине сердца. В этом главная текущая проблема и трагедия Русской Церкви.

XIII. ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 1000-ЛЕТИЯ.

Независимо от планов КГБ положение Церкви в СССР после собора 1971 года значительно изменилось. Хотя КГБ считало себя всеведущим и всемогущим оно не учло внутренней силы веры в русском народе. В этом должен был признаться председатель Совета по делам религии К. С. Харчев на встрече с представителями высшей Партийной Школы в марте 1988 года в Москве [120].

Обозревая прошедшие годы борьбы с религией, Харчев там напоминает, что в конце Второй мировой войны перед лицом роста Церкви на территории, занятой Гитлером пришлось "дать Церкви поблажку". Однако, уже после смерти Сталина, Н. С. Хрущев ждал скорого наступления коммунизма, "поэтому с церковниками надо было кончать в сжатые сроки. Закрывали по 150 церквей в день. В период 1965-1985 годы было закрыто 1300 церквей. В настоящее время действуют 6800 храмов".

Далее Харчев признался: "Мы, партия, попали в ловушку своей антицерковной политики запретов и ущемлений; отсекали попа от верующих, но верующие не стали от этого больше доверять местным органам, а партия и государство все больше теряют над верующими контроль... Перед нами удивительный феномен: несмотря на наши старания, Церковь выжила, и не только выжила, но и начинает обновляться". Признавая, что, как оказалось, религия существует "всерьез и надолго", Харчев полагает, что "искренно верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм... И тут, говорит он, перед нами встает задача: воспитание нового типа священника: подбор и постановка священника — дело партии".

Харчев жаловался, что "в период репрессий и во времена застоя, дело пустили на самотек, предполагая, что религия в соответствующих условиях отомрет сама собою". Он считает, что "наибольших успехов в контроле над религией и подавлении ее инициативы, мы достигли в среде священников и епископов Русской Православной Церкви" (подчеркнуто нами, еп. Г.). Сначала это радовало, а сейчас грозит обернуться непредвиденными обстоятельствами".

Коммунисты, конечно, должны быть встревожены тем, что через 70 лет после захвата ими власти, лицо непосредственно заведующее наблюдением за верующими и борьбой с религией, докладывает им что в населении все еще остается 70% верующих так или иначе.

Однако, для нас остается вопрос: пришло ли время радоваться такому поражению коммунизма в его борьбе с религией? Мы можем радоваться тому, что коммунисты разочарованы и что в данное время меньше преследуют православных христиан но, к сожалению, мы должны быть и обеспокоены тем, что одновременно ведется такая сатанински лукавая работа по "перевоспитанию" иерархии и клира.

Это "перевоспитание" является укоренением их в психологии и взглядах сергианства, то есть поставления выше всех принципов веры, привычки приспособления к требованиям атеистической и антихристианской власти. Если перелом в отношении полного подчинения безбожникам советской власти можно отнести к декларации митрополита Сергия 27 июля 1928 года, то собор 1961 начал эру внесения в церковную идеологию новых обновленческих элементов в виде согласования церковной деятельности с идеями экуменизма и политическими веяниями через участие в советской "миротворческой" пропаганде, создав даже новую область богословия под названием "мирология". Связанная с интерконфессиональными конференциями, как пишет коммунистический историк послереволюционной жизни Русской Церкви Н. С. Гордиенко, в отличие от прошлых лет в 60-х годах идеологи Московской Патриархии заговорили о том, что возникающие перед верующими вопросы Церковь должна решать по новому "применительно к обстоятельствам места и времени". Он ссылается на то, что весьма влиятельный профессор протоиерей В. Боровой заявил на одной из международных христианских конференций: "Мы должны отказаться от благочестивой риторики и устаревших схоластических формулировок не имеющих ничего общего с современной действительностью... Как огня нам надо избегать надоедливое повторения прописных истин и нудных общих деклараций, не имеющих ни конкретного адреса, ни конструктивно-предметной определенности, ни реальных шансов на их претворение в жизнь... Пренебрежение конкретной действительностью составляет историческую трагедию христиан" [121].

Подобно обновленцам Московская Патриархия после собора 1961 года все более усваивала принципы широко идущего экуменизма. Архиереи ее стали участвовать в "экуменических службах". Представители Московской Патриархии (два епископа) участвовали в возглавленном римским Папой экуменическом молении в Ассизи,

вместе с разнообразными и языческими религиями. На страницах журнала Московской Патриархии идеалы социалистического общества стали подноситься не как плод классовой борьбы, а вопреки действительности, как дело любви. "Противостояние прогрессивному изменению общества, говорится в одной статье "Журнала Московской Патриархии", должно быть полностью исключено из жизни Церковью и христианами, поскольку в противном случае они окажутся на службе идеологии эксплуатации, насилия, контрреволюции".

В другой статье, под заглавием "Христианство и революция" в "Журнале Московской Патриархии" (№9 за 1967 г., стр. 40), читаем следующее: "Наша действительность побуждает христиан богословски осмысливать как самое понятие революции, так и ее проявление в мире сегодня, равно как и в отношении христиан к вопросу реального участия в ней. Это осмысливание имеет своим планом не только анализ прошлого, но и освоение опыта настоящего бытия христиан в революции и их служения в революционной ситуации и в обществе, где революция победила".

Не буду умножать цитат из "Журнала Московской Патриархии, в которых развивались эти идеи, так называемого "богословия революции" после 1961 года. Много подобного было высказано в докладе от лица Русской Церкви на экуменической конференции "Церковь и общество" в 1966 году под заглавием "Требования и уместность богословия по отношению к социальным революциям нашего времени".

В искусственно придуманном "богословии революции" (меньше всего связанным с каким бы то ни было богословием вообще), епископы и сотрудники Московской Патриархии лукаво подменили истину ложью. Церковь в лице святых Отцов никогда не призывала к революциям даже против тех правителей, которые ее жестоко преследовали. Первым революционером в ее глазах является сатана, восставший по гордости против своего Создателя и ставший источником лжи, покровительства и даже терпимости к Церкви только под покровом лжи. Мы видели, как такая ложь в устах Сталина, когда он принимал у себя трех митрополитов и сулил им много благ, превратилась в порабощение Церкви, когда тут же, вслед за щедрыми посулами, он ошарашил их назначением для ведения церковных дел того же самого Карпова, который был им хорошо известен как беспощадный гонитель Церкви.

Достаточно внимательно прочитать упомянутый и цитированный выше доклад К. С. Харчева, чтобы увидеть, что, убедившись в жизненности Церкви, атеисты теперь ищут новых путей, более успешных для борьбы с нею.

Важным методом в этой борьбе была инфильтрация клира. Недавно (17 июня 1988 года) в "Вашингтон Пост" была напечатана интересная статья бывшего довольно важного работника КГБ, выступающего под именем Виктора Орлова.

Он пишет: "Доказательство проникновения в Церковь КГБ исходить из моего собственного опыта, как чина разведки КГБ. Среди других молодых чинов мне предложили несколько лет тому назад место в Духовной Академии — высшем учебном заведении, при ее главной квартире в Загорске, недалеко от Москвы. Это особое место в Академии (из числа вакансий для КГБ, без обычного конкурса при вступительных экзаменах) предоставляет "блестящую карьеру" в церковной иерархии и значительные материальные доходы. Я отказался, но среди желающих принять это предложение, недостатка не было. Нет способа узнать, сколько членов церковной иерархии связано с КГБ в настоящее время, но нет сомнения, что КГБ управляет ключевой деятельностью церковной иерархии".

Однако, для атеиста притворяться верующим и жить постоянно в такой чужой среде, не выдавая себя, очень трудно. Поэтому надо полагать, что состав таких атеистов не может быть многочисленным". Вместе с тем в Советском Союзе люди привыкли приспособляться. Вследствие этого могло случиться, что всеведующее КГБ не заметило, как возросло число верующих.

Но, заметив это, в старании выполнять затеянную Горбачевым "перестройку", может все больше начинаться обнаруживание того, что, почувствовав меньше опасности, люди начнут скидывать некоторые личины. Смещение Церкви с коммунизмом может постепенно выветриваться. Харчев не высказывает такой тревоги. Он как будто мирится с пережившей обстановкой. Он даже высказал готовность разрешить Церкви иметь воскресные школы и вернуть ей права на владение.

Очевидно, он вызвал этим в аудитории коммунистов некоторое недоумение. И я тоже против преподавания в школе Закона Божия. А что делать? В средней Азии сотни подпольных медресе и преподавание там, на средневековом уровне, дремучее отношение к власти и неверным. Я выходил с этим вопросом об образовании на верхах и получил по шапке: "Дожили. На 70-м году советской власти воскресные школы. Ты в своем уме? Что люди скажут?" Прошу понять меня правильно. Я против воскресных школ, но надо же что-то делать".

Н. С. Харчев делал этот доклад перед аудиторией своей коммунистической партии, исходя из служения интересам этой партии. Он говорил, по-видимому, довольно откровенно. Но кроме этого материала, мы еще имеем его беседу с корреспондентом журнала "Огонек", напечатанную там в мае 1988 года в №21 под

заглавием "Совесть свободна". Тут он, конечно, был осторожнее, чем перед партийцами. Он старался представить дело так что, мол, гонения на Церковь, якобы, не были связаны с Лениным, а были только общим явлением одновременным со сталинскими преследованиями старых партийцев. Его тезис: "Церковь испытала то, что испытало и все общество, в том числе и административные, жестоко-бюрократические методы управления". "Я имею в виду, — сказал он — законодательство 1929 года с его мелочной регламентацией, с его стремлением предупредить буквально каждый шаг каждое действие Церкви и, таким образом лишаящее ее всякой самостоятельности. Только суровая действительность военных лет заставила Сталина изменить отношение к Русской Церкви". Харчев старается убедить читателя, что анти-коммунизм и непринятие революции были только делом Патриарха Тихона и иерархии, а что весь верующий народ якобы, поддерживал коммунистическую революцию. Верующие, в его представлении составляют меньшинство, но все-таки многочисленное, около 70 миллионов. Поэтому с ними приходится считаться.

Надо отдать справедливость корреспонденту "Огонька", что он правильно ставил вопросы и Харчеву нелегко было доказывать ему, что, например, Хрущев "не испытывал к Церкви какого-то особенного злого чувства". Можно допустить, что это правда, а главным было его убеждение в правоте коммунизма и увлечение некоторыми его успехами. Харчев может быть и прав: "При быстром подъеме закружилась голова. Отсюда — коммунизм, который уже не за горами, отсюда — уверенность, что раз нам подвластна сложнейшая техника, то уж с человеком, во всяком случае, мы справимся наверняка: отсюда стремление в кратчайшие сроки покончить с религией, ибо при коммунизме не должно быть ни Церкви, ни верующих".

Сам Харчев слишком хорошо знаком с этой проблемой, чтобы быть таким узким оптимистом. Он говорит: "Но ведь религия — это убеждение. Пусть с нашей материалистической точки зрения ошибочное, но тем не менее владеющее помыслами и сердцем человека. Человеческое сознание, тем более сознание верующего, приказом не переменить".

Тут корреспондент процитировал Харчеву документ 1961 года: решение исполкома Слободского (Кировская область) городского Совета трудящихся: "Рассмотрев ходатайства общественных организаций: кинотеатра Аврора, дошкольного детского дома, детского сада №2, милиции, госрайвоенкома и других организаций и отдельных граждан о запрещении колокольного звона, мешающего гражданам сосредоточенно просматривать кинокартины в театрах, нормальному отдыху детей в детских учреждениях и гражданам в квартирах после трудового дня и, руководствуясь инструкцией по применению законодательства о культурах, исполком горсовета решает: запретить колокольный звон в Екатерининской церкви".

Харчев признал, что это решение есть грубое нарушение законодательства о религиозных культурах, но тут же признал и то, что "к сожалению, и поныне в ряде городов и целых областях колокольный звон находится под запретом". Он прибавил к этому: "Последствия этого административного зуда: закрыть! Закрыть, во что бы то ни стало!, мы ощущаем и сегодня. Только в текущем году в Совет по делам религии при Совете Министров СССР, поступило больше трех тысяч жалоб от верующих. Приходится сталкиваться с проявлениями дичайшего бюрократизма... Годы могут идти споры, допустимо ли построить новое молитвенное здание или реконструировать старое так, чтобы у него был купол".

Что же мы видим теперь при "перестройке" Горбачева?

С одной стороны декларативное улучшение правового положения Церкви вплоть до допущения широкого празднования 1000-летия Крещения Руси и передачи Церкви ряда святынь и некоторых монастырей с разрешением их возобновлять. Церкви разрешили пользоваться новым Уставом, устранившим Положения соборов 1945, 1961 и 1971 годов и частично приближающегося к определениям 1917 года. Я еще вернусь к нему, когда перейду к постановлениям собора 1988 года.

Сейчас хочу только отметить, что как доклад Харчева, так и его беседа с корреспондентом, свидетельствуют о том, что если в центре и есть вынужденная готовность несколько улучшить положение Церкви, то к этому совсем не готовы очень многие уполномоченные на местах. Очевидно, вообще знаменитая "перестройка" во многих случаях встречает сильные противодействия закоренелых коммунистов. В своем интервью для "Огонька" Харчев говорил о перемене сталинской политики в отношении Церкви: "В самом деле: после полутора десятков лет безжалостных гонений, резко переложить руль и перейти, по сути, к ленинским принципам" оказывается нелегко. Можно понять, что для многих коммунистов трудно согласиться с более либеральной политикой Советов по отношению к Церкви. Поэтому мы не должны все их уступки принимать слишком радужно, особенно, когда в виде некоего "идеала" нам представляют "ленинские принципы". Ведь начались-то гонения именно при Ленине, и именно при нем Церковь была лишена всех прав!

В данное время, то есть осенью 1988 года, трудно говорить об юридическом положении Церкви и верующих. Трудно потому, что с одной стороны мы видим продолжающиеся примеры преследований, и с другой — читаем о многих поблажках. Не буду здесь ссылаться на разные сообщения пострадавших. Более убедительным

свидетельством будут слова председателя по делам религий при Совете Министров СССР Харчева, который в уже цитируемой мною беседе с корреспондентом "Огонька", сказал: "вместо того, чтобы в рамках существующего законодательства (а оно при всех своих недостатках представляет такие возможности) постараться облегчить духовную жизнь верующих, иные руководители не упускают случая, чтобы не соорудить завал буквально на ровном месте... При чем всем ясно, кто чинит препятствия: городской архитектор, секретарь районного или городского исполкома, и другие представители советской власти — все, как правило, люди партийные. И что же они говорят верующим? Этот крест будет виден из окон школы! Нельзя! Или купол нарушит архитектурный ансамбль! Или эту вывеску "Баптистский молебельный дом" — надо снять! А какой-нибудь особо ретивый уполномоченный Совета возьмется определять, сколько минут можно звонить в колокола... Даже расписание в церковь пришлет. Отменили порядок, при котором родители, собиравшиеся крестить своего ребенка должны представлять паспорта, — незаконный, кстати, порядок — а с мест сообщают: не мытьем так катаньем: теперь требуют метрики, другие документы". Корреспондент досказал, что за этим следует, и Харчев этого не оспаривал: "Все дальнейшее, никакого секрета не составляет: следует сообщать по месту работы, обсуждение на собрании, карикатура в стенгазете, а то и административные меры".

На вопрос о том, не может ли в будущем последовать "закручивание гаек", Харчев ответил что "об этом не может быть и речи". Но менее утешительны его заключительные, пояснительные слова, в которых он цитирует слова, сказанные Горбачевым на приеме архиереев: "Мы в полной мере восстанавливаем сейчас ленинские принципы по отношению к религии, Церкви, верующим".

Спрашивается, насколько это может быть обнадеживающим для Церкви?

Мы видим, что так называемая "перестройка", объявленная Горбачевым проходит не легко. Она встречает противодействие старого партийного аппарата, в частности и потому, что серьезная перемена в хозяйственной области для многих влиятельных членов коммунистической партии связана с неприятными для них лично материальными переменами. Что касается идейных коммунистов, то их, очевидно, возмущает всякая уступка власти по отношению к религии. Поэтому надо ожидать, что перемена политики не может пройти легко и быстро. Но главное в том, что со стороны иерархии в данном ее составе нам трудно ожидать, что она со своей стороны будет делать какие-либо попытки переменить положение, используя удачный момент. При этом надо иметь в виду, что рост религии может вызвать в коммунистической партии такую тревогу, что она найдет новые формы борьбы с распространением веры, угрожающей самому ее существованию.

В. Альбрехт в докладе семинару Огородникова с большим знанием дела перечисляет много противоречий, возникающих в связи с практическими попытками с одной стороны осуществить насильственное насаждение атеизма, а с другой — необходимостью считаясь с фактом силы религии, международных обязательств обеспечить ее свободу, как и свободу других факторов текущей жизни. Он заключает: "Законодательство о культурах содержит как вероятно почти каждое законодательство, некоторый перечень запретов и разрешений. Но видимо специфика отрасли оказалась таковой, что не всегда ясно, где кончается запрет, где начинается разрешение, и каким целям они служат. Примеров тому много".

В положении Русской Церкви последних десятилетий В. Альбрехт видит три этапа:

"Первый из них заканчивается тогда, когда стало ясно, что Церковь не захочет сама по себе и количество верующих никогда не будет "столь незначительным, что все приходы можно будет закрыть "по просьбе трудящихся". Второй этап протекал тогда, когда государство пыталось проникнуть, проконтролировать и управлять всеми сферами и ячейками экономического бытия. Церковь не была исключением, ее пытались интегрировать в систему государственного управления и создать какой-то правовой механизм для обслуживания ее нужд. Этот этап, по-видимому, заканчивается на наших глазах. Теперь много говорят о так называемом "бригадном порядке", то есть отделенной от государства инициативе, связанной с ним договорными отношениями. Скорее всего, эта идея не обойдет и Церковь".

От себя скажем, что приемлемость для Церкви этой последней фазы будет зависеть от того, насколько само государство под влиянием населения утратит специфические атеистически-коммунистические черты и враждебные всякой религии цели.

Вопрос о такой возможности еще недавно было бы нелепо возбуждать даже и отвлеченно. Теперь же и сам атеистический надзиратель за делами религии Харчев, как мы видели выше, отмечает неожиданное для властей возрождение веры и признает, что власти вынуждены с этим считаться. На том же семинаре, созванном Огородниковым, Валерий Борщев сделал весьма интересный доклад: "Христианская общественность: вчера, сегодня, завтра". Он начинает с того, что напоминает о том, как православные старушки составляли главные группы верующих при всех храмах.

В. Борщев справедливо воздает им хвалу, как важному фактору сохранения веры. Их подвиг заслуживает того, чтобы привести это свидетельство целиком.

"Да, в церкви всегда много старушек. Много их было и в 40-е, и в 50-е, и 60-е и в 70-е годы. Много их и сейчас — в 80-е годы. Так что же, в течение этих 40-50 лет в церковь ходят одни старушки? Вроде бы долгожителей у нас не так уж много. Или все к пенсии приняли крещение? Само собою понятно, что эти старушки и в молодости были верующие, да, видно, что-то им мешало открыто исповедывать свою веру. И выбирали тайную форму исповедания. Тайную, но не пассивную. Это они, внешне безмятежные, везли крестить своих внуков и соседских детей, учили их молитве, водили в храм. Это они останавливали богохульника в доме и на улице. Это они поддерживали кровом и хлебом монахов из закрытых монастырей. Это они были главными помощниками священников на приходах. Это они переписывали от руки Евангелие, молитвослов, которые десятилетиями не издавались у нас. А кто сейчас борется за открытие храмов? Нет, не были они покорны воле атеистов, не мирятся с унижением Церкви и сегодня".

В. Борщев говорит, что лет 20 тому назад начался в СССР процесс, который принято называть религиозным возрождением.

Молодые и не очень молодые люди стали тайно приходить в церковь и к своему удивлению встречали там своих знакомых. "Так стали возникать небольшие группы верующей молодежи, интеллигентов, которых можно считать зародышами ныне существующей христианской общественности, но лишь зародышем".

Держались такие группы тайно от окружающих. Священники им тоже это советовали: "Будьте как все, поступайте как все, можно и комсомольцем, даже и членом партии быть, только ничего против веры не делайте, ни в чем атеистическом не участвуйте, веру свою скрывайте, но не отрекайтесь от нее ни в какой форме. О проповеди, о миссионерстве, речь в те времена и не заходила обычно. Позиция эта, вызывающая сегодня осуждение, тогда, лет 20-25 тому назад воспринималась с пониманием".

И вдруг, плотина прорвалась: начались открытые выступления верующих. По-видимому, первым выступлением в этом отношении был доклад священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана, который получил известность. Он явился толчком для возникновения церковного самосознания... За ним стало известным обществу великопостное послание Патриарху Пимену Александра Солженицына. "Появление же сборника "Из под глыб", опубликованных в нем статей А. Солженицына, его письма "Жить не по лжи", явилось точкой современного нравственного императива. Они способствовали формированию уже системы мировоззрения христианской общественности. Далее последовали выступления таких священников как о. Глеб Якунин о. Димитрий Дудко, о. Всеволод Шпиллер и др. Стали возникать общины, братства, кружки, семинары, как семинар Александра Огородникова. Возникли самиздатские религиозные журналы.

Но, говоря о "старушках", надо заметить, что не всегда их деятельность протекает гладко и незаметно. Они стоят, так или иначе, за многими выступлениями защитников Церкви. Если Харчев говорит о том, что поступило 3000 протестов, то это значит, что такое количество людей ради Церкви показало свою готовность подвергнуть себя опасности столкновения с властями, столь опасными в СССР. Валерий Борщев в своем докладе на семинаре привел несколько ярких примеров. Приведу один особенно яркий и трогательный случай. Борщев пишет: "Мы здесь слышали выступление Анастасии Тихоновны Клейменовой из Липецкой области, села Большой Хомутец. Выступление, проникнутое высокой страстью и большой болью. Она и 1200 ее земляков-единоверцев из 12 сел, вот уже 12 лет добиваются регистрации православной общины и открытия храма. Каким только гонениям она не подвергалась. Ее, пожилую женщину, мать пятерых детей, абсолютно лояльного к советской власти человека, на виду у всего села забрали в психбольницу с милицией, штрафовали, жестоко избили — она получила сотрясение мозга, перелом руки, руководство отбирало накошенное ее детьми сено для коровы. И это только за то, что она и ее земляки просят открыть у них храм. Это, что ли, называется религиозным экстремизмом? Какую же надо было иметь силу духа, чтобы претерпеть все эти гонения. Но Анастасия Тихоновна продолжает борьбу за Церковь и сегодня".

А вот другой случай, из нескольких приведенных в этом же докладе: Людмила Леванова из Павлограда. Она бывала на заседаниях огородниковского семинара. "Простая женщина, но каждый из нас чувствовал в ней человека ясного, природного ума, высокой духовной силы, большого гражданского мужества. У себя в городе она стала добиваться ремонта храма. Дело, казалось бы, обычное, но каждый присутствующий здесь знает, что такое добиться от местных властей разрешения на ремонт храма. Она неоднократно ездила в Москву, в Совет по делам религии. В итоге на нее завели дело. Чем только не страдал ее местный прокурор. К ней подсылали людей, которые угрожали ей убийством. Архиепископ Симферопольский Леонтий, благословивший вначале добиваться ремонта храма, отлучил ее от причастия, требуя, чтобы она покаялась перед властями. На вопрос Людмилы: "в чем?" — угрюмо молчал. Правда, после письма о. Г. Якунина Патриарху, он снял этот запрет, но ее еще долго травили в городе". Людмила, в конце концов, добилась успеха, но после каких усилий и страданий!

Без малейшей объединяющей организации, тихая стойкость "старушек" постепенно слилась с активностью

более молодых ревнителей веры.

Постепенно проявления неудовольствия и протестов стали расти. Мы видим из приведенного заявления Харчева, что власти вдруг увидели, что религиозное движение не ограничивается одними старушками.

Валерий Борщев пишет: "23 мая 1987 года мы, 9 православных христиан обратились с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в котором говорилось о том, что необходима перестройка в отношении Церкви и государства. В этом письме подчеркивалось, что верующие должны иметь возможность жить согласно своей вере, как понимают ее они сами, а не так как ее толкуют те, кто видят в ней убогую смесь предрассудков, а самих верующих считают людьми второго сорта. Мы поставили вопрос об изменении законодательства о религиозных общинах в частности, исключения ст. 17-й".

Для ясности, о чем идет речь, надо полностью привести здесь эту статью постановления 1929 года:

"Религиозным общинам воспрещается:

- а) Создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом в каких-либо целях, кроме удовлетворения религиозных потребностей;
- б) Оказывать материальную поддержку своим членам;
- в) Организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки, читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных заведениях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа" .

Обращение 9 православных деятелей сначала вызвало "традиционную" реакцию. "В наш адрес — пишет Борщев — посыпались гневные слова, угрозы, как со стороны представителей власти, так и иерархов Церкви. Но прошло немного времени и ситуация изменилась. Авторы письма стали приглашать для беседы в Совет по делам религий".

Можно понять, что серьезная, действительная перемена, будет складываться не легко и мы можем только молить Бога, чтобы Он остановивший попытки безбожников уничтожить в России всякую веру, помог бы действительному освобождению Его святой Церкви.

Как идет приготовление нового закона о религии, и кто его составляет, мы, конечно, не знаем. Некоторый свет по этому вопросу проливает бюллетень Всемирного Совета Церквей "Экюменикал Пресс" в 37 номере за 18-24 сентября 1988 года.

Там сообщается, что в Женеву, в Мировой Совет Церквей, прибыл председатель Совета по Делах Религий Харчев в сопровождении двух помощников. С ним был также Ленинградский Митрополит Алексей и архиепископ Смоленский Кирилл а также баптист Бычков, армянский епископ и архиепископ эстонских лютеран.

Харчев сказал, что руководящим принципом нового закона о свободе совести и религии, который теперь вырабатывается, будет: то, что не запрещено, — разрешается. Он будет касаться таких вопросов как юридический статус церквей, запрещения

1929 года благотворительной деятельности религиозных организаций и большей свободы религиозного воспитания и обучения.

Он сказал также, что больше не будет секретных директив или декретов, направляющих советскую религиозную политику, и что в отношении каждого проекта "мы совещались с нашими религиозными активистами".

Харчев указал на вновь открытые церкви и монастыри, новопостроенные места молитвы и усиление богословского образования, как и на другие плоды новой советской политики. В первые восемь месяцев этого года, по его сообщению, могли начать функционировать 400 новых религиозных общин.

Харчев указал на трудности на пути выработки нового закона. "Главное для нас — сказал он — чтобы религиозные организации подчинялись закону... Но эти законы должны быть действительно справедливыми. Эти реформы, — добавил он — являются частью "построения справедливого социалистического государства".

Харчев сказал, что Советский Союз "не атеистическое государство, а скорее внерелигиозное (религиозно-нейтральное)". Это заявление его довольно новое и едва ли может быть обосновано на текстах законов. Едва ли он мог бы обосновать такое определение, поскольку в основе государства все-таки лежит коммунизм, который проповедует атеизм. Харчев признавая, что согласно официальному учению "полный коммунизм означал бы конец религии, сказал, что такой день еще далек. В предвидимом будущем коммунисты и религиозно-верующие должны жить во взаимном уважении. Для нас остается вопросом, как это будет осуществляться на деле? Мы можем не сомневаться, что будет достаточно сильных защитников коммунистических позиций. А кто защитит действительную свободу Церкви при давно сдавшейся безбожникам иерархии, является тревожным вопросом.

XIV 1000-ЛЕТИЕ И СОБОР 1988 г.

Празднование 1000-летия Крещения Руси произошло в очень благоприятный момент для Церкви. Почти одновременно с торжествами в Москву приезжал президент Соединенных Штатов Америки Рональд Рейген. Для советского правительства, по общему международному положению, и экономическим проблемам внутри страны, важно было показать свободу религии и внимание к ней правительства. Вместе с тем недавно открытое значение веры в СССР несмотря на многие годы гонений, способствовало размеру празднования и привлечения к участию в нем большого количества людей. "Перестройка" отношении с Церковью стала необходимостью для советского государства, как это видно из приведенных в предыдущей главе свидетельств председателя Совета по делам религий К. С. Харчева.

Одновременно с торжествами, 6 июня 1988 года происходили заседания открытого церковного собора в Троице-Сергиевой Лавре. Собор начался с прославления девяти святых. Не хотели ли этим прославлением затушевать гробовое молчание к памяти бесчисленных новомучеников, пострадавших от атеистической советской власти?

На втором заседании собора, управляющий делами Московской Патриархии и митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир, сделал доклад о жизни Церкви. Он дал важные статистические данные. В настоящее время в Русской Церкви 6,893 прихода, 67 епархий, 74 епископа, 6,674 священника, 723 диакона, 21 монастырь, с общим числом 1,190. насельников. В двух Академиях, в общей сложности, обучается 1,999 человек, включая учащихся в заочном секторе и в регентских классах. С сентября 1987 года началось увеличение количества приходов: более 60-ти новых общин возникло за пять месяцев этого года.

Большое значение имеет принятый собором 6-9 июня 1988 года, новый Устав Русской Православной Церкви. Он, конечно, лучше прежних уставов, начиная с Положения 1945 года, но очень далек от совершенства.

Основательная критика нового Устава написана Виктором Антоновым, но не была опубликована вне самиздата. Он сравнивает новый Устав с Уставом Всероссийского собора 1918 года, но не останавливается на важном каноническом упущении или, строго говоря, антиканоническом нововведении по сравнению с определениями собора 1917-1918 гг. В пункте 1-м 2-го отдела под названием "Поместный собор", значит: "В Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда — законодательная, исполнительная и судебная, принадлежит Поместному собору". В следующем 2-м пункте, состав этого собора определяется из архиереев клириков и мирян. Таков же был и состав первого Всероссийского собора в 1917 году. Однако, там была сделана значительная каноническая поправка в том, что собор архиереев должен был утверждать все определения пленума, то есть решающей инстанцией все-таки был собор архиереев, без клириков и мирян. В новом положении в ст. 5-Е "Собор с клириками и мирянами", наоборот, "утверждает постановления архиерейского собора". По статье 4, 3-го отдела "Архиерейский собор подотчетен Поместному собору". Это совершеннейший канонический нонсенс: чада, никаким каноном не предусмотренные в качестве судей, оказываются судьями архиереев, участвуя в суде по апелляции.

Как известно, вопрос об участии на соборах представителей клира и мирян еще до Всероссийского собора, всесторонне обсуждался на предсоборном совещании и в церковной печати в России до 1917 года. Не надо быть ученым канонистом, чтобы знать, что в книге Правил, ни в одном каноне вообще не предусмотрено участие клира и мирян в соборах, а тем более в церковном суде над епископами. Таким образом, новое Положение переворачивает канонический порядок вверх ногами. Увлеченный демократией и соблазненный архиереями, изменившими истине, В. Антонов этого не сознает.

Поместный собор, по новому Положению, должен собираться не реже одного раза в 10 лет. Виктор Антонов замечает: "и то хорошо". В прежнем Положении значилось только "периодически", то есть без всякого определенного срока, а по Уставу 1918 года был междусоборный срок в 3 года.

Виктор Антонов сравнивает новое Положение с Положением 1917-1918 гг. и частично 1945 и 1961 гг. В отношении последнего можно сказать, что новое Положение имеет некоторые преимущества, по крайней мере исправляя положение настоятелей в приходе. Впрочем, есть одна неясность: по 25-му параграфу отдела ("Приходское собрание"), значит, что "Председателем приходского собрания избирается настоятель"... Спрашивается, почему "избирается", если не указана другая альтернатива? Далее выясняется, что раз в году

настоятель может председательствовать на общем собрании, но по новому Уставу он не только не председательствует в приходском совете, но и не входит в его состав. Приходской совет - это только староста, его помощник и казначей. Впрочем, не исключается возможность избрания настоятеля. Антонов отмечает, что в новом Уставе нет ни слова об ограничении прав в приходе для уклоняющихся от ежегодной исповеди и причастия лиц, состоящих в открытом внебрачном сожителе и т.п. Он справедливо заключает: "Так как новый Устав ничего нового не вносит в приходскую жизнь в отношении христианского просвещения, благотворительности и консолидации, а лишь подробнее описывает и кодифицирует уже существующую практику, то можно откровенно сказать: он не источник ожидания прихожан, надеющихся на создание подлинно православных приходов в стране". Не надеется он при нерешительности архиереев и на "радикальный пересмотр действующего религиозного законодательства, которое по-прежнему, скорее всего, останется все тем же антирелигиозным то есть враждебным к любой приходской деятельности, кроме богослужения... Рассчитывать приходится лишь на одну важную особенность здешнего положения: разрешать все, что не запрещено. Значит, Церковь может, если захочет, свободно заниматься и просветительной, и благотворительной, и любой другой необходимой деятельностью. Но этого не предусмотрено в ее собственном уставе. Вряд ли власти формально запретят в новом законодательстве эти виды деятельности. Следовательно, все будет осуществимо, и будет зависеть только от желания церковного начальства. На него, в свою очередь, может повлиять формирующееся церковно-общественное мнение. Вопрос только: повлияет ли?"

Остается еще отметить, что в имущественных вопросах новый Устав исходит из прежнего Положения. В VIII парагр. 4 гласит: "Приходская община может получить от местной государственной власти в бесплатное пользование предоставляемый ей храм и церковную утварь и иное имущество. В таком случае, она несет ответственность за сохранение этого имущества".

Это значит, что церковный закон признает, что все святыни Русской Церкви принадлежать атеистическому государству и Церковь может только пользоваться ими, постольку и дотол, пока они передаются ей в пользование врагами Божиими. Это надо иметь в виду, когда люди радуются передаче Церкви Саровской Пустыни, части Киево-Печерской Лавры и проч. Будет ли новый закон при Горбачеве отступать от ст. 12 ленинского декрета 1918 года об отделении Церкви от государства, который гласит: "Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют"?

Вообще, надо сказать, что юридические вопросы в отношении общих прав Церкви в СССР, чрезвычайно запутаны и в ряде случаев противоречивы.

Советская Конституция указывает, что "высшая цель советского государства – построение бесклассового коммунистического общества", а главная задача – "воспитание человека бесклассового общества".

В очень интересном исследовании Владимира Альбрехта "Религиозное законодательство: проблемы и реальность", он пишет: "Но право отправлять религиозные культы, установленное ст. 52, будучи несовместимо с атеистическими идеями научного коммунизма, которыми руководствуется советский народ в строгом соответствии со ст. 39, не должно было реализоваться, поскольку реализация этого права вполне определенно нанесла бы ущерб интересам коммунистического государства и общества. Более того, право верующих объединяться в религиозные организации с этой точки зрения, тоже выглядит сомнительным". Имея в виду, что по ст. 51 граждане СССР имеют право вступать в различные общественные организации, Альбрехт пишет: "Но вопрос в том, может ли верующий поддерживать морально и материально атеистическую пропаганду? Такое положение связано с тем, что руководящим ядром всех общественных организаций является КПСС, проповедующая непримиримый атеизм" [122].

Докладывая собору проект нового Устава, архиепископ Смоленский Кирилл сделал оговорку, что настоящий Устав может быть изменен в случае принятия нового законодательства о культах, которое разрабатывается в настоящее время.

Уже по окончании Собора по этому вопросу сделал важное заявление председатель президиума Верховного Совета СССР Громько на довольно необычном приеме участников празднования 1000-летия Крещения Руси. По окончании своего приветственного слова, адресованного всем присутствующим, А. А. Громько отвечал на предложенные ему вопросы.

По официальному сообщению Патриархии об этом собрании, "в своих ответах он сообщил о скором окончании работы над разработкой нового религиозного законодательства, отметив, что в условиях перестройки и развития демократии, легче будут решаться вопросы открытия новых приходов и других религиозных общин. Относительно предоставления Церкви прав юридического лица было сообщено, что этот вопрос находится в стадии изучения, результаты которого найдут отражение в новом законодательстве о религиозных объединениях. На вопрос о возможности для Церкви благотворительной деятельности, был дан в целом положительный ответ".

Из работы собора 1988 года особенного внимания заслуживает доклад митрополита Минского и Белорусского Филарета "Внешние связи Русской Православной Церкви". В этом докладе, довольно длинном, дается

очертание как истории внешних сношений Русской Церкви за 1000 лет так и развитие экуменизма. Прежде всего надо сказать, что история тут "причесана" так, что ее едва можно узнать. Острота борьбы за сохранение в России Православия от наступления римо-католичества и протестантизма с Запада, крайне смягчена. Один только Хомяков назван как представитель православной святоотеческой экклесиологии. Зато, значение раннего труда Митрополита Филарета Московского, в бытность его еще молодым архимандритом не вполне еще освободившегося от влияния западного богословия и не связанного с его последующими трудами, слишком раздуто. Консервативное, ортодоксальное богословие в области экклесиологии (учете о Церкви), представлено там крайне несовершенно. Минский митрополит Филарет глубоко ошибается, когда пишет, что соименный ему Митрополит в бытность молодым архимандритом, делал только догадку, как значится в докладе, что "даже Церкви, которые не соблюли во всей чистоте истинного вероучения, непостижимым образом сопричастны тайне христианского единства".

Докладчик, все-таки, прибавил важную оговорку: "Конечное суждение в данном случае, принадлежит только Главе Церкви — Христу". Докладчик, однако, очень ошибается, когда утверждает, что своим экуменическим суждением Митрополит Филарет опередил свое время не только на Востоке, но и на Западе. Он его не опередил, ибо это давнишний протестантский взгляд, который до развития нашей собственной науки, через масонство проник к нам с Запада.

Чего также никак нельзя не поставить в укор докладчику, это то, что он, перечисляя русских богословов, которые (кроме Патриарха Сергия) не оставили богословских трудов по экклесиологии, совсем не упомянул важных трудов протопресвитера Е. Аквилонова и неприемлемых для советчиков и никогда не упоминаемых в трудах Московской Патриархии Митрополита Киевского Антония (Храповицкого) и автора капитального труда "Очерки из истории догмата о Церкви" священномученика Архиепископа Илариона (писанного пока он еще не был пострижен с именем Владимира Троицкого). Другой его труд, подписанный им как архимандритом Иларионом, был напечатан в одном из последних выпусков органа Московской Духовной Академии "Богословском вестнике" в 1917 году. Этот труд под заглавием "Единство Церкви и Всемирная Конференция Христианства", был переиздан отдельным выпуском в Бразилии. Докладчик собору даже не решился упомянуть этих двух виднейших продолжателей в России дела А. С. Хомякова. Он также представил собору дело экуменизма, совершенно не упоминая учения о единстве Церкви святых Отцов, в частности, св. Ириней Лионского, св. Киприана Карфагенского, свв. Василия Великого и Иоанна Златоустого, а также только что прославленного Московской Патриархией Феофана Затворника.

Христианство еретиков, сущее вне таинственного Тела Христова, не принадлежит к этому Телу. Таково согласное учение всех святых Отцов. Понятие об едином христианстве разномыслящих общин идет не от святых Отцов Церкви, а от протестантов не верующих в существование одной истины, и ищущих ее в экуменическом разнообразии мышлений.

Церковь в докладе митрополита Филарета Минского представляется не избранной частью человечества, выделенной из него, а как часть всего человечества без различия веры. "Искушение и спасение, совершенные Иисусом Христом, — пишет он, — преобразили все творение... соединяет во Христе всех людей во всемирное братство". То, что апостол Павел высказывал как пожелание верующим или о чем писал, как о наступающем новом веке (после конца земного мера), докладчик представляет как относящееся к современному миру, забывая, что по слову апостола Иоанна "мир во зле лежит" (Иоан. 5. 19). Апостол противопоставляет этот мир Церкви, но докладчик-экуменист не хочет видеть того, что по воле Божией жизнь сынов Церкви выделяется из жизни мира сего, которому она не сродна. В своих духовных муках в Гефсиманском саду Спаситель молился об апостолах и о тех, кто уверует по слову их. Он молился об их единстве, а не об единстве их с миром неверующих: "Я о них молю, не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои" (Иоан. 17. 9).

То, что преподано Спасителем Церкви, выделенной из остального человечества, нынешние экуменисты, в том числе и Московской Патриархии, относят ко всему человечеству. Обетование нового мира после Второго пришествия Спасителя, теперь делают целью мира, создаваемого руками человечества. Ватикан связывает наступление такого нового мира с пришествием на землю Мессии, подготовленным ныне совместно и Римом и Иудеями. Константинопольский Патриарх в приветствии ватиканской делегации в 1985 г. указывал этапы: восстановление полного общения с католиками, объединение всех христианских исповеданий и, наконец, объединение всех существующих религий, всего человечества. Минский митрополит Филарет ставит целью "воссоединение всех христиан" в проповеди "слова Божия о всемирном спасении, в сотрудничестве во всех сферах общественной жизни на благо человечества". Он говорит о нашей ответственности в мире "за его постоянное духовное обновление и социально-политическое совершенствование". В последнем должно найтись место и для отвергающего Бога коммунизма.

Характерно, что экуменисты Московской Патриархии, как и все прочие экуменисты, ожидают на земле некоего "нового мира", объединяющего все человечество, но не вспоминают того, что только поставленные на

Страшном суде справа, войдут в Царствие Божие в преображенном мире.

XV. МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ И РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ

До революции 1917 года Российская Церковь имела вне границ своего государства епархии в Северной Америке, Японии и Персии, духовные Миссии в Иерусалиме и Корее, а также много польских и иных церквей в разных странах. Заграничные епархии и Миссии были в непосредственном ведении Святейшего Синода, а посольские и иные заграничные церкви, подчинялись ему через митрополита Петроградского.

Во время гражданской войны, начавшейся после захвата власти коммунистами, большие области на Юге России и в Сибири, оказались оторванными от сношений с Патриархом Тихоном. Архиереи в этих областях не могли направлять к нему никаких дел и получать от него указаний. Между тем, жизнь шла и возникали проблемы, превышающие компетенцию епархиальных архиереев. Сама жизнь, таким образом, потребовала создания местных органов Высшего Церковного Управления, что и было осуществлено на юге России и в Сибири.

Высшее Церковное Управление на юге России было возглавлено сначала архиепископом Нолвочеркасским Митрофаном, а потом старейшим после Патриарха митрополитом Киевским Антонием (Храповицким), у которого с этим положением соединялся большой личный престиж. Естественно, что многие епископы и священники, лишенные возможности сноситься с Москвой, обращались к нему за решением возникавших у них проблем. Личный авторитет митрополита Антония не ограничивался пределами России. Он был хорошо известен на православном Востоке.

Временные органы Высшего Церковного Управления в областях, отделенных от центра гражданской войной, образовались без указаний из Москвы, по местной инициативе, в силу жизненной необходимости.

Оправданность этой инициативы и важнейшие определения их органов, были в последствии подтверждены Святейшим Патриархом Тихоном. Весьма вероятно, что этот опыт в большой мере послужил основанием для определения 7/20 ноября 1920 года за №362, принятого Патриархом и Священным Синодом в соединенном присутствии с высшим церковным Советом. Подтверждением этого может служить то, что писалось от имени Донского епархиального совета в брошюре, изданной в 1927 году. В защиту допустимости экстраординарных мер при организации временного церковного управления, там говорится: "Не будем в этом голословными и в подтверждение сказанного укажем бесспорные основания. Святейший Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет, членом которого состоял тогда и митрополит Сергей, 7/20 ноября 1919 года за №326 [123] вынесли и разослали всем епархиальным архиереям следующее постановление" (следует цитата первого пункта). Далее значится: "Подобные случаи учреждения временного органа Высшего Церковного Управления были еще при жизни св. Патриарха. В 1919 году, когда вследствие гражданской войны связь со св. Патриархом Синодом и ВЦС была прервана, в г. Ставрополе Кавказском был собран малый собор, состоявший приблизительно из 10 епископов, который вынес постановление организовать на юге России временное Высшее Церковное Управление. Управление это было организовано и функционировало под председательством Высокопреосвященнейшего, тогда архиепископа, позднее митрополита Донского Митрофана, признавалось св. Патриархом всеми архиереями, в том числе и митрополитом Сергием с его последователями, не самочинным, а законным и канонически правильным"[124].

Главным значением постановления 7/20 ноября 1920 года за №362, является его категорическое требование соборного управления теми частями Русской Церкви, которые оказались бы оторванными от своего центрального органа. Постановление не предоставляет права, а прямо обязывает оторванных от центра архиереев войти в общение со своими собратьями для организации высшей церковной власти. Для старейшего в их среде архиерея, это, согласно п. 3, составляет "непременный долг". Важно еще и то, что постановление предоставляет местным архиереям выбор формы управления для своего округа, ни в чем не ограничивая компетенцию этого управления. Лишь при полной невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий, епархиальный архиерей сам воспринимает полноту власти. Однако, и здесь есть оговорка. Если невозможность общения с другими архиереями приобретает длительный или постоянный характер то епархиальный архиерей должен позаботиться о том, чтобы создать соборное церковное управление, путем предоставления викариям прав епархиальных архиереев.

В самой России постановление 7/20 ноября получило применение после ареста Патриарха Тихона в 1922 году. Тогда Митрополит Агафангел, которому в связи со своим арестом Патриарх передал свои права, предложил всем епископам самостоятельно решать все вопросы, впредь до восстановления Высшего Церковного Управления. В послании 5/18 июня 1922 года он писал, обращаясь к архиереям: "...лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием и священными канонами. Впредь до восстановления высшей церковной власти, окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешение Святейшего Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению" ("Церковные ведомости" №№10-11, 1922 стр. 2). Через четыре месяца после послания митрополита Агафангела и за границей постановление от 7/20 ноября 1920 года было по тем же основаниям формально положено в основу организации церковного управления, хотя фактически, оно уже и ранее было построено на тех же принципах.

Пока Высшее Церковное Управление юга России еще находилось в Крыму, к нему уже начали поступать дела из других стран от священников, которые не имели возможности сноситься с Москвой.

После эвакуации из Крыма в 1920 году, Высшее Церковное Управление прибыло в Константинополь. 6/19 ноября на корабле "Великий князь Александр Михайлович", состоялось первое заседание Высшего Церковного Управления юга России вне пределов своей страны. Оно обратилось к местоблюстителю Константинопольского патриаршего престола митрополиту Брусскому Дорофею за благословением функционировать в Константинополе. 2-го декабря 1920 года последний уведомил Митрополита Антония, что ему предоставляется образовать Эпитроцию, которая с самого начала получила название Высшего Церковного Управления. До 28 нояб./11 дек. 1920 года оно продолжало называться Высшим Церковным Управлением на юге России, а в протоколе 29 нояб./12 дек., стало именоваться просто "Высшим Церковным Управлением". В дальнейшем оно официально именовалось "Высшим Церковным Управлением Заграницей".

Грамота митрополита Дорофея касалась только тех действий русской заграничной церковной власти, которые относятся к попечению о русских беженцах, проживающих в пределах православных стран, то есть на территории автокефальных Православных Церквей. Ближайшим же образом оно касалось беженцев в константинопольском районе. Однако, когда в Константинополе было создано Русское Церковное Собрание, бывшее подготовительным к созыву собора в Сремских Карловцах, то на созыв его в Константинополе было получено благословение Константинопольского Патриарха и на нем присутствовал представитель Патриархии [125].

Обращение к Константинопольской Патриархии вызывалось тем, что орган, управляющий русскими церквями, оторванными от Москвы, оказался на ее территории. По канонам никакое церковное действие на территории другой автокефальной Церкви не может иметь места без ее ведома и согласия. Если бы Высшее Церковное Управление на юге России было эвакуировано в страну, не входящую в область какой-либо автокефальной Церкви, оно не имело бы оснований искать согласия или утверждения со стороны той или иной Церкви. Однако, то обстоятельство, что все это произошло на территории Константинополя, имело свое провиденциальное значение. Собору Сербской Церкви, почти год спустя было легче выносить решение о принятии на свою территорию Высшего Церковного Управления Заграницей после решения Вселенской Патриархии, и, вместе с тем, и для других автокефальных Церквей это служило примером для предоставления русским православным общинам на их территории права подчинения своей собственной зарубежной русской церковной власти.

Имя митрополита Дорофея, поэтому, должно быть памятным для всех нас наравне с именем Патриарха Сербского Димитрия, открывшего для Высшего Церковного Управления Заграницей двери Сербского Патриарха и предоставившего там автономию русским православным общинам.

В Югославии (в то время Королевство сербов, хорватов и словенцев) гостеприимство, оказанное Высшему Церковному Управлению и русским общинам, не только было предоставлено на канонических началах, но и получило свое признание со стороны правительства. Сначала было вынесено краткое постановление собора о предоставлении заграничной русской церковной власти юрисдикции над русским духовенством на территории Сербской Церкви от 18/31 августа 1921 года, а позднее сербский архиерейский собор поддерживая перед гражданскими властями брачную юрисдикцию Русской Заграничной Церкви, дал следующую мотивировку: "По канонам святой Православной Церкви, когда православная иерархия со своей паствой вследствие гонения переселяется на территорию другой самостоятельной Церкви, она имеет право самостоятельной организации и управления". Канон, который тут имелся в виду, есть 39-е правило 6-го Вселенского собора по поводу бегства Кипрской Церкви со своей иерархией на территорию Константинопольской Церкви. В соответствии с решением Сербского собора, югославское правительство признавало метрические акты наших церквей и вслед за Сербской Патриархией заверяло наши документы, когда требовалось свидетельство министерства Иностранных Дел для пользования ими в других государствах. Ниже мы будем говорить особо о создавшихся отношениях с Сербской Церковью, а пока скажем несколько слов об отношении к Зарубежной Церкви со стороны Патриарха Тихона.

В бытность свою в Константинополе и некоторое время в Сремских Карловцах, Высшее Церковное Управление выносило свои определения "по благословению святейшего Патриарха Тихона". Этим подчеркивалась его лояльность к Патриарху, которому пытались первоначально посылать доклады. В запоздалой приветственной грамоте по поводу установления Сербской Патриархии, Патриарх Тихон писал, что об этом событии он уже осведомлен пребывающими в Сербию русскими архиереями, и на этом основании стал уже возносить имя Сербского Патриарха, наравне с другими главами Церквей ("Церковные ведомости", №5, 1922 г., стр. 3). Вероятно, Патриарху не посылались бы никаких докладов, и никто не беспокоился бы о том, признает ли он Высшее Церковное Управление Заграницей, если бы было уже известно содержание определения от 7/20 ноября 1920

года за №362 (на другой день после первого заседания этого управления в Константинополе). Последнее было получено в копии от епископа Забайкальского Мелетия, насколько я помню, только в начале 1922 года. По свидетельству проф. С. В. Троицкого, бывшего каноническим советником при Сербском Синоде, когда делалось представление Патриарху Сербскому Димитрию с ходатайством о разрешении Высшему Церковному Управлению переселиться в Сремские Карловцы, Митрополит Антоний заверял его, что он действует с ведома и благословения Патриарха Тихона.

Проф. С. В. Троицкий в написанной им по поручению Москвы книге "О неправде Карловацкого раскола" (Париж 1960 г.), пытается за это обвинить Митрополита Антония в обмане. "Ясно, — писал он — что когда писался доклад Патриарху Димитрию, никакого утверждения со стороны Патриарха Тихона получено не было" (стр. 97).

Однако, г-н Троицкий упустил из виду, что если в Европе в то время еще не знали о постановлении №362 и на него не ссылались, то в Москве то оно было хорошо известно тем, кто его выносил и Патриарх Тихон имел его в виду в своем отношении к тому, что происходило на Западе. Поэтому, никакого отдельного акта о признании законности Высшего Церковного Управления Заграницей, он не издавал, и акта этого для означенного Управления не требовалось.

Однако, целый ряд фактов указывает на то, что Патриарх Тихон не сомневался в праве на существование Заграничного Высшего Церковного Управления. Если документальные данные для доказательства этого и скудны, то ведь в таком случае многочисленности документов и не требуется. Сношения, конечно, были очень ограничены вследствие политического положения. У Королевства сербов хорватов и словенцев как в 20-х годах именовалась Югославия, не было дипломатических отношений с СССР, и непосредственные почтовые сношения были затруднены. Мне известно от Митрополита Антония, что доклады Патриарху посылались через другие страны, преимущественно через Берлин и Финляндию. С его же слов я знаю, что настоятель копенгагенской церкви архимандрит Антоши (Дашкевич), был рукоположен во епископа Аляскинского в 1921 году по предложению Патриарха Тихона, но в каком порядке это предложение было сообщено, я не знаю. Это было за десять лет до принятия мною должности управляющего синодальной канцелярией.

Знаю еще, что каким-то путем стало известно желание, чтобы митрополит Евлогий был послан для расследования положения в Северной Америке и особенно жалоб на архиепископа Александра.

В обращении к сербскому Патриарху Димитрию с просьбой о разрешении переселиться из Константинополя в Сремские Карловцы, Высшее Церковное Управление Заграницей 30 июля 1921 года, упоминало о своем признании Патриархом Тихоном. В чем же оно могло усматривать свое признание со стороны Патриарха Тихона? Для меня несомненно, что таковым оно считало указ из Москвы по вопросу о назначении митрополита Евлогия для управления русскими церквами в Западной Европе.

Назначение это было ему дано вскоре после начала деятельности Высшего Церковного Управления в Константинополе. Однако, один из настоятелей церквей хотел удостовериться в законности этого назначения. Со своим недоумением он обратился к Патриарху через архиепископа Финляндского Серафима. В ответ последним был получен указ от 26 марг./ 8 апр. 1921 г. за №-424, в котором говорится: "Ввиду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления Заграницей, считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением преосвященного Вольнского Евлогия, имя которого и должно возноситься в означенных церквях вместо имени преосвященного митрополита Петроградского".

Нельзя не обратить внимание на то, что в этом указе не говорится о назначении преосвященного Евлогия Синодом из Москвы, а употреблено слово "считать", то есть, иначе говоря, признается факт уже состоявшегося назначения.

Почти накануне заключения в тюрьму Патриарха Тихона, он через американца г-на Колтона, деятеля УМСА, передал управляющим русскими церквами заграницей архиереям свое пожелание о назначении в Америку митрополита Платона, о чем он ходатайствовал с протоиереем Феодором Пашковским (впоследствии митроп. Феофилом) от имени американской паствы. Патриарх фактически находясь уже под арестом находил для себя опасным дать что-либо письменно. Письмо Колтона с сообщением об этом, было представлено суду по делу св. Николаевской церкви в Нью-Йорке на 97-й улице возникшего в 1971 году, и копия его находится в Си-Клифе. Очень важные данные о признании заграничного Высшего Церковного Управления Патриархом Тихоном, мы находим в книге А. А. Шишкина. Он изучал обвинительный материал в связи с преданием Патриарха Тихона суду и на этом основании пишет: "Патриарх Тихон был всегда в курсе деле заграничных церковников, знал о готовившемся ими соборе и его решениях. Судебный процесс над Патриархом Тихоном документально вскрыл и подтвердил это. О готовившемся соборе Патрхарх Тихон был информирован письмом Митрополита Антония от 30 мая 1921 года и осенью 1921 года письмом архиеп. Евлогия... Официальное извещение об открытии Карловацкого собора, по признанию самого же Патриарха Тихона, он получил через Эстонскую Миссию митрополита Антония, испрашивавшего у Патриарха благословение. Это письмо Патриархом Тихоном было сообщено своему Синоду и ВЦУ, которые постановили благословить созыв Карловацкого собора

[126а]. Все резолюции собора были пересланы Патриарху Тихону архиепископом Евлогием" [126б].

Мы еще несколько вернемся к этому вопросу в связи с делом об упразднении Высшего Церковного Управления Заграницей. Пока же нельзя не прийти на основании приведенных данных к заключению, что для Патриарха Тихона законность заграничного Церковного Управления не стояла ни под каким вопросом. Его существование покоилось на твердом каноническом основании.

1922 год ознаменован ростом гонения на Церковь в СССР. Борьба с нею велась в двух планах: с одной стороны более жестокое и настойчивое проведение положений декрета об отделении Церкви от государства, лишившего Церковь всяких прав, а с другой — разложение ее изнутри с помощью обновленческого движения. Самого Патриарха Тихона все больше и больше теснили, пока не заключили под стражу, а на местах в епархиях обновленцы получали явную поддержку государственного аппарата в захвате приходов и церквей. Важным поводом для гонения на Церковь послужило изъятие церковных ценностей. Церковная власть не могла не защищать святынь от осквернения, а эта защита трактовалась как преступление против государства. Митрополит Антоний и Высшее Церковное Управление, как плоть от плоти от Русской Церкви, конечно, не могли оставаться безучастными к преследованию веры на их родине. Как могли они ей помочь? Прежде всего собирались пожертвования и посылалась помощь голодающим, но при размере голода это была капля в море. Затем старались привлечь сочувствие иностранных правительств. В то время еще не все государства признавали советское правительство. Была надежда, что некоторые из них будут обуславливать свое признание улучшением положения религии в СССР. Позднее, когда Патриарх Тихон был в заключении, французское, британское и американское правительства сделали очень энергичные выступления в его защиту, которые, по-видимому, и послужили настоящей причиной его освобождения, чего сам он конечно, не знал. Правительства вышеуказанных стран уведомили Митрополита Антония о своих выступлениях.

Вместе с тем русская эмиграция, в большинстве своем, только год тому назад с небольшим покинувшая свою страну, была еще полна настроений военной борьбы против коммунизма. Послание Патриарха Тихона с обличением советской власти, давали подобное направление и церковной иерархии. Его молчание, в то время еще недолгое, естественно объяснялось только невозможностью для него возвысить голос, но отнюдь не переменой его мнения. Поэтому казалось, что на свободе, за границей, надо сказать русскому народу и иностранцам то, чего нельзя было сказать главе Церкви на родине.

Вот психология, в которой созывался собор в ноябре 1921 года в Сремских Карловцах куда вслед за Высшим Церковным Управлением прибыл и штаб армии генерала Врангеля, не терявшей еще надежды повести новый поход против коммунизма. Потребовались годы для того, чтобы стала ясной длительность пребывания в эмиграции для всей толщи и чтобы чисто церковные ее задачи стали заслонять патриотические настроения первого периода ее пребывания на чужой земле.

Сведения из России поступали редкие и смутные.

Между тем коммунистическая власть, решив ликвидировать Патриарха Тихона и Церковь вообще, искала случая, чтобы собрать против него возможно больше обвинительного материала. Она поощрила обновленческое движение и хотела руками самого Патриарха уничтожить своих зарубежных врагов.

Результатом этих планов явился присланный митрополитам Антонию и Евлогию указ от 22 апр./5 мая 1922 года об упразднении Высшего Церковного Управления. Указ этот гласит: "1. Признать "Послание Всезаграничного Церковного собора всем чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим" о восстановлении в России монархии с царем из рода Романовых, напечатанное в "Новом времени" от 3-го декабря 1921 года №184 и "Послание мировой конференции от имени Русского Всезаграничного собора", напечатанное в том же "Новом времени" от 1 марта сего года за №254 за подписью председателя Заграничного Синода и Высшего Русского Церковного Управления за границей Митрополита Киевского Антония, — актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви, и в виду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения.

2. В виду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных политических от имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением преосвященного митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквами за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за преосвященным митрополитом Евлогием, поручив ему представить соображения о порядке управления названными церквами.

3. Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления озаботиться получением необходимых для сего материалов и самое суждение,

ввиду принадлежности некоторых лиц к епископату, иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном указанном в Соборных правилах числе его членов, о чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить ваше преосвященство".

Следует отметить, что само это определение указывает на то, что Синод нормально уже не функционировал, когда оно выносилось, ибо суждение о духовных лицах откладывалось до времени "возобновления нормальной деятельности Священного Синода", которое так и не наступило.

В то время, когда этот указ был получен, никто в Сремских Карловцах еще ничего не знал о фактах указывающих на его вынужденность, но мысль об этом естественно приходила им в голову. Факты стали известны позднее. Сам Митрополит Евлогий сразу же по получении этого указа, писал Митрополиту Антонию 3/16 июня 1922 года: "Указ прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан был под давлением большевиков. Я прямо не знаю, что делать"...

Первое впечатление митрополита Евлогия было совершенно правильным. Самый факт, что указ из Москвы в Париж шел полтора месяца, указывает на ненормальное положение.

В своем докладе Всезарубежному собору 1938 г. о положении в Западно-Европейском округе я высказал следующие соображения: "В этом постановлении характерно, что оно вынесено на основании газеты "Новое время", издававшейся в Сербии, которую Патриарх, при большевизмских условиях, мог получить не иначе, как через руки большевиков. Затем постановление ограничивается весьма общими выражениями "некоторых духовных лиц", не называя никого по имени и в том числе подписавшего обращение председателя собора. Не менее важно решение иметь суждение об ответственности некоторых духовных лиц "по возобновлении нормальной деятельности Синода и при полном числе его членов". Таким образом Синод под председательством Патриарха, несомненно испытывавший в этом случае давление большевиков, с одной стороны отмежевался от выступлений Зарубежной Церкви, но с другой, никого не покарал, оставляя заграничных иерархов даже свободными от подсудности. Что касается его постановления об упразднении Высшего Церковного Управления, то и оно формулировано так, что не могло иметь окончательного значения. Постановление в своей мотивировке содержит такую ошибку, которая сама по себе подрывает всю его силу. Синод решает об упразднении Высшего Церковного Управления "принимая во внимание то, что за назначением тем же Высшим Церковным Управлением преосвященного митрополита Евлогия заведывающим русскими православными церквами за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло проявить свою деятельность". Между тем в ведении Высшего Церковного Управления в то время было уже 9 епархий, а митрополиту Евлогию было поручено управление лишь церквами в Западной Европе, при чем постановление о сем Высшего Церковного Управления было подтверждено синодальным указом от 26 март./8 апр. 1921 г. №424. Игнорируя существование этих епархий, указ Синода не дает митрополиту Евлогию полномочий управлять какими бы то ни было церквами сверх епархий, ранее порученной ему Высшим Церковным Управлением. Только о порядке управления этими церквами, а не всеми епархиями за рубежом, поручается митрополиту Евлогию представить свои соображения. В виду сего Высшее Церковное Управление было совершенно право, что указ о его упразднении не может быть выполнен до представления Патриарху Тихону доклада о действительном положении Зарубежной Церкви и получения от него разъяснений, указаний и свободного волеизъявления (постановление от 18 авг./1 сент. 1922 г.)" [127].

Почему-то в то время мало обратили внимание на то, что само московское синодальное определение, откладывая суждение о "некоторых духовных лицах до возобновления нормальной деятельности Синода и при полном числе его членов", тем самым указывало на то, что оно действовало в условиях не нормальных.

А. А. Шишкин полностью подтверждает правильность убеждения в том, что постановление о закрытии Высшего Церковного Управления Заграницей, не было свободным волеизъявлением Патриарха Тихона, а было вынесено под давлением коммунистов. Он пишет: "Все резолюции собора были пересланы Патриарху Тихону архиепископом Евлогием. Никаких шагов к отмежеванию от этого собора, Патриархом Тихоном предпринято не было до тех пор, пока Наркомюст не напомнил ему о преступных замыслах беглых церковников и монархистов. Только после этого Патриарх Тихон наложил резолюцию о закрытии собора (хотя он уже кончил свою работу) и о непризнании каноничности его решений..."

... Первым шагом Патриарха Тихона в этом было размежевание с заграничной церковной контрреволюцией. 5 мая 1922 года соединенное присутствие св. Синода и ВЦ Совета, вынесло определение (349) об осуждении деятельности Карловацкого церковного управления и его закрытии" [128].

Вынужденность постановления об упразднении Высшего Церковного Управления Заграницей подчеркивается приведенным выше фактом, что Патриарх Тихон почти накануне издания этого постановления через уезжавших в Америку посетителей, мог только устно передать предложение этому Управлению о назначении митрополита Платона в Америку. Но больше того. В том же показании суду прот. Ф. Пашковского говорится,

что 5 мая 1922 года, то есть в день принятия постановления, он пошел прощаться с Патриархом Тихоном, но не мог пройти к нему, ибо дом его был оцеплен солдатами. Уже 12 мая к арестованному Патриарху была допущена группа "церковной оппозиции" и Патриарх, видя, что не существует больше никакого церковного Управления, передал церковную власть Ярославскому Митрополиту Агафангелу, который ввел в действие постановление 7/20 ноября 1920 года.

Собравшийся 20 авг./2 сент. 1922 года в Сремских Карловцах собор епископов уже мог знать об аресте Патриарха Тихона. Таким образом, налицо было уже два условия для введения в действие постановления 7/20 ноября 1920 года: 1) Отсутствие общения с Высшим Церковным Управлением вследствие политических причин и, 2) Прекращение деятельности самого Высшего Церковного Управления, вынудившее Митрополита Агафангела ввести это постановление в действие для всей Русской Церкви.

По тем же основаниям, исходя из состоявшегося признания Патриархом и Синодом Высшего Церковного Управления Заграницей, можно было не принимать к исполнению вынужденного у Патриарха решения о закрытии этого управления. Последнее сначала стало на эту точку зрения, вынося о том хорошо мотивированное постановление. Однако, собравшийся вслед за тем собор епископов, обсуждавший это определение без участия членов управления клириков и мирян, стал на ту точку зрения, что даже вынужденное определение Патриарха, не должно быть оставлено без внимания во имя поддержки его авторитета в дни гонения. Имело значение и то, что разум и интуиция подсказывали признание указа от 5 мая 1920 года вынужденным, как это проявилось в первой реакции митрополита Евлогия, но данных о том, что определение Синода в Москве было вынесено в условиях домашнего ареста, в Сремских Карловцах в то время не было [129].

Итак, определением собора епископов от 20 авг./2 сент. 1922 года, было постановлено упразднить Высшее Церковное Управление (с участием представителей клира и мирян, избранных на соборе в Сремских Карловцах в 1921 году). Вместе с тем постановлено "в виду нарушения деятельности высшей всероссийской церковной власти, на основании постановления Святейшего Патриарха Тихона и Священного при нем Синода, в соединенном присутствии Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. о преподании правил касательно организации высшей церковной власти в случае нарушения или прекращения деятельности Святейшего Патриарха и высших церковных органов, образовать временный Священный Синод Русской Православной Церкви Заграницей".

Таким образом если устройство Церкви заграницей до того "де факто" отвечало указаниям постановления 7/20 ноября 1920 г., то теперь оно и формально основывалось на нем. Когда в 1935 году происходило совещание в Сремских Карловцах для восстановления единства Зарубежной Церкви, то не только мы, представители Архиерейского Синода (Митрополит Анастасий, епископ Хайларский Димитрий и я в качестве советника и секретаря при них), но и митрополиты Евлогий и Феофил признавали, что постановление это служит основой для канонического существования Русской Церкви за рубежом. Это получило выражение и в 1-м параграфе Временного Положения. Повторено это и в 1-м параграфе Положения об управлении Русской Православной Церкви Заграницей, принятом в 1959 году.

Самостоятельно существующая Русская Православная Церковь Заграницей явилась фактом, с которым всем приходится считаться. Вопрос мог идти только о том, как она должна быть канонически организована.

В этом отношении проявилось два течения: центробежное и центростремительное.

Первое из них получило проявление в смутах, возникших в русских епархиях Западной Европы и Северной Америке. Стремление к бесконтрольности искало себе поддержки в разнообразных аргументах, на которых мы сейчас не будем останавливаться, ибо это отвлекло бы нас в сторону от непосредственной темы нашей работы.

Отметим только взгляд проф. С. В. Троицкого. В разное время он давал советы представителям всех течений Зарубежной Церкви. При всех колебаниях в отношении взгляда на организацию Церкви за рубежом России, он, однако, последовательно защищал необходимость руководствоваться постановлением 7/20 ноября 1920 г. с разделением на округа [130]. Оспаривать эту точку зрения С. В. Троицкий начал только после Второй мировой войны, оказавшись во власти коммунистов [131].

Русская Православная Церковь Заграницей, от которой в разное время откололись ее бывшие части в Западной Европе и Северной Америке, остается на тех же основах, которые были ею приняты в 1920 году и 1922 г.

Считая себя свободной частью Русской Церкви, она распространена во всем так называемом свободном мире, то есть не захваченном коммунистами.

Объясняя ее право на самостоятельное существование, проф. С. В. Троицкий отмечал вообще каноническую возможность возникновения новых самостоятельных Церквей. Он писал следующее: "Но, допуская приобретение некоторою частью Церкви административной самостоятельности, Православная Церковь ставит

каноническую правильность таковой самостоятельности в зависимости от соблюдения некоторых условий, а именно: а) Наличности важных мотивов для такого выделения (например, изменения государственных границ и других политических причин), б) Согласия верховной власти известной Церкви (Церкви-матери или кириархальной) на отделение от нее известной ее части (Церкви-дочери), в) Способность отделяющейся части к самостоятельному существованию, выражающейся прежде всего в наличии известного числа епископов (не менее трех).

Все эти условия были соблюдены, когда в 1921 году образовалось в Югославии Высшее Церковное Управление.

а) Важным мотивом временной административной самостоятельности заграничной части Русской Церкви, явилось в России господство антирелигиозной власти советов, поработившей центральное управление Русской Церкви в Москве и антисоветское настроение громадного большинства русского православного населения за границей, вследствие чего нормальное общение между центральной властью Русской Церкви и заграничной ее частью, сделалось совершенно невозможным. Настойчивые попытки заграничных русских епископов, в том числе митрополита Евлогия поддерживать общение с Москвой, закончилось полной неудачей.

б) Существует и согласие центральной власти Русской Церкви на временную административную самостоятельность Заграничной Церкви, выраженное еще до ее порабощения антирелигиозной властью. Таково постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. №362 ("Церковные ведомости", 1920 г. №1 стр. 2-3), где предписывается образование временного Высшего Церковного Управления для тех частей Русской Церкви, которые окажутся вне общения с центральным церковным управлением в Москве. На это "постановление" неоднократно ссылается и митрополит Евлогий (с., например "Церковный вестник" №10 1930 г. стр. 13-14, №3 1931 г. стр. 3-8). Точно также и послание заместителя Патриарха Русской Церкви Митрополита Агафангела от 5/18 июня 1922 г. ("Церковные ведомости" №10 1922 г. стр. 2) дает право на временную самостоятельность частям Русской Церкви, лишенным почему-либо возможности сношения с ее центральной властью. Не раз указывал на необходимость такой самостоятельности и именно для заграничных частей Русской Церкви и нынешний глава Русской Церкви митрополит Московский Сергей. Так в письме заграничным русским епископам от 12-го сентября 1926 г. ("Вестник Христ. Студ. Движ." 1927 г. март стр. 29) он высказывает мысль, что Московская Патриархия не может "быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений", и советует: "...в неправославных странах организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и нерусские". В послании митрополиту Варшавскому Дионисию от 4-го января 1928 года он доказывает, что для Польской Церкви не было необходимости отделяться от Церкви Русской, так как временная самостоятельность, предоставленная заграничным частям Русской Церкви постановлением Московской Патриархии от 1920 года, дает ей "совершенно безболезненный выход из всяких затруднительных положений" и советует "положить в основу церковной жизни это постановление". Те же мысли о заграничной части Русской Церкви, митрополит Сергей высказывает и в своих посланиях к архипастырям и пасомым Московской Патриархии от 10-го июня 1926 года и от апреля 1927 года ("Вестник Христ. Студ. Движения" 1927 г. июль, стр. 19-24).

Наконец существует и формальное условие для административной самостоятельности Русской Заграничной Церкви, так как она всегда имела много более трех епископов и потому могла образовать и действительно образовала высшие соборные органы церковного управления — соборы и синоды епископов" [132].

Попытка уничтожения центра независимой от Москвы Русской Зарубежной Церкви Заграницей, осуществленная в 1922 году, была только началом других таких же попыток. Невольную помощь Москве в этом отношении оказывали те иерархи, которые создавали разделение за границей. Сознали ли они, какую силу могла бы представлять собой Зарубежная Церковь при сохранении своего единства? Эта сила затрудняла бы гонение на Церковь в России, ибо голос ее в иностранном мире был бы слышен гораздо громче.

У советской власти было и есть серьезное основание для борьбы за уничтожение свободной части Русской Церкви за границей. Политическое основание для этой работы, достаточно ясно проявилось в деле упразднения Высшего Церковного Управления Заграницей. Тогда цель Москвы не была достигнута. Новая попытка была сделана в 1927 г., когда заместитель местоблюстителя московского патриаршего престола по несомненному указанию советской власти сделал попытку так повлиять на Заграничную Церковь, чтобы она или отказалась от противодействия советам, или перестала существовать.

Митрополит Сергей в то время не хотел подчинять себе русское церковное зарубежье. Тем не менее, в 1927 г., несомненно, по указанию большевиков он неожиданно стал требовать от русской иерархии и духовенства за границей подписи обязательства в том, что "они не допустят в своей общественной, в особенности церковной деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности к советскому правительству" [133].

Интересно, что обязательство в лояльности к советскому правительству в такой широкой и категорической форме требовалось от людей, никогда не бывших гражданами СССР, а иногда состоявших гражданами других стран. Я допускаю мысль, что умный митрополит Сергей, желавший освободиться от всякой ответственности за зарубежную иерархию, сознательно придавал своему требованию форму, которая, как он ожидал, была бы неприемлема для этой иерархии. Но он не учел того, что митрополит Евлогий, в то время, отделившись от Митрополита Антония, находился в очень затруднительном положении. Он оправдывал свое отделение от Митрополита Антония отвержением начал постановления 7/20 ноября 1920 г. и якобы верностью Матери-Церкви и "заветам Патриарха Тихона". Его каноническое положение было безнадежно слабо, и он ухватился за возможность укрепить его внешним подчинением заместителю местоблюстителя московского патриаршего престола. Митрополиту Сергию трудно было представить себе, что кто-либо из заграничных епископов и клира, захочет войти в грубую западную, поставленную им через него советской властью. Ведь в письме от 12 сентября 1926 г. он уже достаточно ясно подсказал им, что хочет от них освободиться. В этом письме он разъясняет, что церковная власть в Москве совершенно не знает состава заграничных собора и Синода, не знает она и их полномочий и потому не может быть судьей в разногласиях заграничных иерархов. "Ваше письмо, — продолжает он — дает мне повод поставить общий вопрос, может ли Московская Патриархия теперь быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между нами фактически нет сношений. Мне думается, что польза самого церковного дела требует, чтобы вы или общим согласием создали для себя орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия, и имеющий силу пресекать всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснять их недостаточной осведомленностью) или же, если такого органа общепризнанного всею эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то... подчиниться (допустим временно) местной церковной власти, например, в Сербии — сербскому Патриарху... В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или Церкви" [134].

Даже позднее, в письме митрополиту Варшавскому Дионисию от 4 января 1928 г., он доказывал, что для Польской Церкви не было необходимости отделяться от Русской Церкви, ибо она могла свою самостоятельность основать на постановлении 7/20 ноября 1920 г.

Насколько требование подписки о лояльности противоречило желанию Митрополита Сергия освободиться от заграничных церковных дел видно также из его первого после принятия звания заместителя еще из Нижнего Новгорода обращения от 10 июня 1926 г. "Православным архиереям и пастырям Московского Патриархата". Там он писал: "Здесь требует выяснения наше отношение к русскому духовенству, ушедшему с эмигрантами за границу и там образовавшему из себя как бы некое филиальное отделение Русской Церкви... Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями, было бы ни с чем несообразно и дало бы лишний повод говорить о принуждении нас к тому советской властью. Но выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством и тем оградить себя на будущее время от ответственности за его политиканство, для нас желательно и даже возможно. Для этого нужно только установить правилом, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата..." [135].

В своей Декларации 29 июля 1927 г., митрополит Сергей подтвердил это в категорической форме. "Мы потребовали, — писал он — от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности советскому правительству во всей своей общественной деятельности: не давшие такого обязательства или нарушившие его, будут исключены из состава клира подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы" [136].

Но если митрополит Сергей думал таким образом освободить себя от заграничных забот, то он глубоко ошибся. С одной стороны помешал этому митрополит Евлогий, а с другой — советская власть, которая имела в виду тотальное использование его декларации о лояльности.

Справедливо заявив, что нельзя налагать канонических прещений за нелояльность к советской власти за границей, он затем вынужден был карать митрополита Евлогия за это самое.

Заявив о том, что неподписавшие обязательство о лояльности к советскому правительству клирики за границей исключаются из списков клира Московской Патриархии, он скоро вынужден забыть об этом и налагать на них прещения, за которыми сам он письменно признавал отсутствие всякого канонического основания. Такой образованный иерарх как митрополит Сергей слишком хорошо понимал, конечно, что нет такого канона, на котором он мог обосновать канонические кары за панихиды по убиенным православным христианам. На каком каноне мог он основать такое требование и "канонические" кары за его невыполнение? Между тем, подчинившийся ему митрополит Евлогий, был в 1930 г. уволен "за совершение панихид по жертвам русской революции и большевицкого террора и, особенно, за участие в общенародных молениях о прекращении

гонений на Церковь и вообще на религию в России" [137].

В этом акте обнаружилась действительная цель требования подписки о лояльности к советской власти и причины, по которой митрополит Сергей был вынужден ее требовать, хотя собственное его желание было размежеваться с заграничной иерархией, что он так ясно выразил в своем письме заграничным иерархам от 12 сент. 1926 г. и других указанных выше актах [138].

Сроком для зарубежного духовенства подать заявление о лояльности или быть исключенным из Московской Патриархии, митрополит Сергей указал 2/15 сентября 1927 г. Однако, это не отвечало планам советской власти и уже 8 февраля 1928 г., митрополит Сергей "забывает" о своем собственном акте и в послании митрополиту Евлогию от 8 февраля 1928 г., трактует недавнее подписки о лояльности заграничное духовенство, как все еще ему подведомое. Он грозит этому духовенству карами, а через год 31 января 1929 г. за № 100, поручает митрополиту Евлогию обращение к предстоятелям Православных Церквей, чтобы они запретили "каждый в своем предделе незаконную деятельность Карловацкого собора и Синода". Он просит их "оказать помощь к окончательному упразднению причиняемого названной группой церковного нестроения и соблазна" [139]. Никто из глав Церквей не обратил внимания на эту просьбу.

На этом дело не остановилось. В 1933 году из Москвы последовала новая попытка или склонить заграничный Архиерейский Синод к капитуляции или его уничтожить. Изложим эту попытку словами проф. С. В. Троицкого, который составлял для Патриарха Варнавы письма, связанные с этой перепиской.

"Расчитывая использовать расположение к нему Патриарха Варнавы для своих планов относительно русских иерархов "карловацкой" юрисдикции, митрополит Сергей обратился к нему (Патриарху Варнаве) 23 марта 1933 г. с обширным посланием, которое митрополит Елевферий поспешил опубликовать в органе своей епархии ("Голос Литовской епархии" 1933, №5, стр. 50—57) еще прежде, чем Патриарх Варнава успел ответить на него. В этом послании митрополит Сергей просил Патриарха Варнаву, чтобы он убедил Карловацких иерархов дать обязательство лояльности в отношении к советской власти, а если они на это не согласятся, дать заявление о переходе в другую юрисдикцию, при чем Карловацкий Синод и собор должны быть закрыты. Карловацкие иерархи дать такое обязательство категорически отказались, а Патриарх Варнава письмом от 6 января 1934 г. уведомил об этом митрополита Сергея и выяснил ему, что должно быть осуществлено другое предложение митрополита Сергея о переходе русских заграничных клириков в другую юрисдикцию, после чего вопрос о "Карловацком" Синоде и соборе будет уже вне компетенции московской церковной власти [140]. Однако, такое решение вопроса не отвечало интересам советской власти и заграничных представителей митрополита Сергея и митрополит Сергей был вынужден еще раз изменить свою позицию. В послании Патриарху Варнаве от 7-го февраля 1934 г. он уже совершенно отказывается от своего предложения о переходе русских клириков в другую юрисдикцию и даже называет такой переход "новым каноническим преступлением: попыткой укрыться за чужим авторитетом от ответственности перед законным церковным судом, за что отвечают по канонам и "укрывающиеся и укрыватель". В своем ответе на это письмо от 21 мая 1934 г., Патриарх Варнава обратил внимание митрополита Сергея на его непоследовательность и заявил, что если теперь он не желает идти по пути, который сам же предлагал раньше, Патриарх Варнава не может быть больше посредником между ним и заграничными иерархами. На это письмо Патриарха Варнавы митрополит Сергей ничего не ответил, а написал предложение своему Синоду запретить священнослужение карловацким иерархам, при чем мотивировал свое предложение, между прочим, ссылкой на письмо Патриарха Варнавы, не точно изложив его содержание, и Синод выполнил его волю определением от 22 июня 1934 г. (№ 50), а митрополит Елевферий поспешил напечатать определение в своем журнале (№6-7, стр. 57-58) и разослать его главам автокефальных Церквей, в том числе и Патриарху Варнаве" (там же, стр. 172).

Обратите внимание на то, что и в этой попытке воздействовать на Заграничную Церковь, повторяется то же требование: обязательство лояльности к советскому правительству. Если этого не удастся добиться, то попытка уничтожить Зарубежную Церковь путем подчинения ее любой другой Церкви. Главное для Москвы — чтобы не было слышно голоса свободной части Русской Церкви.

По окончании Второй мировой войны в 1945 г., была сделана новая попытка Москвы подчинить себе все русские церкви за границей. 10 августа 1945 г. было выпущено "Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия к архипастырям и клиру так называемой Карловацкой ориентации". Там говорится о Синоде: "Теперь, видимо, этот Синод не существует, и все его члены рассеялись". Однако, в сентябре Митрополит Анастасий смог выехать в Швейцарию и оттуда разослать свое ответное Послание, отвергающее московский призыв. Вопреки московским надеждам Зарубежная Церковь стала быстро заживлять нанесенные войной раны.

Характерно, что когда из Северной Америки в Москву приехали представители в наивной надежде участвовать на соборе, то им предъявили ряд условий, оказавшихся неприемлемыми. В числе этих условий был п. 3-й:

Собор а) выявляет решение американских православных епархий воссоединиться с матерью Русской Церковью; б) Декларирует от лица Американской Православной Церкви отказ от политических выступлений против СССР

и дает соответствующее об этом распоряжение всем приходам".

Тут опять ярко высказаны те же цели, какие преследовались в 1927 г. и позднее: Московская Патриархия была орудием советской власти для того, чтобы обезоружить и уничтожить свободную часть Русской Церкви.

На соборе Московской Патриархии в 1971 г. Митрополит Пимен тогда патриарший местоблюститель, говорил о Русской Зарубежной Церкви в тонах митингового агитатора: "Руководитель карловацкой группировки Митрополит Анастасий (Грибановский), а после его кончины Митрополит Филарет (Вознесенский), вместе с их единомышленниками продолжают насаждать в среде своих пасомых культ ненависти к нашему советскому отечеству, пользуясь в связи с этим всесторонней поддержкой влиятельных заокеанских кругов, чьей программой является разжигание антисоветской пропаганды. Этот культ ненависти карловацкие лидеры распространяют и на Русскую Православную Церковь, равно как и на все поместные Православные Церкви, поскольку они находятся в молитвенно каноническом общении с Московским Патриархом" [141].

Нужно ли говорить, насколько нелепы здесь слова о "культе ненависти" к Русской Церкви, верными чадами которой всегда исповедывали себя возглавители Русской Зарубежной Церкви, осуждая только предательство Патриархии этой Церкви и поставление ее на службу безбожного правительства. За осуждение этого курса политики Патриархии пострадали бесчисленные мученики во главе с Митрополитами Петром Кириллом Иосифом Арсением и многими другими, не принявшими, как и Зарубежная Церковь, декларации митрополита Сергия в 1927 г.

Но не ограничиваясь приведенными выше клеветническими фразами, митрополит Пимен (ныне Патриарх) дальше перешел прямо к выдумке: "Возведя принцип монархизма, в полном смысле слова, на степень догмата веры. — говорил он — "карловчане" исказили православное учение о Церкви, что ставит их в положение секты, которое может быть определено как пребывание в ереси (св. Василий. Вел. прав. I)". Исчерпывающие ответы на притязания Московской Патриархии и объяснение того, что разделяет нас, были даны в посланиях Архиерейского собора Русской Православной Церкви Заграницей 1933 и 1945 годов. В них глубоко и ясно показано, насколько греховны и неприемлемы для Церкви принципы, легшие в основание церковной политики митрополита Сергия.

После 1971 года долгое время Московская Патриархия ничего нового по отношению в Зарубежной Церкви не высказывала, но укрепляла свои позиции, создавая свои епархии за рубежом: в Иерусалиме, Западной Европе, Северной и Южной Америке. Если в Северной Америке она приобрела некоторое количество давно существовавших приходов, то в Европе у нее паства весьма малочисленная и сила ее епархий преимущественно в их экуменических связях с инославными.

Но с началом Горбачевских реформ и с приближением празднования 1000-летия, подверглась перемене и политика в отношении зарубежных церковных образований. Вместо прещений и угроз Патриархия заговорила об их "воссоединении", не делая при этом разницы между Русской Зарубежной Церковью и украинскими автокефалистами.

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей в послании к пастырям и пастве Русской Православной Церкви 6/19 ноября 1987 года, дал исчерпывающий ответ на призыв "преодолеть дух ожесточения и средостения и едиными устами и единым сердцем, восславит всесвятое имя Господа и Спаса нашего,.. чтобы приближающиеся юбилей, стал праздником всей полноты Русской Церкви"...

Архиерейский Синод в ответном послании ясно высказал, что именно нас разделяет: Первая причина — это "отказ Московской Патриархии от мучеников и исповедников нашего времени. Невозможно говорить о том что у нас не было мучеников за веру, что мы слышали неоднократно из уст Московской Патриархии: нельзя замалчивать их подвига, обходить его молчанием особенно в 1000-летний юбилей Крещения, искажая тем историю Церкви последнего времени".

Вторая причина указана в том "что декларация митрополита (впоследствии Патриарха) Сергия о тождестве интересов Церкви и безбожного государства, лежит в основе их отношений".

"Третья причина в том, что послание Московской Патриархии определенно утверждает, хотя и называет нас Церковью, что мы находимся вне спасительной ограды Матери Церкви. Послание Синода поясняет: "Наша Русская Зарубежная Церковь зиждется на твердом и незыблемом основании — указе Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 года за №362. Этот исторический указ является одним из самых последних, скажем больше, пророческих актов свободной Русской Церкви, не потерявшим своего значения даже до сего дня, ввиду того, что Московская Патриархия не свободна до сих пор и поработана атеистами"...

Ко всему этому прибавляется и важная четвертая причина: "Помимо этих столь существенных препятствий, нас крайне смущает и другое, не менее важное направление официальных представителей Московской Патриархии

в области исповедания истины и единственности святой нашей православной веры. Мы с горечью наблюдаем все большее вовлечение Московской Патриархии в экуменизме с участием в молитвах даже с язычниками и идолопоклонниками (вспомним хотя бы экуменическую встречу в Ассизи)". Такова принципиальная позиция Заграничной Церкви, получившая подтверждение в послании и Архиерейского Собора в 1988 г.

Если Русская Зарубежная Церковь живо воспринимает все доходящие до нее сведения о происходящем на родине и реагирует на них к сожалению благочестивые верующие в России очень мало знают о ней вследствие затрудненности сношений. Тем не менее, течение церковной жизни тут и там, не может оставаться совсем без влияния друг на друга. В определении этого взаимодействия, интересна помещенная в "Православном Вестнике Нью-Йоркской и Канадской Епархии" полученная из России статья "Мы и Русская Зарубежная Церковь" (№16, сент. 1988 г.).

Автор пишет о растущем интересе и симпатии к Зарубежной Церкви в православном народе. Нападки на нее со стороны, как он называет ее, "поднадзорной" Церкви, поднимают ее престиж у верующих. Особенно подняло ее престиж прославление Новомучеников Российских, включая Царскую Семью. Иконы новомучеников, прибывшие с Запада, копируются и широко распространяются.

"Что кроме независимости и самостоятельности больше всего привлекает наших православных к Русской Зарубежной Церкви? — пишет докладчик и отвечает: — Конечно, твердое стояние в Православии. Не секрет, что, несмотря на свой явный консерватизм, Православная Церковь в самой России испытала заметную эрозию своих вековых обычаев: наблюдается упадок монашеской жизни, часто небрежно ведется богослужение, в небрежении таинство Исповеди, забыты почти полностью многие благочестивые обряды, начисто отсутствует приходская жизнь. К тому же все время предпринимаются попытки повторить обновленчество, но уже осторожнее и осмотрительнее. На международной церковной конференции в Москве в 1987 году, прот. Владимир Сорокин, будущий ректор ленинградских духовных школ, прямо заявил, что Русская Православная Церковь не осудила обновленчество официально"...

Докладчик придает большое значение развитию экуменизма. "Особенно широко среди высшей иерархии распространился экуменизм, который по началу многими рассматривался как дипломатическая уловка для укрепления авторитета Церкви в глазах властей. Однако со временем выяснилось, что эта уловка стала опасной западной: делая уступки в переговорах Русской Православной Церкви, волей-неволей пришлось пойти на важные компромиссы с инославными и для вящего успеха формировать в своей среде соответствующую ментальность, которая стремилась расширить сферу собственного влияния. Вот почему недвусмысленная оппозиция Русской Зарубежной Церкви экуменизму, служит примером и опорой для всех кому в России дорога чистота православного вероучения. А таких людей не мало среди священников и мирян".

Таким образом, через казалась бы, непроницаемую границу, создается, по милости Божией, духовное единение здоровых духовных сил и труд их в одном направлении.

XVI. ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послание митрополита Сергия, ставшего заместителем местоблюстителя патриаршего престола от 16/29 июля 1927 г., как мы видели в главе 7-й, сразу же вызвало много возражений и протестов. Если такие протесты в большом количестве поступили из самых отдаленных мест, то особенно острый характер они носили в Петроградской епархии. 12 декабря по новому стилю делегация из Петрограда прибыла в Москву к митрополиту Сергию. Нам не известны имена всех делегатов. Имеющаяся у меня рукописная запись упоминает только то, что в ее составе были профессор, и что возглавлял ее епископ Димитрий (Любимов). Делегаты говорили и горячо спорили с митрополитом Сергием, но уехали от него ни с чем.

14/27 марта 1928 года состоялось заседание Синода, на котором митрополит Иосиф и еще семь епископов, несогласных с митрополитом Сергием были уволены от занимаемых ими кафедр и запрещены в священнослужении. Они не признали силы за этим постановлением, вследствие чего расхождение во мнениях перешло в состояние канонического разделения.

Во время обновленческой смуты митрополит Иосиф не проявлял большой активности. Он старался, по возможности, остаться в стороне. Будучи в 1920 году переведен в Ростов в разгар обновленческой борьбы, он затворился в Угличском Алексеевском монастыре и оттуда управлял епархией без громких выступлений, но и не поддаваясь обновленцам. Митрополит Сергей его, видимо, хорошо знал и считал его подходящим для Петроградской епархии. Ценил его и митрополит Петр как это видно из того, что он назвал его третьим кандидатом для замещения себя как местоблюстителя. Митрополит Сергей, однако, не ожидал его смелого выступления против своей новой политики.

Между тем, митрополит Иосиф оказался в то время старшим из епископов, восставших против компромисса митрополита Сергия с безбожной властью. При этом он стал выступать в резкой и категорической форме, даже более резкой, чем выступал против него несколько позднее митрополит Кирилл. Последний был сослан еще при жизни Патриарха Тихона, и о политике митрополита Сергия стал отрицательно высказываться только,

когда познакомился с нею, находясь в заточении.

Твердое убеждение в том, что компромиссный путь митрополита Сергия является изменой Православию и, в сущности, осуществлением духа антихристового, которому надо противиться даже до смерти, воодушевляло к протестам многих архиереев пастырей и мирян. ГПУ, затем переименованное в КГБ, заботливо устраняло их с пути митрополита Сергия. Чтобы как-то сохраниться на свободе и не оставить паству без всякого окормления, некоторые архиереи стали прибегать к тайным хиротониям. Если мы слышали уже в 30-х годах о существовании "катакомбных" епископов и клириков, то, очевидно, тут надо подразумевать деятельность преемников митрополита Иосифа и его единомышленников.

Выше я писал о взглядах митрополита Кирилла на деятельность митрополита Сергия. До него доходили сведения о более решительных выступлениях митрополита Иосифа, епископа Виктора и др., считавших митрополита Сергия совсем отпавшим от Церкви и отрицавших благодатность совершавшихся им и его клиром таинств. Они считали только своих единомышленников, принадлежащими к Церкви Христовой. По существу, митрополит Кирилл был согласен с ними, но практически только воздерживался от всякого общения с сергианцами. Он не шел так далеко как митрополит Иосиф и не отрицал так решительно существования у них благодати, но одновременно, и не осуждал позиции в этом вопросе митрополита Иосифа. По сообщению одной рукописи, митрополит Кирилл был возмущен постановлением сергианского Синода, запретившим отпевание последователей митрополита Иосифа, считая их и вообще всех с ним несогласных находящимися в расколе.

С другой стороны, все большее ощущение подчиненности Московской Патриархии власти безбожников, а также преследования твердых епископов и священников, отправляемых один за другим в тюрьмы и ссылки, в то время, как "покорные" получали относительную свободу, увеличивало разрыв между теми и другими.

Те, кто до сих пор видели в сергианстве только самочинное присвоение себе власти со стороны митрополита Сергия и главным образом отошли от него по этой канонической причине, переменили свою точку зрения, когда сочли митрополита Петра умершим, и митрополит Сергей оказался избранным в Патриархи. Это особенно ярко видно из жизнеописания епископа Афанасия (Сахарова) и записанных о нем воспоминаний его друзей. Он не очень доверял митрополиту Сергию, особенно после временного присоединения его к обновленцам, а затем незаконного присвоения им себе звания местоблюстителя. Он тогда отделился от него, сохраняя верность митрополиту Петру.

Об этом он откровенно заявил митрополиту Сергию в письменной форме в декабре 1933 года, по возвращении из Туруханского края, где он находился в ссылке [142]. Только когда у него не оставалось никаких сомнений в том, что митрополит Петр скончался, епископ Афанасий признал митрополита Сергия, хотя и продолжал по возможности избегать посещения храмов, в которых его поминали. Признал епископ Афанасий и избрание митрополита Сергия в Патриархи, а после его кончины и выборы Патриарха Алексия, хотя, находясь в ссылке, он знал об этих выборах очень мало. Со своей стороны и новый Патриарх Алексей не проявил никакого интереса к заключенному в ссылке архиерею.

В бытность Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в Германии, он неоднократно получал сведения о том, что часть несогласных с сергианами епископов в тайне продолжала существовать в России. Сведения о таких епископах и ряде клириков поступали в Архиерейский Синод и в Америке до самого недавнего времени, но никогда и нигде не опубликовывались, чтобы как-нибудь не навести на их след агентов КГБ. Доходили до Синода и иногда опубликовывались в "Церковной жизни" некоторые сочинения из катакомбных кругов. Они отличались глубокой богословской мыслью и апокалиптическим настроением.

Мы знаем, что и теперь есть приходы, в которых поминают Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, но мы ничего не можем сказать об их организации. С другой стороны мы знаем о части священников из рукоположенных в Московской Патриархии, но затем от нее отколовшихся, не выдержавших ее лжи, экуменизма и прислуживания безбожникам.

Печатные сведения о катакомбных приходах более чем скудны. Некоторым исключением являются сведения, опубликованные Московской Академией Наук под заглавием "Современное сектантство" в издании "Вопросы истории, религии и атеизма", вып. 9-й, Москва, 1961 г., издательство Академии Наук СССР. Там опубликованы два доклада из работ в 1961 году особой комиссии по исследованию деятельности истинной Православной Церкви на Тамбовщине. Обращает на себя внимание, что речь идет о Тамбовской епархии, возглавлявшейся до революции архиепископом Кириллом, впоследствии митрополитом Казанским. Там долго могло сохраняться влияние этого выдающегося святителя. Однако доклады членов этой комиссии Л. П. Митрожина и З. А. Никольской говорят о периоде, когда она не могла встретить ни одного единомысленного с митрополитом Кириллом клирика: все были уже не один год до того посажены в тюрьмы. Таким образом, речь идет о существовании в известной части России только отдельных групп верующих мирян, которые старались и без клириков как-то сохранять молитвенную церковную жизнь.

Само собой понятно насколько это было затруднительно и насколько формы молитвенной жизни и молитвенных собраний этих лишенных пастырей-исповедников, постепенно начинали отступать от обычных форм церковных богослужений. Подобно старообрядческим беспоповцам, они при самых лучших намерениях скользили к формам религиозной жизни, часто подобным сектантским. Тут надо еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что исследователи Академии Наук не могли встретить среди истинных православных христиан ни одного священника, а только со слов других слышали об епископе Алексии (Буй) и что его последователей называли "бுவцами".

Впрочем, доклад Митрожина содержит сведения о зарождении будущей истинно Православной Церкви в г. Козлове. Он называет имена некоторых ревнителей, как, например, священников, настоятеля Никитовской церкви о. Н. Сосновского и, по-видимому, особенно активного архимандрита Иллария Кольцова, который являлся одним из главных и особенно почитаемых вождей Православия в этой области. Митрожин пишет, что его могила служила местом тайного паломничества последователей Истинной Православной Церкви. О группе о. Н. Сосновского он пишет, что она была "сравнительно многочисленной и имела связи с другими организациями такого рода. Так, Сосновский был связан с видным староцерковником митрополитом Иосифом Ленинградским, и, что особенно важно, связь с Воронежским епископом Алексием (Буй), находившимся в то время в Ельце, осуществлялась через "Илларию", регулярно получавшего от воронежского владыки инструкции. Известно также, что Сосновский был связан с о. Сергием Мечевым очень популярным тихоновским пастырем в Москве.

Первоначальная организация Истинной Православной Церкви Тамбовской области была сметена гонениями в 1932 году, но была возобновлена в 1946-1952 гг.

Хоть же Митрожин пишет далее: "Особый характер деятельности обуславливали специфические черты организации ИПЦ. Она существовала в виде небольших групп тяготеющих к домашним монастырским, во главе которых стояли обычно монашески. Прием в группу и допущение к собранию проводился в строгом индивидуальном порядке и лишь по рекомендации своего человека.

Обычно практиковалась клятва перед крестом, в которой вступающий давал обещание не разглашать тайн своей группы... В своей деятельности ИПЦ придерживалась строго конспиративных методов работы. Ее члены назначали тайные собрания, вели переписку друг с другом при помощи шифров и через подставных лиц. Деятельность руководителей ИПЦ держалась в глубокой тайне даже от рядовых членов".

Мы имеем основания надеяться, что методы конспирации могли сохранить некоторую часть катакомбной иерархии и клира.

Для

них коммунизм был больше, чем только недоброжелательное к Церкви политическое явление. Они видели в нем уже апокалиптическое явление царства беззакония.

Различны проявления этого царства. При разных видах и степенях подчинения его законам имеется какой-то рубеж при переходе, которого люди отделяются от Христовой истины и становятся на служение лжи, солидаризируясь с безбожным коммунизмом. Ярким знаменем разделения здесь служить почитание Новомучеников не признаваемых Московской Патриархией. Однако, почитающие их верующие, уже в какой-то степени отделяются от греха последовательницы сергианского компромисса со злом — Московской Патриархии.

От тех, кто, не принимая лжи Московской Патриархии, остаются в молитвенном общении с ней, довелось слышать и такой взгляды "Патриархия находится на гибельном пути и иерархия ее заслуживает суда. Однако, кто может составить этот суд? Поэтому приходится ждать, как в свое время в Константинополе ждали 7-го Вселенского собора".

Насколько изменятся условия церковной жизни при реформах М. С. Горбачева? Сможет ли свободно и открыто существовать действительно независимая Церковь? Это вопросы, на которые без дара пророчества никто не может дать ответа. Но, вспоминая то, что мы писали выше на основании слов Харчева о подготовке новых пастырей с нарочитыми взглядами, мы можем опасаться, что дело зашло уже далеко и Московская Патриархия совместно с сотрудниками Харчева, изобретет еще какую-то форму внедрения в Русскую Церковь антихристовых начал через уже современную иерархию. Господь да сохранит Русскую Церковь от новых искушений.

[1] Арсеньев. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт, 1974, стр. 61-62.

[2] Проф. Б.В. Титлинов. Новая Церковь. Петроград-Москва, 1923 г. стр. 12.

[3] Там же, стр. 13.

- [4] Прот. А.И. Введенский. Церковь и Государство. Москва 1923 г., стр. 24-25.
- [5] Там же, стр. 32-33.
- [6] Венок на могилу Высокопреосвященного Митрополита Владимира. Изд. Киево-Печерской Лавры под ред. заслуженного профессора протоиерея Феодора Титова, Киев, 1918 г., стр. 16.
- [7] Архиепископ Никон (Рклицкий) Жизнеописание Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), т. IV, Нью-Йорк, 1958 г., стр. 135.
- [8] Прот. А. И. Введенский. Церковь Патриарха Тихона. Москва 1923 г.
- [9] Проф. Б. В. Титлинов. Церковь во время революции. Петроград 1924 г., стр. 88-89.
- [10] Там же, стр. 89.
- [11] Там же, стр. 90.
- [12] Там же, стр. 91.
- [13] Введенский. Церковь и Государство, стр. 61.
- [14] Там же, стр. 33.
- [15] Проф. Б. В. Титлинов. Церковь во время революции. стр. 90.
- [16] Там же, стр. 91.
- [17] Прибавление к Церковным Ведомостям, 1906 г., №16, стр. 863-864.
Вопрос о правах клира и мирян на Собор в свое время вызвал большие прения и на Предсоборном Присутствии в 1906 г. Подавляющее большинство голосов высказалось тогда за их участие с совещательным голосом. Из семи лиц, высказавшихся за предоставление им решающего голоса, однако, двое оговорились, что допускают это только для первого, чрезвычайного Собора, а один полагал, что такое право канонически им не принадлежит, но на таком Соборе должно быть им даровано самими епископами, собравшимися на Собор.
- [18] Введенский. Церковь и Государство, стр. 68.
- [19] Проф. Б. В. Титлинов. Церковь во время революции. стр. 93.
- [20] Деяния Всероссийского Собора, кн. III, 1917 г.
- [21] Там же.
- [22] Архиепископ Никон (Рклицкий) Жизнеописание Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), т. IV, стр. 210.
- [23] Введенский. Церковь и Государство, стр. 73.
- [24] Архиепископ Никон (Рклицкий) Жизнеописание Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), т. IV, стр. 211.
- [25] Владимир Степанов (Русак) Свидетельство Обвинения, Москва 1980 г., ч. I, стр. 49.
- [26] Там же.
- [27] Лев Регельсон. "Трагедия Русской Церкви", Париж 1977, стр. 65-67.
- [28] Деяния.
- [29] Там же.
- [30] Там же.
- [31] А. А. Шишкин. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви. Издание Казанск. Университета 1970 г., стр. 19-20.

[32] Александр Димитриевич Самарин, бывш. Московский Губернский Предводитель Дворянства и в 1916 г. короткое время Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода. Он был одним из Товарищей Председателей Всероссийского Собора. Впоследствии, он был осужден на смерть, как Председатель Объединения Московских приходов.

[33] Деяния 15/28 марта 1917 г.

[34] Там же.

[35] П. П. Гидулянов. Церковь и Государство по законодательству РСФСР. Москва 1923 г.

[36] А. А. Валентинов. Черная Книга. Париж 1925 г.

[37] А. А. Шишкин. Сущность и Критическая оценка обновленческого раскола РПЦ, стр. 33-34.

[38] А. А. Шишкин. Церковь и Государство, стр. 202.

[39] Валентинов приводит ту же цифру официально зарегистрированных кровавых эксцессов.

[40] Валентинов. Черная Книга, стр. 205-209.

[41] Там же.

[42] Там же, стр. 208-210.

[43] Проф. В. Титлинов. Новая Церковь. Петроград-Москва. 1923 г., стр. 8.

[44] Новый Журнал, №87, стр. 199.

[45] Там же, стр. 201.

[46] Там же, стр. 206.

[47] Проф. В. Титлинов. Новая Церковь, стр. 9-10.

[48] Проф. С. Троицкий. Что такое Живая Церковь, Варшава 1927 г., стр. 6-7.

[49] Церковные Ведомости №№1-2, 1922.

[50] Там же, №№10-11, 1922 г., стр. 1.

[51] Анатолий Левитин и Вадим Шавров. Очерки по истории Русской Церкви. Кюзнахт, Швейцария, 1977 г., стр. 119.

[52] Валентинов. Черная Книга, стр. 210-211.

[53] Проф. В. Титлинов, Новая Книга, стр. 55.

[54] Лев Регельсон. Трагедия Русской Церкви, стр. 304.

[55] Там же, стр. 148.

[56] Там же, стр. 335.

[57] Там же, стр. 54-55.

[58] А. А. Шишкин. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола РПЦ, стр. 89.

[59] История Церковной Смуты, стр. 234.

[60] Проф. В. Титлинов. Новая Церковь, стр. 15-17.

[61] Проф. В. Титлинов, стр. 215.

- [62] Церковные Ведомости, 1923 г., №№7-8, стр. 4.
- [63] Там же, №№15-16, стр. 4.
- [64] Церковные Ведомости 1926 г., №№1-2, стр. 4.
- [65] Церковные Ведомости 1925 г., №№17-18, стр. 3-4.
- [66] Церковные Ведомости 1924 г., №№15-16, стр. 2-10 и 1925 г. №№7-8 стр. 3.
- [67] Проф. С. Троицкий. Что такое Живая Церковь, Варшава 1927 г., стр. 39. Автор замечает, что цитируемая им грамота Вселенского Патриарха от 18 июля 1926 г. нигде не напечатана. С. В. Троицкий, очевидно, познакомился с ней будучи переводчиком с греческого языка для Священного Синода Сербской Церкви.
- [68] Статья "Закат Обновленчества", Грани, №№8-88 за 1973 г.
- [69] Левитин и Шавров. Очерки по истории Русской Церкви, стр. 157.
- [70] Там же, стр. 257-258.
- [71] Там же, стр. 265-270.
- [72] Там же, стр. 228.
- [73] Там же, стр. 293.
- [74] Там же, ч. II, стр. 17-18.
- [75] Там же, стр. 29.
- [76] Там же, стр. 31.
- [77] Левитин и Шавров. Очерки по истории Русской Церкви, ч. I, стр. 261.
- [78] Журнал московской Патриархии, 1931 г., №1. А. А. Шишкин. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола РПЦ. Казань 1970 г., стр. 292.
- [79] А. А. Шишкин. Там же, стр. 296.
- [80] Шишкин, Там же, стр. 295. Правда о Временном Высшем Церковном Совете и о Нижегородском Митрополите Сергии. Издание Донского Епархиального Совета, 1927 г., стр. 2.
- [81] Там же, стр. 295.
- [82] Там же, стр. 298.
- [83] Там же, стр. 299.
- [84] Там же. Переписка между митрополитом Агафангелом и митроп. Сергием напечатана в Сремских Карловцах в Церковных Ведомостях за 1926 г.
- [85] А. А. Шишкин. Там же, стр. 300-302.
- [86] Там же, стр. 302.
- [87] Там же, стр. 302-310; "Церковные ведомости", 1930 г., №№5-6.
- [88] Там же, стр. 305.
- [89] Еп. Борис (Рукин). О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. Москва 1927 г., стр. 15.
- [90] Правда о врем. Высшем Церковном совете и о Нижегородском митрополите Сергии. Изд. Донского Епарх. Совета, Ростов-на-Дону, 1927 г., стр. 14-15. Там же приводится и самый текст заявления. Нельзя не удивляться,

что иерарх с таким умом и образованием, какими обладал митрополит Сергей, присоединился к такому явно неканоническому органу, направление которого определялось создавшей его группой "Живая Церковь". Программа ее была определена еще в мае 1922 г. и явно вела к реформации. См. книгу проф. Б. В. Титлинова "Новая Церковь", Петроград, Москва, 1923 г., стр. 10-14.

[91] Лев Регельсон. "Трагедия Русской Церкви 1917-1945", Париж, 1977 г., стр. 117.

[92] Там же, стр. 166-167.

[93] Там же, стр. 182.

[94] Там же, стр. 436.

[95] Прот. Г. Граббе. "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом", Джорданвилл, 1961 г., стр. 93. Там же свидетельство прот. А. Ионова со слов близкого к митр. Сергию лица о том, как мучился митрополит по получении требования о заявлении в газете относительно благополучного положения Церкви под угрозой жизни всех заключенных священников. По словам этого близкого к нему человека, бывшего в то время с ним митрополит Сергей был все утро в состоянии неопишемого смятения: вот он подбегает к иконам, падает перед ними на колени и начинает горячо молиться, то бросается к письменному столу и, охватив голову руками, сидит в мучительном раздумье... В таком борении он провел несколько часов. "Новое русское слово" от 15 февр. 1960 г. (приведено целиком в книге протопр. Г. Граббе, указанной выше, стр. 92-93).

[96] Марк Попковский. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, стр. 351-352.

[97] Там же. Автор ссылается на журнал "Антирелигиозник" №4, 1930 г., стр. 3.

[98] Попковский. Там же, стр. 355.

[99] М. Попковский. Там же, стр. 367.

[100] Цитирую по вышеупомянутой книге Попковского, стр. 368.

[101] Цитирую по неопубликованному труду А. Л. Казем-Бека "Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия", приготовленного к печати и бывшего в моих руках в виде фотокопии с рукописи. Не знаю, был ли этот труд издан.

[102] Н. С. Гордиенко. "Современное Русское Православие", Лениздат, 1987 г., стр. 81.

[103] Там же, стр. 83-84.

[104] Все цитаты из издания Представительства Российских Эмигрантов в Америке. Стр. 59, 60.

[105] Стр. 73.

[106] Там же.

[107] Стр. 79.

[108] Стр. 74.

[109] Там же.

[110] Стр. 77.

[111] Стр. 75.

[112] Стр. 76.

[113] Стр. 5.

[114] Стр. 41.

[115] Jeap Informations Catholiques Internationales, №381, апрель 1971.

[116] The Tablet от 8 мая 1971 г.

[117] The Tablet от 15 мая 1971 г.

[118] Там же.

[119] Письма двух священников из Москвы. Якунин и Эшлиман. Стр. 15.

[120] Парижская газета "Русская мысль" №3725 от 20 мая 1988 г.

[121] Н. Орлеанский. Закон о религиозных объединениях в СССР. Москва 1930

[122] В. Альбрехт. Религиозное законодательство: проблемы и реальность. Доклад.

[123] Здесь две опечатки: постановление было в 1920 г., а не в 1919 и номер его был 362, а не 326.

[124] Правда о Временном Высшем Церковном Совете и о Нижегородском митрополите Сергии, стр. 4-5. Совет был образован архиеп. Митрофаном, но по прибытии митрополита Киевского Антония, возглавление его перешло к последнему.

[125] "Церковные ведомости", 1924 г. №№23-24, стр. 10.

[126] А. А. Шишкин, цитир. сочин. стр. 317. Заметим тут две ошибки: 1) Эстонской Миссии у митрополита Антония не было. Очевидно, письмо его было послано через Эстонию. 2) При Патриархе было не Высшее Церковное Управление (ВЦУ), а Высший Церковный Совет (ВЦС). Тут у Шишкина может быть опечатка. Шишкин ссылается на "Обвинительное заключение по делу гражданина В. И. Белавина"... М. 1923, стр. 29.

[127] Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей, с участием представителей клира и мирян, состоявшего с 1/14 — 11/24 августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград 1939, стр. 559-560.

[128] Шишкин. Стр. 317-318.

[129] Мог это знать митрополит Евлогий, который виделся с прот. Пашковским после его прибытия из Москвы. Однако, или означенный протоиерей не сообщил ему этих данных, или он по какой-либо причине не пожелал сообщить о них Собору. В то время уже намечалось некоторое расхождение между Парижем и Сремскими Карловцами. Противники Синода, поэтому, старались использовать московский указ, чтобы представлять митрополита Евлогия, как наделенного особыми полномочиями от Патриарха Тихона и в этом смысле противопоставлять его митрополиту Антонию и Синоду. Эта тенденция, на заседания Собора проводившаяся еп. Вениамином, получила отражение в определении Собора и в том, что подписать указ было предложено "за председателя" митрополиту Евлогию.

[130] Смотри: проф. С.В. Троицкий. "Размежевание или раскол", Париж, 1932 и мой ответ ему "Единение или раздробление". Новый сад, 1932. Моя брошюра вошла в 1-й том собрания моих сочинений "Церковь и ее учение в жизни". Монреаль, 1964.

[131] Смотри: С.В. Троицкий. "О неправде Карловацкого раскола". Париж, 1960 г. и мой ответ ему "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом", Джорданвилл, 1961.

[132] Цитата взята из докладной записки, написанной проф. С.В. Троицким для Архиерейского Синода по вопросу о канонических и юридических условиях для организации епархии в Бельгии. Подлинник в архиве Синода. Почти вся записка приведена в моей книге "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом".

[133] Церковный вестник Западно-Европейской епархии, №2 ноябрь 1946 г., стр. 7.

[134] Вестник Русского Христианского Студенческого Движения. Март 1927 г., стр. 29.

[135] Копия этого обращения была получена митрополитом Антонием. Его цитирует проф. С.В. Троицкий в журнале "Церковная жизнь" №10, 1936 г. и оно приводится в моей книге "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом", стр. 72.

[136] "Церковные ведомости", 1927 г., №17-18.

[137] Обращение митрополита Евлогия к пастве от 10 октября 1930 г.

[138] "Вестник Русского Христианского Студенческого Движения", март 1930 г.

[139] "Церковный вестник", 1929 г., №3 стр. 2.

[140] Патриарх Варнава делал такое предложение, не обсуждая его предварительно с митрополитом Антонием, который никогда не согласился бы на подобный шаг. Он решительно осудил именно такое решение митрополита Евлогия, как измену Русской Церкви (Е. Г.).

[141] "Журнал Московской Патриархии", 1971 г., №7 стр. 10.

[142] "Вестник Русского Студенческого Христианского Движения", 1973 г., №107, стр. 188. "Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова).

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1) Владимир Альбрехт "Религиозное законодательство". Доклад Собору 1988 г. в Москве.

2) Антоний, архиеп. Лос Анжелосский. Доклад Собору о положении Церкви в СССР, Джорданвилл, 1960 г.

3) Н. Арсеньев "Дары и встречи жизненного пути", Франкфурт 1974 г.

4) Богословские труды. Сборник, Москва 1981 г.

5) Проф. А. Боголепов "Церковь под властью коммунизма", Мюнхен 1958 г.

6) Валентинов "Черная книга", Париж 1925 г.

7) Прот. А. Введенский "Церковь Патриарха Тихона", Москва 1923 г.

8) Прот. А. Введенский "Церковь и государство", Москва 1923 г.

9) Протопр. проф. В. Виноградов "О некоторых важнейших моментах после периода жизни и деятельности Патриарха Тихона", Мюнхен 1959 г.

10) Пастор Ричард Вуртбрандт "Мучения за Христа", США 1969 г.

11) ВЕНОК на могилу Высокопреосвященного Митрополита Владимира", Киев 1918. Сборник под редакцией прот. Феодора Титова.

12) П. П. Гидулянов "Церковь и государство по законодательству РСФСР", Москва 1923 г.

13) Проф. Н.Н. Глубоковский "Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии", Варшава 1923 г.

14) Н. Гордиенко, Комаров Курочкин "Политиканы от религии — правда о Русской Зарубежной Церкви", Москва 1975 г.

15) Н. Гордиенко, Носович, Хорохорин "Современное Православие и его идеология", Москва 1963 г.

16) Протоиер. Г. Граббе "Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом", Джорданвилл, 1961 г.

17) Протоиер. Г. Граббе "Церковь и ее учение в жизни", т. I, Монреаль, 1964 г.

18) Протоиер. Г. Граббе "Церковь и ее учение в жизни", т. II, Монреаль, 1970 г.

19) Прот. В. Димидов "Идейная борьба за святую Русь". Год и место издания не указаны.

20) Деяния Всероссийского собора 1917 г.

21) Деяния Первого Всеаграничного собора в Сремских Карловцах 1921 г. Ср. Карловцы 1922 г.

22) Деяния Второго Всезарубежного Церковного собора, Белград 1939 г.

23) Деяния Московского собора 1988 г.

24) Е. Л. "Епископы исповедники", Сан-Франциско 1971 г.

25) Свящ. Кирилл Зайцев "Православная Церковь в Советской России", Шанхай 1947 г.

26) Владимир Зелинский "Приходящие в Церковь", Париж 1982 г.

27) Прот. Д. Константинов "Гонимая Церковь", Всеславянское издательство 1967 г.

- 28) П. К. Курочкин "Эволюция современного русского Православия", Москва 1971 г.
- 29) В. А. Куроедов "Религия и Церковь в советском обществе", Москва 1984 г.
- 30) Левитин и Шавров "Очерки истории Русской Церкви", Швейцария 1978 г.
- 31) Левитин-Краснов "В поисках Нового града", Тель-Авив 1980 г.
- 32) Левитин-Краснов "Лихие годы", Париж 1977 г.
- 33) Левитин-Краснов "Рук твоих жар", Тель-Авив 1979 г.
- 34) Э.И. Лисавцев "Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР", Москва 1971 г.
- 35) Неизвестный автор из СССР "В объятиях семиглавого змия", Монреаль 1984 г.
- 36) Митрополит Николай "Слова и речи", Москва 1950 г.
- 37) Никольский "История Русской Церкви", Москва 1983 г.
- 38) Архиеп. Никон (Рклицкий) "Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого", Нью-Йорк, т. I, 1956 г.; т. I и III, 1957г.; т IV, 1958 г.; т. V, 1959; т. VI, 1960 г.; т. VII, 1961 г.
- 39) Отделение Церкви от государства и школы от Церкви. Академия Наук СССР, 1958 г.
- 40) Свящ. Михаил Польский "Новые Мученики Российские", Джорданвилл, т. I, 1949 г.; т. II, 1957 г.
- 41) Свящ. Михаил Польский "Современное состояние Православной Церкви в СССР", 1946 г.
- 42) Свящ. Михаил Польский "Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей", Джорданвилл 1954 г.
- 43) Отделение Церкви от государства и школы от Церкви, Академия Наук СССР, 1958 г.
- 44) Праведники нашего времени. Катакомбы.
- 45) М. Попковский "Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга", Париж 1979 г.
- 46) Г. Рарь "Плененная Церковь", Посев (Германия) 1954 г.
- 47) Лев Регельсон "Трагедия Русской Церкви", Париж 1977 г.
- 48) (Рукин) Епископ Борис Можайский, Москва 1927 г.
- 49) Валентин Рожицын "Тихоновцы, обновленцы и контр-революция" Москва-Ленинград 1926 г.
- 50) Дьякон Владимир Степанов (Русак) "Свидетельство обвинения), изд. Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле, 3 тома.
- 51) Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историч. справка. Джорданвилл 1955 г.
- 52) Русская Православная Церковь — устройство, положение, деятельность. Москва 1958 г.
- 53) Русская Православная Церковь в СССР. Сборник статей. Мюнхен 1962 г.
- 54) (Поместный) собор Русской Православной Церкви 1971 г. Москва 1972 г.
- 55) Патриарх Сергей и его духовное наследие. Москва 1947 г.
- 56) Б. В. Титлинов "Церковь во время революций", Петроград 1924 г.
- 57) Б. В. Титлинов "Новая Церковь", Петроград-Москва 1947 г.
- 58) Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. Академия Наук СССР, Москва 1981 г.

- 59) Проф. Троицкий "Что такое Живая Церковь", Варшава 1917 г.
- 60) Проф. Троицкий "Почему у нас закрывают храмы в Советской России", Белград 1931 г.
- 61) Проф. Троицкий "О неправде Карловацкого раскола", Париж 1960
- 62) Кн. Г. Трубецкой "Красная Россия и святая Русь", Париж 1931 г.
- 63) Еп. Иоанн (Шаховской) предисловие к рукописи, полученной из СССР. Автор неизвестен.
- 64) Защита веры в СССР, Париж 1966 г.
- 65) А. А. Шишкин "Сущность и критическая оценка обновленческого раскола Русской Православной Церкви", издание Казанского университета 1970 г.
- 66) Церкви. Издание Казанского университета 1970 г.
- 67) Свящ. А. Шмеман "Церковь и церковное устройство", Париж 1949 г.
- 68) И. Р. Шафаревич "Законодательство о религии в СССР", Париж 1973 г.
- 69) В. Фуров "Доклад председателя Совета по Делах религии членам центрального комитета коммунистической партии", Монреаль 1982 г.
- 70) Там же.
- 71) Н. Хрущев "Речь Хрущева на открытом заседании съезда КПСС", Мюнхен 1956 г.

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- 72) Wassilij Alexeev & Theofanis Stavrou. The Great Revival, Minneapolis, 1976.
- 73) Paul Anseron. L'eglise et la Nation en Russie Sovietique. Paris 1946.
- 74) Paul Anseron. The Orthodox Church in Soviet Russia. Article in Foreign Affairs, January 1961.
- 75) James Bales. Communism, its Faith and Fallacies. Grand Rapides, MN 1962.
- 76) Alexander Bogolepov. Church Reforms in Russia 1905-1918.
- 77) Michael Bourdeau. . Faith on Trial in Russia, New York 1971.
- 78) Michael Bourdeau. Religious Torment in Russian. London 1968.
- 79) Brown Leopold. Religion in Russia. Paterson, NJ. 1958.
- 80) Brown Leopold. Has Communism Changed Since Lenin. Paterson, NJ 1959.
- 81) Jogannes Chrisostomus. Kirchengeschichte Russlands in der Neusten Zeit, Munchen 3 vol. 1966.
- 82) Jogannes Chrisostomus. Kleine Kirchengeschichte Russlands nach 1917. Herder Bucherei Band 311.
- 83) Church and State Behind the Iron Curtain. Edited by V. Gsovski. New York 1955.
- 84) Walter Ciszek, S.J. With God in Russia. New York 1964.
- 85) Conference in Defense of Peace of all Churches & Religious Associations in the USSR held in Troitse-Sergieva Monastery, Zagorsk on May 9-12, 1952.
- 86) Hadley Conril. Soviet leaders and mastery of man. USA 1960.
- 87) Michel D'Herbigny, S.J. Eveques Russes en Exil - Douze Ans d'Epreeves (1918-1939). Roma, Italia.

- 88) John Dunlop. The New Russian Revolutionaries. Nordland. 1976
- 89) Konstantin de Grunwald. The Churches and the Soviet Union. New York, 1962.
- 90) Konstantin de Grunwald. God and the Soviets. London, 1961.
- 91) Jane Ellis. The Russian Orthodox Church, a Contemporary History, Indiana University Press, 1986.
- 92) Priests N. Eshliman and G. Yakunin. A Cry of Despair from Russian Churchmen with Introduction by Archpriest George Grabbe. New York, 1966.
- 93) William Fletcher. The Russian Orthodox Church Underground. 1917-1970. London 1971.
- 94) William Fletcher. A Study of Survival - The Church in Russia 1927-1943. New York, 1965.
- 95) William Fletcher. Religion and the Search for new Ideas in the USSR. New York, 1967.
- 96) William Fletcher. Religion and Soviet Foreign Policy 1945-1970. Oxford Press 1973.
- 97) John Gunther. Inside Russia Today. London 1958.
- 98) Arfed Gustafson. Die Katakomben Kirche. Stuttgart.
- 99) Arfed Gustafson. The Catacomb Church, Jordanville, 1960.
- 100) Vladimir Gsovski. Reform of Criminal Law in the Soviet Union. Spring 1960.
- 101) Bernard Hutton. Danger from Moscow. London 1960.
- 102) Institute for Study of the USSR - Religion in the USSR. Munich, 1960.
- 103) Kischkowsky Alexander. Die Sovietische Religionspolitik und die Russische Orthod-oxie.
- 104) Kirche. Munchen. 1960.
- 105) Kirche im Osten. Studien zur Osteuropaischen Kirchengeschichte und Kirchenkun-de. Stuttgart, 1960.
- 106) Hans Konigsberger. Along the Roads of the New Russia. USA 1968.
- 107) John Lawrence. Russians Observed. England 1969.
- 108) Ivan London & Nikolai Poltoratzky. Contemporary Religious Sentiment in the Soviet Union. Psychological Reports. Monograph supp. 3. Southern University Press. 1957.
- 109) ibid.
- 110) Richard Marshall, Jr. Thomas Bird., Andrew Bland. Aspect of the Religion in the Soviet Union. Chicago, IL. 1971.
- 111) ibid.
- 112) Richard Mc Brian. Has the Church Surrendered? USA 1974.
- 113) Metropolitan Nikolai, Agent in Soviet Secret Police. Compiled by Carl Mc Intire. Collingwood.
- 114) Carl McIntire, Servants of Apostasy. Collingwood, NJ. 1955.
- 115) Robert Nichols, Nicholas Stavrou. Russian Orthodox Church Under Old Regime. Minneapolis 1978.
- 116) Probleme Religieux en URSS, (Le) La Documentation Francaise Presidence du Conseil.
- 117) Secretariat General du Gouvernement. Paris 9 Oct. 1954.

- 118) Rankshaw. Russia Without Stalin. New York 1956.
- 119) Herbert Ritvo. The New Soviet Society. USA 1962.
- 120) The Russian Revolution and Religion. Translated and edited by Boleslav Szczesniak. Univ. of Notre Dame. Indiana.
- 121) Religion in the USSR. Institute for the Study of the USSR, Munich. 1960.
- 122) John Shelton Curtis. The Russian Church and the Soviet State. Boston 1953.
- 123) George Shuster. Religion Behind the Iron Courtain. New York 1954.
- 124) Bernard Smith. The Fraudulent Gospel. Politics & the World Council of Churches. England 1976.
- 125) Mattehew Spinka. The Church in Soviet Russia. New York, 1956.
- 126) William Stroyen. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. USA 1967.
- 127) Nikita Struve. Les Chretiens en URSS, Paris 1963.
- 128) Superior Court of the State of California in and for the County of Los Angeles. Decision 1949.
- 129) Jane Swan. A Biography of Patriarch Tikhon. Jordanville, 1964.
- 130) N.S. Timasheff. Religion in Soviet Russia. London 1943.
- 131) The Records of the Council for Religious Affairs to the Members of the Central Committee. Report made by V. Furov. Montreal 1982.
- 132) *ibid.*
- 133) Troizky, Professeur S. De L'Autocephalie dans L'Eglise. Paris 1952.
- 134) Troizky, Professeur S. De la Structure de L'Eglise. Paris 1958.
- 135) Richard Wurmbrandt. The Answer to the Moscow Bible. USA 1975.
- 136) Хиландаранц. Света Русија. Birmingham. England 1987.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- 1) Выбор. Бюллетень Христинской Общественности. Москва. 1988.
- 2) Вестник Русского Христианского Студенческого движения. Париж.
- 3) Единая Церковь. Издание Московской Патриархии. Нью-Йорк.
- 4) Журнал Московской Патриархии. Москва.
- 5) "Православная Русь", Джорданвилл.
- 6) Путь, Париж.
- 7) Русская мысль, Париж.
- 8) Русско-Американский Православный Вестник.
- 9) Церковные Ведомости. Сремские Карловцы.
- 10) Церковная жизнь. Сремские Карловцы, Белград, Мюнхен, Нью-Йорк
- 11) Русское Возрождение, Нью-Йорк.

- 12) Irenicon, Chevetogne.
- 13) The Word. Official Publication of the Syrian Antiochean Orthodox Archdiocese. New York.
- 14) The Orthodox Observer. Official Publication of Orthodox Church in America.
- 15) The Orthodox Church. Official Publication of Orthodox Church in America.
- 16) Ecumenical Press Service. Geneva, Suisse.
- 17) Keston News Service. Information from Keston Collage. Keston, England.